

НОДАР
ДУМБАДЖЕ

Я ВИЖУ
СОНЦЕ
НЕ БОЯСЯ
МАМА!

Нодар Думбадзе Не бойся, мама!

OCR kolokolchiks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158843

Я вижу солнце; Не бойся, мама!: Романы: Рад. шк.; 1990

ISBN 5-330-00969-3

Аннотация

В книгу вошли два произведения известного грузинского писателя Н. В. Думбадзе (1928–1984): роман «Я вижу солнце» (1965) – о грузинском мальчике, лишившемся родителей в печально известном 37-м году, о его юности, трудной, сложной, но согретой теплом окружающих его людей, и роман «Не бойся, мама!» (1969), герой которого тоже в детстве потерял родителей и, вырастая, старается быть верным сыном родной земли честным, смелым и благородным, добрым и милосердным.

Нодар Думбадзе

Не бойся, мама!

Погасла последняя звезда. Враз, словно сговорившись, умолкли собаки и петухи. Замерли деревья. Затихло море – казалось, вовсе и не было его. Растаял туман на склонах гор. И вдруг побледнела ночь. Все произошло за несколько секунд. Весь мир, точно повернувшись лицом к востоку, в ожидании чего-то неведомого уставился на горбатую гору. Величайшее из чудес – чудо пробуждения жизни – совершалось в природе...

– Слышь, Щербина, поднимись-ка сюда!

– Чего тебе?

– Поднимись, говорю. Сейчас взойдет солнце!

– Ну и пусть... Одно и то же каждый день.

– Чудак! Красота-то какая!

– Отстань...

– Поднимись, не пожалеешь!

– Вверх-вниз, вверх-вниз! Надоело! Да и смена скоро.

– Ну и черт с тобой! Стой себе и любуйся, как старикашка молла ползет на минарет!

– Ладно, не ори.

– Пархоменко где? Позови его, пусть поднимется!

– С собакой?

– Собаку оставь себе.

– Ошалел? Загрызет!

Солнце всплыло неожиданно – красивое, теплое, золотое, живое и животворящее. Солнце поклонилось миру, улыбнулось, засмеялось. И зашумел лес, заголосил петух, залаяла собака, заколыхалось море. И всей грудью радостно вздохнула земля.

Настало утро.

Я зачехлил стереотрубу.

– Куда же они запропастились, умираю с голоду! – заворчал Щербина. Я окинул взглядом тропинку: по ней не спеша взбирались три пограничника.

– Идут!

– Слава те господи! – Щербина приставил автомат к лесенке вышки и сладко потянулся. – Итак, ночь на участке государственной границы Союза Советских Социалистических Республик прошла без происшествий. Шабаш! – произнес он и закурил «Приму».

Я стал медленно спускаться с вышки. Подкованные сапоги звенели на ступеньках лесенки. Раз, два, три... Раз, два, три... Ну и ну! Вот что значит армия! Попробуй, сосчитай-ка до четырех, – не пойдет! Раз, два, три – стоп! Четверка – словно граница, Рубикон какой-то! Удастся перешагнуть – тогда хоть до миллиона...

Пархоменко и Щербина ждали внизу.

– Слышь, отчего у тебя глаза опухли? Спал? – спросил я

у двухметрового Пархоменко.

– Как же, даст поспать варвар! Стоит вздремнуть, как лапой по уху: цап! Нашел Зудов чему учить пса! – Пархоменко слегка поддел сапогом высунувшего язык Танго.

– Так Зудов для себя ж старался, – рассмеялся Щербина. – Чесаться самому лень, вот он и обучал собаку.

– Непобедимому войску Дзнеладзе – ура! – приветствовал я подошедшую смену.

– Джакели! По инструкции положено встретить меня на вышке, доложить обстановку и сдать пост! – нахмурился Дзнеладзе.

– Все зафиксировано в журнале, товарищ. Дзнеладзе, и брось трепаться!

– Порядок есть порядок, Джакели! Придется обо всем доложить Чхартишвили!

– Пожалуйста! Но раньше я ему доложу такое, что ты, милый мой, очутишься на гауптвахте!

– Ты о чем? – насторожился Дзнеладзе.

– Ну-ка, вспомни, отчего вдруг дизентерия свалила тебя и твоих орлов? А? Не пахло ли там зелеными мандаринами из сада Али Хорава?

– Кто... Кто тебе... сказал? – запнулся Дзнеладзе.

– Петров, мандариновая жертва. Погляди на него, еле на ногах стоит. Герои!

– Продал, подлец? – зашипел Дзнеладзе на притихшего Петрова.

– А что мне оставалось делать, Шалва? – простонал тот. – Этот сукин сын заперся вчера в уборной и продержал меня у дверей, пока не выудил все.

– Понятно, товарищ Дзнеладзе? – спросил я строго.

– Понятно, понятно! Валяйте отсюда! – Дзнеладзе махнул рукой и направился к вышке.

– Дивизия, равняйся! – гаркнул я. Впереди стал Пархоменко с Танго, за ним Щербина.

– Смирно! К заставе шагом марш! Раз, два, три! Раз, два, три! Пархоменко, запевай!

«Построились в два ряда
Горы Кавкасиона...»

– зазвенел серебристый тенор Пархоменко.

«...В два ряда
Горы Кавкасиона...»

– подхватил Щербина, а затем грянули втроем:

«А застава в наряде
Задержала шпиона...»

Битый год промучался я с ребятами, пока научил их петь в два голоса...

«Эх, построились в два ряда
Горы Кавкасиона,
А застава в наряде
Задержала шпиона... Эх!»

Под звуки этого гимна (кстати, автором слов и музыки его был я) наша тройка бодро шагала по маршруту вышка – столовая...

...После завтрака, только мы уснули, раздался крик старшины:

– Выходи строиться! Быстро во двор!

– Что случилось? Война? – спросил, протирая глаза, Щербина.

– Разговорчики!

– Да говори же, Зудов, в чем дело? – спросил Пархоменко.

– Все во двор! Приказ Чхартишвили! Живо! Даю две минуты! – крикнул старшина и убежал.

– Что там стряслось? – недоумевал Щербина. – Как ты думаешь, Джакели?

– Не бойся, на войну не похоже, стрельбы не слышно, – успокоил я Щербину. Но было действительно странно: будить сменившихся с поста пограничников по закону заставы можно разве только по сверхважной причине. Что же произошло?

Спустя пять минут застава выстроилась во дворе.

– Смирн-а-а! Равнение пря-а-мо! – крикнул Зудов.

Из казармы вышел майор Чхартишвили в сопровождении

трех офицеров. Двое из них были заместители майора – по политической и по боевой части – лейтенанты Королев и Павлов. Третьего лейтенанта мы видели впервые. Лет сорока, смуглый, выше среднего роста, с брюшком, он был похож на грузина. По походке и сидевшей мешковато форме в нем угадывался человек невоенный.

– Это или разведчик особого ранга, или же не пойму кто: человек в таком возрасте должен быть, по крайней мере, майором, – шепнул я Щербине. Тот согласно кивнул головой.

Чхартишвили подошел к строю, заместители остановились поодаль. А незнакомый лейтенант, став рядом с майором, расстегнул ворот гимнастерки, закинул руки за спину носком новых хромовых сапог начал выковыривать из земли камешек.

Зудов, вытянув шею, подошел к майору, вскинул руку к виску и выпалил:

– Товарищ майор, по вашему приказанию застава выстроена!

– Здравствуйте, товарищи!

Застава глубоко вздохнула, потом грянула скороговоркой:

– Здравия желаем, товарищ майор!

– Вольно! Застава выдохнула.

– Товарищи! – начал Чхартишвили. – Сегодня на нашу заставу прибыл грузинский писатель Владимир Мдинарадзе. Он лауреат нескольких премий, член правления Союза пи-

сателей, депутат, награжден орденом... Вам, конечно, знакомы его стихи, рассказы и другие произведения... – Майор сделал паузу и окинул взглядом ряды солдат. Ребята подзрительно молчали.

– Стихи, рассказы и другие произведения... – повторил майор.

Писатель улыбнулся и наконец выковырнул камешек.

– Знаешь такого? – спросил я Щербину.

– Впервые слышу! – ответил он, пожав плечами.

– А ты? – взглянул я на Пархоменко.

– На каком языке он пишет? – спросил тот.

– Очевидно, на грузинском.

– В таком случае не знаю.

– Ну да, всех русских писателей ты, конечно, знаешь наизусть! – съязвил Щербина.

– Разговоры в строю!.. Так вот, товарищ писатель будет жить, будет служить с нами... Он хочет изучить жизнь советских пограничников, чтоб написать книгу о вас. Понятно?

Застава по-прежнему безмолвствовала.

– Может, вы скажете? – обратился майор к писателю.

Мдинарадзе широко улыбнулся.

«Чему он радуется, несчастный», – подумал я. Лауреат нескольких премий долго смотрел на нас, потом извлек из кармана огромный платок, развернул, вновь аккуратно сложил его, спрятал и голосом, слишком низким для лейтенанта, начал:

– Друзья, как вам доложил докладчик... То есть майор Чхартишвили... я писатель... С сегодняшнего дня... Извините меня, товарищи, я не блестяще владею русским языком... С сегодняшнего дня... Я решил написать книгу о вас, конечно, с вашей помощью!

– Вот здорово! – прыснул Щербина и тут же прикрыл рот рукой. – Значит, мы должны работать за него?

– ...Будем вместе служить, спать, обедать, ужинать.

– А завтракать он не будет? – испуганно проговорил Пархоменко, ткнув меня локтем.

– Я не собираюсь учить вас... – продолжал писатель, – наоборот, я должен учиться у вас... И шпионов будем вместе ловить, друзья... Посмотрим, что у меня получится. Главное, чтобы книга понравилась вам... Вот все, что мне хотелось сказать, друзья... Благодарю за внимание, – и он вытер вспотевшее лицо.

– Есть вопросы? – обратился к нам майор.

– Есть, – выступил вперед Щербина. – На какой срок прибыл к нам уважаемый писатель?

– На два месяца, – ответил Мдинарадзе.

– А если за это время не будет нарушений границы, как же тогда со шпионом?

Строй взорвался, словно вулкан.

– Рррразойдись! – крикнул майор и закашлялся.

Не удержались от смеха и заместители майора. Писатель растерялся, не зная, обидеться на слова Щербины или все

обратить в шутку. Но вот лицо у него просветлело, он улыбнулся, потом рассмеялся и, наконец, зашелся таким здоровым хохотом, что мы поняли: это неплохой человек.

Автобиография

Я, Автандил Гавриилович Джакели, родился 2 мая 1950 года в городе Тбилиси, в семье служащего. Отец мой, Гавриил Исидорович Джакели, 1925 года рождения, врач, и мать, Манана Исидоровна Бахтадзе, 1928 года рождения, домохозяйка, возвращаясь из Хони, погибли в автомобильной катастрофе 2 мая 1960 года ночью, на Рикотском перевале, близ села Гореша. Меня взял к себе дед в село Букисцихе. Там я и продолжал учебу. Дед Исидор, по прозвищу Рыло, был старым революционером. В двадцать первом, когда бежали меньшевики и пришли большевики, ему исполнилось двадцать три и был он женат на Мине Антидзе из села Бжолиети. В роду Джакели деда не признавали: по причине вступления в комсомол, во-первых, и женитьбы на крестьянской девушке, во-вторых. В пику всем Джакели-дед стал секретарем комсомольской ячейки и привесил к поясу наган, затем срубил в отцовском лесу свою долю каштанов, поставил домишко на холме против церкви и зажил там спокойно.

Так вот, в двадцать первом, когда пришли большевики, решили было снести церковь, да отсоветовал сельский учитель Капито Шония – зачем, говорит, разрушать здание, лучше устроить там сельсовет. Бросились комсомольцы, выта-

щили из церкви иконы и повесили вместо них портреты Маркса и Филиппа Махарадзе. Тут кто-то придрался: как же так, мол, портреты вождей революции будут висеть в церкви? Надо, мол, в таком случае снять с купола крест. Предложение приняли, но лезть на купол никто не решался.

– Пожалуй, только Исидору это по плечу, – сказал кто-то.

– Выручай, Исидор! – взмолился секретарь партячейки. Дед снял с пояса наган, вооружился зубилом и молотком.

– Не губи себя, Исидор! – бросилась к нему бабушка. – Пожалей семью!

Дед осторожно отстранил жену и стал молча подниматься по лестнице.

– Исидор, не шути с этим! Восемь саженей высоты! Дед даже не оглянулся.

– О боже! – не выдержала какая-то женщина. – Спаси нас, грешных, не прогневайся! Это все он, он, окаянный! – Женщина грохнулась на колени, запричитала. Толпа задвигалась, зашумела.

– Боже всеильный! – раздался чей-то хриплый бас. – Ниспошли свой гнев и кару на голову осквернителя!

Все, кроме комсомольцев и партийных, опустились на колени.

– Эй, Ваню! Ты секретарь ячейки или кто?! – крикнул сверху дед. – Убери этих пророков! Я ведь тоже человек!

Голос у деда дрожал... Бабушка упала в обморок. Голосивших баб кое-как выпроводили.

Дед между тем медленно взбирался по лестнице. Добравшись до последней ступеньки, он глянул вниз. Сотни глаз с ужасом и любопытством глядели на него. Дед посмотрел вверх. С купола свисала толстая цепь. И дед понял, что путь к цели начинался только теперь... Он дотронулся до цепи и почувствовал, как по телу разлился металлический ржавый холод... Задрожали у деда колени, и дрогнуло сердце в груди. Он обеими руками ухватился за цепь и зажмурился так, что в глазах поплыли красно-желтые круги. Потом он открыл глаза и вновь увидел застывшую в ожидании чего-то страшного толпу. Пути назад не было. Дед рванул цепь. Она противно зазвенела. Перхоть ржавчины посыпалась на деда. Он приподнялся на носки, потянул сильнее, и началось единоборство Исидора Джакели с господом богом...

– Слушай меня, всемогущий! Есть ли ты, нет ли тебя – теперь мне все равно! Я иду, и ты должен дать мне дойти! Слышишь? Должен, должен, должен!.. Я иду к тебе, чтобы обесчестить тебя, и я не спущусь вниз, не добившись своего! Я сильнее тебя, всемогущий, и я доберусь до тебя, как бы ты ни сопротивлялся! Доберусь, доберусь!

...На ладонях деда вздуваются волдыри. Они лопаются, и теплая липкая жидкость, смешанная с кровью, потом и ржавчиной, течет по рукам... Сколько же колец осталось до купола? Одно, два, три, десять, тринадцать... Тринадцать! Слышишь, всемогущий! Я одолею их! Одолею, будь их хоть триста! Я доберусь!.. Вот уже осталось пройти десять колец...

Девять... Восемь... Доберусь, если даже восстанут против меня все твои ангелы и апостолы!.. Три... Два... Все! Конец! Помоги мне теперь, мой новый бог! Покажи свою силу!

Дед ухватился за крест, напряг последние силы, подтянулся, обнял его и застыл... Ныло все тело, в раскаленных висках стучала кипевшая кровь... Потом дед обернулся и увидел людей – оцепеневших, онемевших... И ему захотелось выть, кричать, орать.

– Э-ге-гей! – вырвалось у него.

– Чего тебе, Исидор! – крикнул снизу Ваню.

– Нет его, нет!

– Чего нет, Исидор?

– Бога нет, Ваню! Нет бога!

– Не слышно, Исидор!

– Нету бога, нет! Вы слышите меня? Люди молчали.

– Не слышно, Исидор! – крикнул Ваню, и тогда дед понял, что вместо слов из его пересохшего горла вырывался один лишь глухой хрип.

– Давай, Исидор, начинай, чего ты ждешь? – донесся снизу голос Ваню.

И дед начал...

Битый час ломал, крошил, корежил он основание креста. Потом, оседлав верхушку купола, он потянул крест. Крест чуть-чуть поддался. Тогда дед изо всех сил нажал на него. Крест послушно перегнулся. Так повторилось несколько раз. Наконец крест вырвался из своего гнезда и с грохотом по-

катился по куполу, потом, ударившись о кровлю, вдребезги разнес глазированную черепицу и наконец с глухим стуком свалился на землю.

Толпа ахнула.

Дед почувствовал легкий укол в сердце и странное жжение под левой лопаткой. Не зная, чем же теперь заняться, он тупо уставился на развороченное гнездо креста.

– Исидор, спускайся, чего ты? – крикнули снизу.

– Что ты там делаешь, спускайся!

Дед встрепенулся, огляделся. Потом сбросил вниз зубило и молоток. Он не слышал ни глухого гула голосов, ни одобрительных криков комсомольцев. Повернувшись спиной к толпе, он взялся за цепь и медленно заскользил по куполу. Достигнув лестницы, дед передохнул, повернулся лицом в сторону двора, раза два ногой опробовал лестницу и не спеша стал спускаться.

«Двадцать ступеней в лестнице, – подумал дед, – это точно: считал, когда поднимался... Три... четыре... двенадцать... семнадцать... Как же так? Почему семнадцать? Я же хорошо помню – было двадцать! Ах да, это в той лестнице, у Писти, двадцать ступеней. Зимой я сгребал снег с крыши ее дома, оттого и запомнилась лестница».

...Исидор стоял посредине двора и улыбался.

– Смажьте ему ладони керосином, видите, руки в крови! – сказал кто-то.

– Ну, брат, молодец ты, ей-богу! – обнял деда Ваню.

– Исидор, может, воды тебе холодной?

– Что вода! Несите ему вина!

– Закури, Исидор! Табак у меня знатный.

– Где Писти? – спросил вдруг дед.

– Какая Писти, Исидор? – переспросила бабушка, которая все это время стояла рядом и платком утирала струившийся по лицу деда пот.

– Писти Шарашидзе. Какая же еще? – удивленно взглянул на бабушку дед.

Писти привели.

– Писти, сколько ступеней в твоей лестнице? – спросил дед.

– Тронулся, несчастный! – ахнула Писти и схватилась за голову.

И вдруг... Лицо у деда перекосилось, сморщилось, губы скривились, подбородок задрожал, весь он задергался и словно подкошенный рухнул на землю. Долго валялся дед, корчась в страшных конвульсиях, и долго оплакивала мужа убитая горем его красавица жена – бабушка Мина.

Потом дед успокоился, затих, а когда встал, – люди отшатнулись: половина лица у него перекосилась, оттянулась к левому уху, да так и застыла.

С тех пор к деду навсегда пристало прозвище «Рыло».

– Ты чего строишь рожу, словно Рыло-Исидор?

– Отстань, а то как дам по морде, сделаю из тебя Рыло-Исидора!

– Какое там! Когда Исидор стал Рылом, Никифору было добрых три года!

– Да ну, скажешь тоже! Спросим у Рыла-Исидора: он-то должен помнить!..

Но все это говорилось за спиной деда. Во всем селе не нашлось бы смельчака, кто в лицо назвал бы его Рылом. Наоборот, его уважали и даже побаивались. Ведь в свои двадцать три года он стал первым председателем сельсовета.

Так вот, тогда, в двадцать первом, спустя неделю после того, как деда избрали председателем, он получил письмо от Минаго Джабуа – известного бандита, заклятого врага Советской власти: «Рыло! Если ты мужчина, а не баба, подымись в Суревский лес, жажду умыться твоей кровью. А не осмелишься, так я сам к тебе спущусь. Побалуюсь с твоей красавицей, а потом прирежу тебя, как свинью, у самой церковной паперти».

Надел Исидор лапти, зарядил маузер. Бросилась к ногам жена:

– Не ходи, Исидор! Пожалей меня, дорогой!

– Ну нет, Мина! Попляшет он у меня, я еще напою его помоями, не Исидор я буду! – ответил дед и ушел.

Трое суток ждал Исидор на пастушьем постое появления Минаго Джабуа.

– Напрасно ждешь. Ушел Минаго из этих краев, – сказали пастухи. Не поверил дед пастухам. Сам не покидал шалаша и пастухам запретил отлучаться. На рассвете четвертого дня

появился изголодавшийся Минаго. Он шел, прихрамывая на одну ногу, вооруженный двумя маузерами. Деда он сперва не узнал, а когда спохватился, было уже поздно: вороненое дуло маузера чуть покачивалось перед глазами Джабуа. Минаго поднял руки.

– Расстегни пояс, Минаго! – приказал Исидор. Минаго молча выполнил приказ. Пастухи затаили дыхание.

– Убери руки с пояса!

Тяжелый с двумя маузерами пояс тотчас же упал на траву. Исидор левой рукой извлек из ножен длинный охотничий нож и не спеша приблизился к Минаго. Тот закрыл глаза.

– Исидор! – сказал старый пастух. – Уважь нас, избавь нас от греха... Делай с ним что хочешь, но только не здесь...

Не обращая внимания на пастуха, Исидор приложил нож к животу Минаго. Пастухи отвернулись. Коротким взмахом лезвия перерезал тесемку. Широкие брюки опали до самых икр.

– Придержи брюки, бесштанник ты этакий! – с презрением проговорил Исидор и плюнул. Минаго быстро подтянул брюки.

– Теперь шагай!

– Куда ты меня ведешь, Исидор?

– Я тебе не Исидор, а Рыло. Забыл?

– Куда ты меня ведешь, Исидор? Если на смерть, так кончай здесь.

– Смерть в таком разе в радость, да не видать тебе ее! Ша-

гай!

– Говори, куда ведешь? Иначе не пойду! – закричал Минаго, замахал от волнения руками. Брюки тотчас же свалились, и он судорожно вцепился в них.

– Не пойдешь? Пойдешь, голубчик! Поползешь!

– Говори, что ты надумал?

– Ничего особенного. Отведу в село, к себе домой.

– Вот так, без штанов?!

– Именно, без штанов. Тебе же сподручнее: ведь ты соби-
рался побаловаться с моей женой...

Минаго бросился на колени, обнял деда за ноги.

– Не делай этого, Исидор! Рабом твоим стану, только не срами меня!

– Встань, гадина! – крикнул дед и ткнул Минаго дулом маузера.

Минаго встал. С минуту он молча глядел на пастухов, на валявшиеся в траве маузеры, потом вздохнул и пошел, придерживая брюки обеими руками.

– Приберите оружие, – бросил Исидор пастухам, – спуститесь с гор – садите в сельсовет.

Потом он опустил в кобуру собственный маузер и последовал за Минаго.

...В два часа ночи Исидор, с Минаго Джабуа на спине, добрался до дому. Положив Минаго на медвежью шкуру у камина, обернулся к жене:

– Накрой на стол!

Бледная, с синими от бессонницы кругами под глазами, бабушка не двигалась.

– Кому говорю!

Бабушка внесла кувшинчик вина, полкруга мчади, голову сыра и два стакана.

– Садись к столу, Минаго, – сказал Исидор. Минаго не шевелился.

– Принеси-ка кусок бечевки, – сказал Исидор жене.

Бабушка принесла веревку. Исидор бросил ее Минаго:

– Подвжись, Минаго Джабуа, и садись ужинать... Ты выйди, Мина!

Бабушка вышла. Минаго подвязался и присел к столу. – Жена! – крикнул дед. – Поужинай с нами. Бабушка молча присела на край стула.

– Исидор, хоть и безбожник ты, но... хватит, не срами меня перед женщиной. Не решаешься убить меня, отпусти с миром, а решил – так кончай дело! – сказал Минаго и закрыл лицо дрожащими руками.

Дед промолчал. Он долго думал, потом налил в стакан вина.

– Пей!

Минаго поднял стакан.

– Ну как, Минаго Джабуа, хороша жизнь?

– Будь она проклята!

– Так слушай: сейчас моя жена вымоет ноги, а ты выпьешь помой. Так я поклялся.

Минаго побелел.

– Режь меня, руби голову, пей мою кровь, но не делай этого, Исидор!

– Я поклялся.

– Изверг ты, Исидор! – встала бабушка. – Запомни: обидишь в своем доме человека, ноги моей тут не будет!

– Я поклялся, Мина!

– Пусть моя кровь будет на твоей совести, Исидор Джакели, – сказал Минаго.

– Что, убьешь себя?

– Убью!

Дед извлек из кобуры маузер и положил на стол. Минаго взглянул на маузер, потом на деда. Долго, долго смотрели в глаза друг другу Исидор Джакели и Минаго Джабуа, и Минаго не выдержал, опустил голову. Дед пододвинул маузер ближе к Минаго. Тот не шевельнулся. Встал тогда Исидор, взял за руку жену и вышел из комнаты. Когда он вернулся, маузер по-прежнему лежал на столе, а комната была пуста.

Минаго спускался по лестнице. Дед молча смотрел и ждал. Когда тот пересек двор и отворил было калитку, дед вышел на балкон.

– Минаго!

Джабуа застыл на месте. Он долго стоял, ожидая пули. Потом медленно обернулся.

– Ступай, Минаго Джабуа, ступай! Для трусов и попрошайек нет у меня пули... Ступай!

...В двадцать четвертом, в дни меньшевистской вылазки, на рассвете, как только в деревне раздался первый выстрел, Исидор вскочил с постели и в одном белье помчался к сельсовету. Навстречу бежали перепуганные соседи.

– Пропали мы, Исидор! Конец нашему правительству! Село в руках меньшевиков; говорят, Жордания и Рамишвили уже в Тбилиси, Чолокашвили взял Кахетию!

– Оружие! – крикнул Исидор.

Оружия ни у кого не оказалось. Тогда дед бросился обратно, ворвался в дом и...

За столом сидел вооруженный до зубов Минаго Джабуа. В каждой руке он держал по маузеру, через плечи крест-накрест тянулись набитые патронами ленты, за пояс была закинута кожаная с языком плеть. Рядом с Минаго сидели двое неизвестных вооруженных мужчин.

– Председателю рабоче-крестьянского правительства привет! – ухмыльнулся Джабуа.

Исидор промолчал.

– Садитесь, уважаемый Исидор, окажите честь!

Дед не сдвинулся с места. Тогда Минаго встал, обошел стол и остановился перед Исидором. Долго, долго смотрели в глаза друг другу Исидор Джакели и Минаго Джабуа, и выдержал Исидор, не опустил головы. Размахнулся Минаго и стегнул деда плетью по лицу. Полилась кровь.

– Садись, сукин сын, когда велят! – взревел Минаго. Исидор сел. Минаго вернулся к столу.

– Так... – сказал он, потирая руки. – Ты не обижайся, Исидор. Ударил я тебя неспроста, авось расправится твоя кривая морда. Не представлять же тебе перед божьим судом таким уродом!

Исидор молчал.

– Где твоя красавица? Упратал ее? Успел-таки? Ничего, от меня не уйдет!

Исидор до крови прикусил губу, на глазах у него выступили слезы бессильной ярости.

– Плачешь, мой дорогой? Правильно. А как же? Кончилась ваша власть! Ну, убедились, кто из нас меньшевик и кто большевик? У, вшивое отродье! Подумать только: нас всегда было больше, а они нас же называли меньшевиками! Сволочи!..

– Минаго, кончайте базар... Чего возитесь-то с этим ублюдком? Пулю в лоб, и все тут! – вмешался один из неизвестных.

– Ну, нет. Зачем убивать, грех на душу брать? Мы его по всем правилам, по закону... Исидор Джакели! За оскорбление и поругание бога, за секретарство в ячейке безбожников-комсомольцев, за преследование члена правительства независимой Грузии Минаго Джабуа...

– Плевал я на правительство, где членом – сын потаскухи Кесарии! – хмыкнул Исидор.

Минаго осекся, но быстро проглотил слюну и продолжал:

– ...За разбой и грабежи, за другие преступления, совер-

шенные перед государством, именем Революционного совета Гурийского восстания полевой суд приговорил тебя к расстрелу.

– Поделом мне! – сказал Исидор.

– Вот именно. А теперь встань! Исидор встал.

– Выйди во двор. Исидор вышел.

Трое – за ним. У хлева Исидор остановился.

Из-за горы поднималось солнце. Исидор долго смотрел на светило, не отрывая глаз, не жмурясь, словно хотел навсегда запомнить его перед смертью таким огромным, золотым, теплым. Потом окинул взглядом застывшее в напряженном, тревожном ожидании село. Откуда-то донесся жалобный визг собаки. Потом где-то пропел петух. И вдруг Исидор остро, всем своим существом ощутил знакомый, родной, любимый до боли аромат – аромат земли, трав, сена, цветов, хлеба, меда... Жизнь – вечная, неистребимая – пульсировала и билась кругом, жизнь – любимая, желанная – струилась, наполняя собой каждую травинку, каждый листок, каждую песчинку. И захотелось Исидору Джакели пасть на колени и воздать хвалу солнцу, породившему на земле жизнь.

– Э, нет, мой Исидор, так красиво, как парижский коммунары, ты не умрешь! Сдохнешь в навозе! Откройте хлев! – крикнул Минаго. Кто-то ударом приклада распахнул дверь.

– Входи! – приказал Минаго. Исидор вошел в хлев.

– Выведите корову! Корову вывели.

– Ложись! Лицом вниз! Противно смотреть на твою поганую рожу!

Брызнули слезы из глаз Исидора Джакели, но смолчал дедушка.

– Так что прикажешь передать твоей красавице? – спросил Минаго.

– Мать твою, бл...й сын, выродок несчастный! – крикнул Исидор, и в тот же миг грянул маузер Минаго. Рука Джабуа дрожала. Семь пуль из десяти насквозь прошли Исидора, остальные впились в стену хлева.

Исидор медленно опустился на одно колено, потом на другое, потом обмяк, согнулся и, царапая руками доски кормушки, ткнулся лицом в теплую навозную жижу...

...Двое подошли к хлеву. Скрипнула дверь. Когда глаза привыкли к темноте, двое увидели валявшегося в навозе человека. Перевернули лицом вверх.

– Убили, сволочи! – прошептал первый. – Вот изрешетили несчастного, подлецы!

– Закрой бедняге глаза... Смотрит, словно живой... – сказал второй.

Первый осторожно – сверху вниз – провел ладонью по глазам убитого.

– Что такое! Не закрываются! Кажись, жив...

– Не может быть!

– Жив! Ей-богу, жив! Надо взять его: может, удастся спасти.

...Семь дней ломился Исидор в адовы двери, и все напрасно – не принял господь грешную его душу.

Потом четыре месяца искал Исидор солнце на черном, словно черкесская бурка, небе. И на пятом месяце он увидел его.

Еще месяц метался Исидор без памяти, и наконец-то обрел ее – память сердца и память души.

И взглянул тогда Исидор на свою красавицу жену и произнес одно лишь слово:

– Минаго...

– Нету Минаго! – ответила жена.

– Ты?

– Здесь я, с тобой!

Задумался Исидор, крепко задумался – видать, глубоко в тайнике памяти скрывалась некая гложущая его мысль, потом вдруг взорвался, заметался:

– Минаго!.. Поделом мне, дураку... Жена... Минаго... у, подлец!..

– Горе мне, несчастной... Боже всесильный, помоги моему Исидору! – Бабушка бросилась на колени и зарыдала.

И, глядя на слезы, градом катившиеся по бледным щекам жены, заплакал Исидор Джакели. Сперва тихо, без слов, потом громко и наконец навзрыд, глотая слезы, задыхаясь. И вдруг почувствовал он, как горькая соленая слеза капнула на теснившую его грудь тяжелую глыбу, как раскололась глыба, еще и еще, и как растаял, растворился в слезах камень.

Вздыхнул всей грудью Исидор, дал волю душившему его чувству и завыл, зарычал на весь дом:

– Минаго! Ушел, гадина? Где ты, трус? Где ты, подлец?

– Нет их, Исидор! Сгинули меньшевики! Сбежал в Турцию Минаго! Уймись, хватит с тебя! И с меня хватит! Пожалей женщину, горе ты мое!..

Успокоился дед мой Исидор Джакели. В конце 1925-го родился у него сын Гавриил – Габо, мой отец. Израсходовав на радостях весь запас пороха и пуль, дед пошел к колодцу и швырнул туда свой маузер.

– Все! Больше ты мне не понадобишься! Исидор Джакели ошибся.

В начале 1943 года ушел на войну мой отец – восемнадцатилетний Габо Джакели.

«Красноармейский привет, отец!

Пишет твой сын Габо.

Те четыре килограмма чеснока очень мнегодились. Они уже кончаются, и я просто не знаю, что делать дальше. Какого черта таскал я чемодан проклятых груш, лучше бы взял чеснок! Ребята сперва ругались – дышать, дескать, нельзя, воняет чесноком. А теперь чуть не в ногах у меня валяются – дай да дай! В наших условиях головка чеснока – все равно, что один танк. Ну, не танк, так пулемет. А почему я пишу об условиях, – потому очень даже тяжелые условия. Представь себе большой окоп – в человеческий рост. А вода в нем до самого горла. Ну, не до горла, так

до поясницы. Одно утешение – лягушек нет. А перед нами немцы. Ты не поверишь – вижу их собственными глазами. Ночью, когда кругом тишина, слышны их голоса. В нашей роте восемь грузин, шесть армян и двадцать один русский. Не знаю, чего мы ждем или чего немцы ждут. Вот уже неделя, как мы стоим так и смотрим друг на друга. Сушиться вылезает ночью, днем никак нельзя – высунешь голову, и поминай как звали. Это письмо тоже ночью писал, извини, если что не так. Вчера вздремнул в окопе, стоя. Приснился страшный сон. Пришла красивая молодая женщина, вся в белом. Принесла охапку дров, развела костер. Усадила меня рядом, согрела, высушила. Потом сняла теплые шерстяные носки, отдала мне. Сама босиком пошла по снегу. Я погнался за ней.

– Кто вы? – спросил.

– Не все ли равно? Ты меня не знаешь, – ответила она.

– Нет, скажите, может, встретимся еще, – попросил я.

– Не дай бог! – сказала она и нежно погладила меня по голове.

– Я очень вам благодарен. Если б не вы, замерз бы.

– Да спасет тебя бог от пули, а холод – не беда, – сказала она. – Ну, прощай!

– Я не уйду, пока не узнаю, кто вы.

– Иди к костру. И позови товарищей, пусть греются. Иди, завтра я вернусь.

– Завтра... Завтра может и не будет меня. Вон там,

перед нами – немцы.

– Завтра они уйдут. Ночью. А ты что, боишься смерти?

– Боюсь.

– Это ничего. Человек тот, кто борется, преодолевая страх. Не ведают страха животные.

– Раньше я очень боялся. Теперь привык.

– Страх – не позор. Поддаться страху – вот что плохо. Твой отец боялся и все же полез на купол. Боялся и все же одолел Минаго. И я боюсь! О, как я боюсь за тебя, сын мой! Ведь я ушла, ни разу не поцеловав тебя...

Я упал на колени, заплакал, стал целовать ей руки. Отец, или я с ума сошел, или действительно видел свою мать! Она была совсем, совсем такой, какой ты ее описывал...

Разбудил меня Гургенидзе, чего, говорит, скулишь. Я рассказал про свой сон. Это, говорит, хороший сон, к долгой, говорит, жизни.

Ну, пора кончать, отец. Как там у вас дела? Как проживают соседи? А что наш учитель алгебры? Сволочь этакая, если б не война и меня не призвали бы в армию, он так и не выставил бы мне отметку... Мой аттестат получил? Спрячь, пожалуйста, пригодится. Решил после войны поступить на стоматологический. Это будет, пожалуй, самой нужной профессией. Только в нашей роте пять человек без зубов.

Я жив, здоров.

Привет нашим девочкам и поздравь их с праздником.

До свидания. Целую, твой сын Габо.

9 марта 1943 года».

Безлунная ночь, но небо все усыпано звездами. Красота какая! Диву даешься – почему под таким красивым небом должно совершаться столько зла и грязи. Вспоминаются слова отца:

– Красивая была баба Кесария, да что толку: воняла от грязи, белье неделями не меняла...

На мой вопрос – откуда ему знать про Кесариино белье, отец отвечал:

– Слышал от отца...

Кто-то пробирается по окопу. Противно чавкают полные воды сапоги.

– Эй, кто там бродит? – спрашиваю.

– Это я, старшина Петров. Джакели, Батюк, Виноградов – к старшему лейтенанту!

– Виноградов и Батюк в другом конце окопа. Старшина уходит. Спустя несколько минут мы в землянке старшего лейтенанта Шмидова. Он чуть старше меня. Вежливый, красивый. Петров докладывает:

– Товарищ старший лейтенант! По вашему приказанию...

– Садитесь, ребята!

Старший лейтенант берет с тарелки крохотный окурок и, наклонившись к свечке, пытается прикурить. Смешно вытянув губы, он долго пыхтит и чмокает губами. Наконец свечка гаснет.

– А, черт!.. Петров, зажги, пожалуйста!

Петров зажигает свечку. Воды в землянке чуть меньше, чем у нас в окопе, – настолько, насколько положено ей быть меньше в землянке командира роты.

– В общем так: вызывать добровольцев – ни времени, ни охоты. Сейчас час ночи. Светает в пять. До немцев – метров шестьсот. Час туда, час обратно, полчаса на операцию в окопе. Окоп вам знакомый – сами, небось, копали месяц тому назад. Вопросы есть? Нету. Старшим назначаю Джакели. Конкретного задания не будет. Сделаете, что сможете. Документы и мандаты сдать старшине... У меня все. Выполняйте приказ!

Из окопа первым вылез Батюк. С минуту он лежал без движения, потом пополз вперед. За Батюком последовал Виноградов. Потом пошел я. Ползли с интервалом в пять метров. Пройдя метров двести, я подал сигнал. Ребята замерли, потом подползли ко мне.

– Я обойду немецкий окоп слева. Подойду как можно ближе, – если не заметят, конечно. Там за окопом лес. Не может быть, чтобы немцы не вылезли туда сушиться. Там мы и устроим засаду – Батюк пойдет со мной. Ты, Виноградов, оставайся метрах в тридцати, приготовь ручной пулемет и жди. Не стрелять, пока немцы не откроют огонь. Понятно?

– Понятно, – ответил Виноградов.

– Тогда пошли.

...Мы с Батюком поползли влево. У немецкого окопа очу-

тились неожиданно – у меня даже дыхание сперло. Батюк снял с пояса ручную гранату. Я осторожно взял его за плечо, потянул к себе. Он молча придвинулся. Полтора часа уже прошло... Еще столько же, и настанет утро... Плохи наши дела! Ах, как бы превратиться в крота: зарылся в землю здесь, у окопа, и вылез аж у самой опушки. Вот было бы здорово!.. Я взглянул на Батюка. Он всем телом прижимался к земле и, ей-богу, тоже мечтал превратиться в крота.

Мы подползли к лесу, когда до рассвета оставалось не больше часа. Теперь все кончено: оставшегося времени нам не хватит даже для возвращения обратно. А минуты бегут, бегут, и часы тикают так громко, словно хотят оповестить весь мир – вот, мол, здесь он, мой хозяин.

– Сколько времени нам еще осталось, Джакели? – шепчет Батюк.

– Много, Коля, не бойся! – отвечаю я.

– А все же?

– Два часа.

– Ого! – удивляется Батюк.

Мы залегли за кустарником. Молчим. – А знаешь, – шепчет Батюк, – теперь мы кругом среди немцев: спереди немцы и сзади немцы... Дошли бы уже до самого Берлина. По дороге, знаешь, сколько бы достали языков...

...А из окопа никто не поднимается. Неужели, черт возьми, у них сухо? Когда мы отходили, там воды было по колено. Куда она подевалась?.. Время-то бежит, бежит... А?!

Что это?! Поднимается! Вот он, наконец-то, немец! Поднялся. Ползет к лесу... Сейчас он подползет к кустам, скинет брюки, выжмет, повесит на кусте... Я подкрадусь к нему...

Надо брать живым...

– Батюк, видишь? Ползет!..– шепчу я и чувствую, как на лбу выступает холодная испарина.

– Кто ползет?

– Немец!

– Где?

– Да вон же! Смотри!

Батюк пристально вглядывается в поле. Потом удивленно смотрит на меня.

– Ты что, Джакели?

– Батюк, ты никого не видишь?

– Вижу, светает, Джакели, вот что я вижу! – Он аккуратно разложил перед собой ручные гранаты. – Прощайся с жизнью, брат. Не выбраться нам отсюда, как не видать собственных ушей... Эх, ты, Иван Сусанин! Куда ты меня завел?!

Гавриил Джакели, конец твоей молодой жизни! Одно дело тебе поручили, и его-то с треском провалил. Встань же! Иди вперед! Ступай к окопу! Шагай смело вперед или же дождись ночи и удирай с позором, уноси ноги!..

– Боюсь, очень боюсь!

– Это ничего. Человек тот, кто борется, преодолевая страх. Не ведают страха животные. Встань!

Не могу.

– Дай руку, я помогу.

– Кто вы, скажите, кто?

– Я мать твоя.

Я встал, выпрямился и с автоматом наперевес двинулся к немецкому окопу.

– Джакели! – зашипел Батюк. – Обалдел, что ли? – он схватил меня за ногу. Я высвободил ногу и пошел дальше.

– Габо! – крикнул Батюк. Я не оглянулся...

Я шел с автоматом наперевес навстречу смерти, притаившейся вот там, в немецком окопе... Вот сейчас застучит – резко и противно – автомат. Я схвачусь за грудь, медленно опущусь на колени, потом упаду лицом вниз, чувствуя на губах противно-соленый вкус крови... Потом я перевернусь и попытаюсь встать, как это делают солдаты в кинофильмах... Кто-то прижался плечом к моему плечу, и я понял – то ли по запаху, то ли по телу – это был Батюк. Теперь мы шагали вместе, и до окопа было не более десяти шагов. Рассвело. Я видел бледные щеки Батюка и его белые руки, застывшие на автомате. Что же немцы? Неужели спят? Ну и пусть! А пока они спят, ты, Гавриил Джакели, иди вперед! Десять шагов, восемь, шесть, четыре, два...

– Мама-а-а! – вырвалось у меня. Я закрыл глаза, спрыгнул в окоп и нажал на спуск автомата.

– Ура-а-а! – донесся до сознания крик Батюка, и потом уже я не слышал ничего, кроме непрерывного, заполнившего весь мир треска: тра-та-та-та-та...

...Когда кончились патроны и унялась дрожь в руках, я бросил автомат, сорвал с пояса гранату и открыл глаза.

Передо мной был пустой окоп. В двух шагах от меня лежал с раскрытыми, как у Христа на распяты, руками немец. Рядом с ним, схватившись за голову и согнувшись до самой земли, застыл другой. Вокруг валялись пулеметы, автоматы, консервные банки, разодранные одеяла, кучи стреляных гильз. Не понимая, что происходит, я медленно пошел по окопу. Вот еще труп, еще... Одеяла плавающие по воде, пустые консервные банки... У меня подкосились ноги, тяжелый горький ком подкатил к горлу. Я опустил прямо в воду, положил голову на колени и громко зарыдал.

Бедный Гавриил Джакели, зачем ты шел на смерть? Зачем ты боролся со страхом? Чтобы очутиться в пустом окопе?

– Батюк, что это такое? – спрашиваю я, всхлипывая, у бледного, как полотно, Батюка.

– Ну, будет, будет! – бормочет он и садится рядом со мной.

– Нет, ты скажи! Ты объясни, как это так?!

– Да кто мог подумать!.. Ушли, видать... Мы же не знали...

– Что нам теперь делать? Окоп-то пуст?

– Тю-ю... Нашел, о чем думать! Впереди-то окопов, знаешь, еще сколько!.. Ладно, не плачь, и без твоих слез здесь полно воды! – Батюк улыбается жалкой, вымученной улыбкой, и слезы, не переставая, капают из его голубых глаз.

...Я спал весь день, и весь день у моего изголовья стояла

женщина в белом. Она улыбалась.

– Они, оказывается, на самом деле ушли, – говорил я. – Вы сказали, что они уйдут ночью. Они и ушли. Но я не знал этого, клянусь, не знал. Я шел на верную смерть. Клянусь, боялся, но шел.

Женщина в белом улыбалась. Потом она исчезла, растворилась в тумане, и там, где только что стояла женщина в белом, появился костер – огромный, с синеватым пламенем, веселый костер. Я, Батюк и Виноградов сидели и грелись у костра – озябшие, промокшие, измученные.

Ночью нас вызвал Шмидов.

– Ребятки, хорошие мои, я вас представил к награде!

– За что же это, товарищ старший лейтенант? – спросил я.

– За пустой окоп! – улыбнулся он и протянул мне папироску.

С войны отец вернулся с четырьмя орденами, тремя медалями, двумя костылями и заплетавшимся слегка языком. Когда моя мать Манана вышла за него замуж, родня ее, оказывается, разбушевалась:

– Отец – харя, сын хромой и заика, какие же у них пойдут дети?

Позже, когда я появился – не хромой, не кривой и не заика, родня простила мать...

...Я хорошо помню мать. Была она высока, стройна, бела. Глаза у нее были огромные, голубые, а волосы – иссиня-черные. Каждое утро она пришивала мне белоснежный ворот-

ничок, потом брала за руку, вела в школу и сдавала учительнице Нуну. После уроков встречала у подъезда и вела за руку домой. Мягкие, нежные, теплые руки были у моей матери Мананы. Я замечал: на улице на маму часто оглядывались мужчины, иногда и женщины. Помню, однажды, когда мы возвращались из школы, какой-то дядя оглянулся, да так и продолжал шагать с повернутой назад головой.

– Ух, какая прелесть! – громко произнес он и тут же налетел на дерево.

– Ух, какая прелесть! – крикнул я и рассмеялся. Мать сильно дернула меня за руку и ускорила шаг.

Наш подъезд убирала красивая курдянка Сара. Она же выносила мусор. Когда не было воды, Сара приносила ее со двора. У Сары был сын – мой ровесник Або. Он называл меня Джако, я его – Пучеглазом, потому что он ел много лука и глаза у него часто краснели и слезились. Иногда за мусором приходил Або.

– Тетя Манана, мусор нету? – спрашивал он.

– Есть, Або, есть! – отвечала мать.

– Давай возьмешь.

Або уносил ведро с мусором, потом возвращался, ставил пустое ведро на кухне и заходил в мою комнату. Он любил рассматривать книжки с картинками.

– Джако, когда этот пожарный команда сломал, ты его не бросал, ты его мне давал, хорошо? – говорил Або.

– Отдай, сынок! – говорила мать. И я тотчас же протяги-

вал Або игрушку.

– Нет, тетя Манана, теперь нет. Когда сломал, тогда, – краснел Або.

– Бери, Пучеглаз, бери, у меня есть другая.

– Нет, так не надо, я почтовый голубь тебе принесу, тогда давал, хорошо?

– Ладно, Пучеглаз.

Однажды утром, когда я и мама уже собрались было в школу, в дверь постучали. Мать открыла. В дверях стоял Або.

– Здравствуй, Або! – Мать быстро вынесла ведро с мусором. Або как-то странно помялся, но ведро все же унес. Он скоро вернулся и молча стал у порога.

– Заходи, Або, – сказала мать. Або не сдвинулся с места.

– Что, Або, тебе что-нибудь нужно? Або отрицательно помахал головой.

– Может, денег? Або молчал.

– Да что с тобой, мальчик? Говори, мы опаздываем в школу. Або проглотил слюну и облизал пересохшие губы.

– Тетя Манана, мама Сара умер! – сказал он и сел на ступеньки лестницы. Мама, ничего не поняв, взглянула на меня, потом на Або. Когда же до нее дошел смысл услышанных слов, она побледнела, вскрикнула и быстро подсела к Або.

– Або, что ты сказал, мальчик? Повтори!

– Тетя Манана... мама Сара... – Або зарыдал. Мама обняла его, прижала к себе и заплакала. Она плакала молча,

без слов, я видел, как дрожали ее плечи. Потом она подняла упиравшегося Або, завела в комнату, усадила в кресле, сама опустилась перед ним на колени и дрожащим голосом спросила:

– Как же это... Милый мой мальчик... Почему?

– Не знаю, тетя Манана... Ночью мама заснул, утром папа кричал – умер, умер!..

– Разве она болела?

– Нет. Вечером стирка делал, потом сказал, сердце болит, потом ночью заснул, утром папа кричал – умер!

– Боже мой! Как же вы теперь, несчастные... Четверо детей... О господи!..

Або снова заплакал. Мама принесла мокрое полотенце и стала вытирать ему лицо, руки, ноги. Потом достала из шкафа мои брюки, носки, туфли, сорочку и сложила их перед Або:

– Надень все это, Або.

В день похорон Сары мать принесла много красивых цветов. Потом она взяла меня за руку, и мы пошли к Або.

Гроб стоял на тахте посередине комнаты. Сара лежала спокойная, какая-то помолодевшая и очень красивая, – такой красивой я ее никогда не видел. У гроба стояли Або, его братья, сестра и отец.

– Подойди к ним! – шепнула мама, передала мне цветы. Сама она осталась стоять в дверях. Я подошел к Або и молча протянул цветы. Он взял их и положил у изголовья матери.

Потом подвел меня к отцу и сказал:

– Папа, это Джако.

Отец Або улыбнулся мне, погладил шершавой ладонью по щеке и поцеловал в голову. Не зная, что делать дальше, я вопросительно взглянул на мать. Закрыв лицо платком, она громко плакала.

Мама легла поздно. Отец уже спал. Вернувшись из больницы и не найдя на столе обеда, он заворчал:

– Х-х-хорошее дело! Весь день т-трудишься, к-как вол, к-крутишься, к-как белка в к-колесе, а тебя и н-накормить некому!..

– Я была на похоронах! – тихо проговорила мать.

– Н-ну и что?

– Ничего. Не мешало бы быть и тебе.

– Я н-ни с кем там не з-знаком... З-знал одну лишь Сару, и т-т-та умерла. К к-кому бы я п-пошел?

– К Саре.

– К Саре пусть п-пойдет мой враг!

– Смерть не нуждается в знакомстве. Пришел бы, постоял минуту и ушел...

– Р-ради бога, не делай из всего т-трагедии. Когда я умру, п-пусть и они не п-приходят. Б-будем квиты, – деланно улыбнулся отец.

– Не вижу ничего смешного.

– А что мне, г-голодному, делать? П-плакать?

– На голодный желудок легче плачется.

Отец не ответил, прошел в спальню, разделся, лег.

– Спи, сынок, – сказала мать, укладывая меня в постель, – утром тебе рано вставать.

Я укрылся одеялом. Мать долго еще ходила по комнате. Я не слышал, когда она легла спать.

Я и Або по откосу университетской горы сбежали к речке Верэ. Або – бос, на мне же новые туфли, новые штаны, новая белая блузка, пионерский галстук.

– Не надо башмак снимать, – говорит мне Або, – ты садись на мой спина, я тебе через речка несет! Вот так! – И он подставляет спину.

Мы уже в воде.

– А ну, давай быстрее! Быстрее! – пришпорил я Або. Он обиделся и тут же сбросил меня прямо в воду.

– Пучеглаз, ты что, с ума сошел?!

Я налетел на Або, он толкнул меня, и мы оба упали. Вода понесла нас вниз.

– Ты знаешь плавать? – спросил Або.

– Нет. А ты?

– Нет.

– Мы утонем? – испугался я.

– Утонем.

Верэ тащит нас все быстрее, и вот уже нас подхватило течение Мтквари. Куда нас несет?!

– Тебе холодно? – спрашивает Або.

– Нет. Вода совсем теплая. Я уже не боюсь!

– Ой, мама больной лежит, если утонусь, кто завтра мусор взял? – вспомнил вдруг Або и заплакал.

– Ой, если я утону и завтра не пойду в школу, мама с ума сойдет! – вспомнил вдруг я и заплакал. Мы плачем, а Мтквари несет нас все дальше и дальше. Вот кончился город, впереди широкое поле. Мы слышим женские голоса. По обоим берегам бегут, распустив волосы, две красивые женщины.

– Або! Авто! – это кричат наши мамы.

– Авто, сынок! – кричит моя мама.

– Сынок, Або! – кричит тетя Сара.

А мы все мчимся дальше и дальше. Вода в Мтквари теплая и ласковая, как рука матери. Проплывают мимо поля и леса. И вдруг перед нами море. Огромное, безбрежное море! Вот сейчас река вольется в море. Что тогда будет с нами?

– Або! Авто! Або! Авто! – слышим мы вопли наших матерей. Мы уже у самого моря. И тогда женщины бросаются в реку и подолами платьев перекрывают воду. Река остановилась. Потом вода в ней начала подниматься. Вот она достаёт им до колен, до груди, до глаз, до волос... Потом река сливается с морем, и уже нет реки и нет моря, а все вокруг превращается в сплошную воду. Вода покрывает всю землю. Исчезли горы, леса, поля. Исчезли наши матери.

– Мама-а-а! – кричу я.

– Мама-а-а-а! – кричит Або.

– Мама-а-а!

– Здесь я, сыночек! Успокойся! Что с тобой, дорогой?

Я открыл глаза. Надо мной стояла моя красавица мать, в белой ночной сорочке, с распущенными иссиня-черными волосами:

– Милый мой глупыш! Чего ты испугался? Боже, ты весь в поту! Ну-ка, снимай рубашку!

Мать быстро сменила мне рубашку и легла рядом со мной.

– Засни, маленький! Засни, мой дорогой!

– Не уходи, мама! – попросил я.

– Никуда я не уйду. Ты засни...

Я долго не решался закрыть глаза. Наконец все же задремал, и тут же появился Або. Опять он босиком! Ведь дала же ему моя мама обувь и одежду! Бедный Або! Нет у него больше мамы... Но ничего! Мы возьмем Або к себе. Мама выкупает его, обует, оденет во все новое, чистое. Папа отведет его в парикмахерскую. И превратится наш Пучеглаз в красивого, причесанного, чистого мальчика. Потом мы дадим ему свою фамилию, и станет он Або Джакели.

– Да, мама?

– Что, сынок?

– Ведь Або будет Джакели?

– Это почему же?

– Потому что у него нет мамы, и он будет жить у нас и учиться вместе со мной, и учительница Нуну будет его вызывать, как и меня, – Джакели, Або Джакели. Да, мама?

– Да, сынок, да! Або Джакели.

– Ну вот! – донесся из спальни недовольный голос отца. –

Допрыгалась со своими п-панихидами и п-похоронами. Ребенок бредит!

– А ты как считаешь? Кем должен вырасти мальчик, человеком или животным?

– Ну и п-пусть мычит, к-как животное!

– И пусть!

– Вот и отлично. А м-меня оставьте в п-покое!

– Ради бога!

– Слышь т-ты, пацан! – повысил голос отец. – Лежи и спи, а т-то как в-выйду, д-дам тебе Або Джакели! С-сопляк!

Мать нежно обняла меня и погладила по голове.

– Да, мама? – переспросил я.

– Да, сынок, да! Засни...

Я заснул. И всю ночь мне снилось, как я сплю и как меня ласкает моя милая красивая мать.

Або не показывался целую неделю. Теперь каждое утро, перед тем как отправиться в школу, я выносил во двор ведро с мусором. Однажды почтальон принес телеграмму-молнию: папу с мамой срочно просили приехать в Хони, к тяжело больной родственнице мамы, которая захотела, чтобы ее во что бы то ни стало осмотрел Гавриил Джакели. Оставив меня на попечение соседей, папа с мамой той же ночью выехали на машине.

На третий день, вернувшись из школы, я застал наш дом полным людей. Из большой комнаты куда-то исчезли все вещи, лишь посередине стояли две покрытые белыми просты-

нями тахты, а вдоль стен были расставлены стулья. Ничего не понимая, я ошалело смотрел на незнакомых людей, которые и не заметили моего прихода. Вдруг наступила гробовое молчание, кто-то подошел ко мне, погладил по голове и заплакал.

– Несчастный ребенок!

– Сынок, сынок дорогой!

– Нет в мире справедливости!

– Кто за ним присмотрит? Я все понял...

...Все разошлись. На кладбище остались два могильщика, дед да я.

– Царство им небесное, за упокой их душ, – проговорили могильщики, отпив по глотку вина, и остальное осторожно вылили на могилу. Потом поблагодарили деда, собрали лопаты и тихо ушли. Дед, до сих пор не проронивший ни слова, вдруг упал на могилу и, рыдая, съел горсть земли. Потом встал, надел на меня шапку и вздрогнул от неожиданности: перед нами стоял Або с огромным букетом в руках, а за ним, прислонившись к ограде соседней могилы, плакал его отец. Або молча подал мне цветы. Я разложил их на могиле, потом взял Або за руку и подвел к деду.

– Это Або, – сказал я.

Дед ласково потрепал его по щеке и поцеловал в голову...
...Спустя неделю дед распродал все наше имущество, и мы поехали в Букисцихе.

– Мальчик – моя кровь и моя плоть. И расти он должен в

родном доме! – заявил он тбилисским родственникам.

Среднюю школу я окончил в Букисцихе.

Учительница логики вместе с аттестатом вручила мне комбинированную справку-характеристику следующего содержания: «Дана сия Автандилу Гаврииловичу Джакели в том, что он действительно учился в Букисцихской средней школе и что его, как сироту, воспитывал дед, старый большевик Исидор Джакели, депутат всех созывов местного Совета, опытный партийный работник, и что он действительно окончил десять классов Букисцихской средней школы. В процессе учебы проявил себя вежливым, а также систематически участвовал в работе по сбору чая (зеленого золота). Активно участвовал также в сельских, районных и других олимпиадах. Пел в хоре (бас). Входил в первую десятку чемпионата по шахматам (в масштабе своего класса), играл в футбол, волейбол, теннис, лело, пинг-понг, а также в мяч на воде (ватерполо). Считался активным членом драм, и лит. кружков. Исполнял главные трагические роли в пьесах классиков, в том числе Гамлета, Ивана Грозного и Хлестакова. Писал небольшие рассказы и стихи, которые публиковались в школьной стенгазете. Дед его в настоящее время пенсионер.

Автандил Джакели – комсомолец с 1965 года, членские взносы платил честно и систематически. В колхозе у него выработано 92 трудодня, не курит.

Вывод: Автандил Гавриилович Джакели является поло-

жительной личностью, в чем и подписываюсь. Временно исполняющая обязанности заболевшего директора средней школы с. Букисцихе Чохатаурского района, преподаватель логики этой же школы Зинаида Кишвардовна Шешелидзе.

Справка дана для представления в мединститут».

«Ректору Тбилисского медицинского института

От абитуриента

Автандила Гаврииловича Джакели,

прож. в Тбилиси, по ул. Ниношвили, 50

Заявление

Сообщаю, что в июне 1967 года я окончил среднюю Школу с. Букисцихе Чохатаурского района. Меня с раннего детства привлекала медицина, как сложная и интересная отрасль науки. Я уверен, что медицина необходима для удовлетворения ежегодно растущих потребностей населения. Кроме того, имею деда – старика, инвалида, старого коммуниста, заслуженного партработника, оставлять которого без медицинской помощи почти невозможно. А потому прошу исполнить мечту моего детства и разрешить сдать приёмные экзамены, а затем зачислить меня в вверенный вам институт.

Заявитель А. Г. Джакели.

г. Тбилиси.

15/VII-67 г.»

Заявление сочинил дед, я переписал его набело. С этим заявлением, подкрепленным аттестатом, справкой о здоро-

вье и четырьмя фотокарточками, я и дед 17 июля прибыли в Тбилиси.

Тетя Шура (так называю я дальнюю родственницу Шушану Артилаква) приняла нас торжественно. Набитый битком хурджин был помещен на почетное место – во главе стола, мы скромно присели на тахту.

– Боже мой, вылитый отец! – обняла меня тетя Шура и заплакала так, что вскоре заревел я сам, а за мной всхлипнул и дед.

– Ну так вот, моя Шушана, – сказал наконец дед, – теперь дело за тобой. Оставляю мальчика на твое попечение.

– Исидор Джакели! Ты – наш отец, и твой внук – мой сын. Отец его был мне братом, и я – тетя моего Авто! Мой дом – его дом! Буду смотреть, ухаживать, кормить и поить его, как царевича, вот те крест! За пять лет сделаю из него такого специалиста, что весь свет будет дивиться, помни мое слово! Ты куда собираешься, сынок? – обратилась она ко мне.

– На медицинский! – ответил дед.

Тетя Шура так и застыла с раскрытым ртом. Потом медленно прикрыла глаза рукой.

– Что с тобой, Шушана? – забеспокоился дед.

– Да так... Ничего... На медицинский, Исидор мой, не так уж легко попасть...

– Знаю, знаю, милая... Да уж и мы не того... Не простачки! У мальчика голова полна премудрости, да и здесь не пусто! – И дед выразительно похлопал себя по набитому трех-

рублевыми ассигнациями карману.

– Ну, разве что так... – неуверенно согласилась тетя Шура и пошла накрывать на стол.

Тетя Шура замужем за армянином. По-русски муж называется Иван Сергеевич Котинов, по-армянски – Ованес Сердаковиич Котинянц, я же называю его проще: дядя Ванечка.

Чудесный человек наш дядя Ванечка! Среднего роста, полный, седой, как лунь, с большими синими глазами, всегда гладко выбритый, улыбающийся, – он и говорит таким приятным голосом, словно где-то в груди у него запрятаны серебряные колокольчики. Дядя Ванечка еще молод – не старше моего отца, но почему-то весь седой.

Время было к обеду, когда пришел дядя Ванечка.

– О-о-о, куму дорогому привет! – воскликнул он, раскрыв объятия.

– Какой он тебе кум! – набросилась на мужа тетя Шура. – Сколько раз тебе говорила: зови его...

– Как? – спросил дядя Ванечка.

– Не кумом, по крайней мере!

– Как же!

– Ну, я не знаю... Зови его...

– Скажи, скажи, как? – не отставал дядя Ванечка.

– Отцом! Вот как! – нашлась тетя Шура.

– Дорогой Исидор! – обратился дядя Ванечка к деду. –

Всю жизнь я отца родного Седраком называл. Скажите по чести: как же мне вас называть отцом?

– Да ты не обращай на нее внимания, зови меня, как тебе понравится.

– А если кумом, вы не обидитесь?

– Нет, конечно!

– Ну, так куму дорогому привет! – И дядя Ванечка бросился обнимать деда. Потом он заметил меня.

– Ва, и ты здесь? Чего же ты молчишь? А-ну, покажись. Вах, вах, вылитая мать!

– Не мать, а копия отца! – поправила мужа тетя Шура.

– Пусть будет так. Главное, что он настоящий тигр, вот что! Ну, а теперь – к столу!

Дед скатал опустевший хурджин, положил его в чемодан, запер последний висевшим на шее ключом и уселся напротив дяди Ванечки.

– Что в этой бутылке? – спросил дядя Ванечка, и глаза у него засияли.

– Чача! – ответил дед. – А в той?

– Грушевая!

– Прелесть! – воскликнул дядя Ванечка и тут же разлил водку по стаканам. – Ну-ка, давайте по первой! Будем!

– Дай бог! – сказал дед.

– Будьте здоровы! – сказал я.

Выпили. Некоторое время слышны были лишь энергичное движение челюстей и учащенное дыхание. Ножом и вилок никто, кроме дяди Ванечки, не пользовался, поэтому каждый раз, когда его нож, разрезая мясо, со скрипом сколь-

зил по тарелке, дед недовольно морщился. Дядя Ванечка заметил это.

– Черт бы взял того, кто выдумал нож и вилку! – Он отложил в сторону прибор и засучил рукава. Утолив первый голод, дядя Ванечка разлил по второй.

– Это – за ваш приезд, дорогой мой кум Исидор, дорогой мой Автандил! Дай бог вам здоровья!

– Спасибо, дядя Ванечка! – привстал я.

– Сиди, сиди! Так куда ты решил поступать?

– На медицинский! – выпалила тетя Шура.

– На медицинский? – поднял брови дядя Ванечка.

– Да, на медицинский! Чему ты удивляешься! Чем он хуже других, мой славный мальчик? Да если хочешь знать, его должны принять на любой, еще лучший факультет, если бы такой существовал! – загорячилась тетя Шура и потом добавила: – Без экзаменов!

– Ва, пусть принимают, жалко мне, что ли? Дай бог ему стать министром здравоохранения, для меня же лучше!

– И будет, будет он министром! – подтвердила тетя Шура.

– Да, мой Ванечка, мы избрали медицинский, и ты должен нам помочь! – сказал дед.

Дядя Ванечка налил себе водки, помолчал, потом вытер салфеткой губы и сказал:

– Прямо скажу, дорогой Исидор, нелегкое вы затеяли дело. Чем я вам помогу? Разве что пойду с вами сдавать документы и буду ждать по эту сторону улицы...

– Почему так? – насторожился дед.

– А потому, что по ту сторону яблоку негде упасть. Это во-первых. А во-вторых, чтоб перейти на ту сторону, надо, говорят, кое-что иметь в кармане.

– Что иметь? – не понял дед.

– Кое-что! – повторил дядя Ванечка.

– Неправда! – обиделся дед.

– Может, и неправда, – согласился дядя Ванечка, – но после того, как сын директора нашей АТК поступил на медицинский, я, признаться, стал сомневаться...

– Почему же? – не сдавался дед. – Сыну директора АТК запрещено учиться, что ли?

Дядя Ванечка схватил лежавшую в вазе чурчелу.

– Вот я вас спрашиваю: получится ли из этой чурчелы свирель?

Мы недоуменно переглянулись.

– Отвечайте: получится из чурчелы свирель?

– Нет! – ответил я.

– Значит, не получится?

– Нет! – упрямо повторил я.

– Хорошо! – Дядя Ванечка поднес было к губам стакан, но тут вмешалась тетя Шура:

– Сторишь, несчастный, сдохнешь! Не видишь разве, шестьдесят градусов!

– Семьдесят! – поправил дед.

– Да ну? – удивилась тетя Шура.

– Ей-богу! – перекрестился дед.

Пока дед и тетя Шура были заняты уточнением вопроса о качественных показателях водки, дядя Ванечка опрокинул стакан и тут же снова наполнил его.

– Окосел совсем этот урод! – всплеснула руками тетя Шура. – Предупреждал меня покойный Габо: не выходи, говорил, за этого армянина! Могла ли я знать, что этот армянин окажется к тому же пьяницей?!

– На чем я остановился? – спросил дядя Ванечка.

– На чурчхеле! – напомнил я.

– Так вот. Ты говоришь, что из чурчхелы не получится свирель. А я говорю тебе: получится! Если из сына моего директора получится врач, то из этой чурчхелы не то что свирель, кларнет получится!

– Почему? – спросил теперь дед.

– А вот почему: когда этот кретин был в девятом классе, он ради шутки положил в трубку своему деду пистон. Дед остался без большого пальца на правой руке. В десятом классе он динамитом взорвал <Волгу> своего учителя физики. На первом курсе ранил двух ни в чем не повинных прохожих.

– О чем же думает его отец? – спросил дед.

– Отец перевел его с санитарного факультета на хирургический. Понятно?

– Нет, непонятно! Ты просто пьян, Ванечка!

– Пьян. Ну и что? Водка крепкая, оттого я и опьянел. А

вот неделю назад этот гениальный сын набил спящему отцу уши горячей картошкой, скажите мне, это-то отчего?

– С ума можно сойти! – подскочил дед. – Что же они с ним сделали?!

– Отвели его к Авлипию Зурабашвили. Авлипий – ведь знаете – первый в мире врач этих самых... – дядя Ванечка покрутил пальцем у своего лба. – Зурабашвили его, оказывается, спросил, почему, мол, ты это сделал, сынок? А сынок отвечает: так, дескать, написано у О`Генри в «Вожде краснокожих». Тут Авлипий обернулся, оказывается, к родителям этого вундеркинда и говорит: счастье ваше, говорит, что он «Отцеубийцу» Казбеги не читал! Родители в слезы: вылечите, говорят, нашего сына, и мы одарим вас золотом с него весом! А Зурабашвили, оказывается, ответил: что, говорит, его вес – не больше пятидесяти килограммов, я сам, говорит, отдам вам золото с собственный вес – семьдесят восемь килограммов, только, говорит, уберите его отсюда!

– Дальше? – Дед почти сполз со стула.

– Дальше ничего. Достали ему такую справку – хоть человека зарежет, отвечать не будет. Очень даже нужная справка для врача.

Дядя Ванечка опорожнил последний стакан и грустно вздохнул:

– Кончилась, родимая...

– Ну, знаешь... – начал дед. – Это все случайно... Случайно, говорю, пролез в институт такой...

– Наверно, дорогой Исидоре.

– Нет, это все ерунда! Вот у моего мальчика – справка из колхоза, свидетельство о здоровье, уйма трудодней... – Он замялся: – Да и денег вот... немного...

– Сколько? – спросил дядя Ванечка.

– Да... рублей семьсот.

– Вот что я вам скажу, дорогие: завтра – футбол, играют «Динамо» Тбилиси – «Торпедо» Москва. Купите-ка вы на ваши семьсот рублей семечек и грызите на здоровье. На два тайма хватит... А я посплю немного.

И он вышел в соседнюю комнату.

Первого августа проспект Важа Пшавела напоминал день второго пришествия. Запрудившая институтский двор, улицу и даже подступы к ней толпа шумела, кипела, бурлила. Каждого абитуриента сопровождали по восемь и больше родственников. Здесь были мамы и папы, братья и сестры, дяди и тети, племянники и племянницы, дедушки и бабушки... Подъезжали на такси, на собственных «Волгах», «Москвичах», «Запорожцах», «ЗИЛах», на мотоциклах и мотороллерах. Стояли под палящим солнцем, истекали потом, разговаривали, вздыхали, спорили, кричали. Подозрительно вглядывались друг в друга: а что, как попадет не мой, а его сын? Одни казались слишком спокойными, другие – не в меру взволнованными... А с чем сравнить само здание института? Разве только с Ноевым ковчегом, куда старик Ной перед началом всемирного потопа по специальному списку

вводил по одному представителю животного мира. И я почувствовал, что именно мне предстоит разделить судьбу забытого Ноем буйвола, который плыл за удалявшимся ковчегом и жалобно мычал: «Но-о-й! Но-о-й!..»

Я вступил в ковчег в девять утра и вышел оттуда в час дня. Дед ждал меня под чинарой. Мы встретились взглядом, и я почувствовал, что дед понял все. Он отвернулся, словно и не видел меня. Боже мой, почему не провалится подо мной земля! Боже всемогущий, ниспошли на эту грешную землю гром и молнию, землетрясение, пожар, ураган, чтобы не стало бы ничего и не пришлось бы мне отвечать на немой вопрос деда!..

– Что получили, юноша? – спрашивает какая-то незнакомая тетя.

– Пять, – отвечаю.

– Вот так раздают пятерки, а потом... – возмущается кто-то.

– Ну как, парень?

– Пятерка!

– А что спросили?

– Закон Архимеда.

– Который?

– Тот самый... Про тело и жидкость.

– Повезло тебе, брат!

– Повезло, конечно...

Всему есть конец, кончился и мой путь на Голгофу. Я сто-

ял перед дедом и молчал. Дед обнял меня за плечи, кое-как выбрался из толпы и повел домой.

– Дедушка... – начал я.

– Не надо, сынок! – сказал дед, и я почувствовал, как с моих плеч свалился огромный камень...

Тетя Шура восприняла наше горе, против моего ожидания, оптимистически:

– Подумаешь, не попал! Никуда твой институт не денется. Не в этом, так в следующем году поступишь! Еще и обгонишь товарищей. С твоей-то головой...

– Что случилось, Авто? – спросил дядя Ванечка.

– Срезали, – пробормотал я.

– И зачем я делал революцию?! – воскликнул дед.

– Срезали или срезался? – спросил дядя Ванечка.

– Срезался.

– Не знал? – уточнил дядя Ванечка.

– Не знал!

– Что же ты теперь собираешься делать?

– Ничего...

– Дорогой Исидор! – обратился дядя Ванечка к дедушке. – Оставь мальчика нам. За год мы подготовим его по физике и химии так, что он не срезается у самого Эйнштейна!

Дед не ответил. Бросив на меня укоризненный взгляд, он пошел к дверям.

– Эх ты, не мог подготовиться по двум предметам? Видишь, переживает старик!

Я промолчал.

Спустя час вернулся дед. Он достал из кармана и бросил на стол кипу денег.

– Здесь семьсот рублей, – сказал он. – В январе пришло столько же. Буду жив – приеду к будущему августу, а нет, так... Соседям скажу, что он устроился... Да, попал, мол, в институт, так и скажу соседям... Эх, горе тебе, Исидор Джакели!.. А теперь прощайте! Здесь мне делать нечего...

...Дом наш в городе известен прежде всего тем, что перед ним находится венерологический диспансер. Когда кто-либо из наших соседей впервые приглашает к себе товарища, он объясняет примерно так:

– Вендиспансер знаешь? Так вот, наш дом – напротив. Он, знаешь, немного перекосялся, стену подпирают четыре столба. Понял? Войдешь со двора. Ворота железные, такие, знаешь, старинные, с завитушками. Но они не висят, а валяются там же. Понял? А во дворе – кран и очередь за водой. Ведра стоят, понимаешь? Если меня не будет, спросишь у часовщика Рубена, он сидит в будке, у входа во двор. Понял? Он тебе скажет точно, где я.

А еще в нашем доме живет очень красивая девушка – Дадуна Хомерики. На первом этаже. Дверь ее квартиры выходит прямо во двор. Мать Дадуны – спекулянтка. Дадуна учится на втором курсе института иностранных языков. На французском отделении. Она старше меня года на два. У Дадуны красивые ноги, высокие бедра, длинные, как у Марины

Влади, светлые волосы и черные, чуть косящие глаза. У Дадуну вечерами собираются красивые девушки и парни. Они играют на гитаре, поют, поздно ночью шумной толпой выходят во двор, неся под мышками какие-то свертки. Они целуют руку матери Дадуну, которую называют мадам Инессой, и в щеки – Дадуну, которую называют Даду.

Я познакомился с Дадуну в очереди у крана. Я поставил ведро в длинном ряду ведер и чайников и собрался было подняться домой, как из комнаты вышла Дадуну с двумя ведрами в руках. Было раннее утро.

– Простите, кто тут крайний? – спросила она и улыбнулась такой обворожительной улыбкой, что сердце у меня затрепыхалось.

– Я...

– Очень хорошо. После вас буду я. Запомните?

– Еще бы! – ответил я, окинув ее взглядом с пальцев ног до подсиненных тушью овалов глаз.

– Правда? – Дадуну смутилась.

– Честное слово, я вас всегда буду помнить!

– Благодарю за внимание. Я пойду.

– Куда вы спешите?

– На лекции.

– Постойте еще немного... Меня зовут Джако.

– Джако? * – удивленно подняла брови Дадуну.

– То есть не Джако, а Автандил, Авто. А Джако зовут просто так, потому что фамилия моя – Джакели.

– Это хорошо.

– Серьезно?

– Очень хорошо!

– Ну, тогда и вы зовите меня Джако.

– С удовольствием! А меня зовут Дадуной! Здравствуй-те! – она протянула мне руку. – До свидания!

– До свидания! – ответил я, не выпуская ее руки.

– До свидания! – повторила Дадуна.

– Что, пари заключаете? – подошел к нам часовщик Рубен и бесцеремонно поставил свое ведро перед нашими.

Дадуна высвободила руку, кивнула мне и ушла, красиво раскачиваясь.

– Ну как? – спросил Рубен.

– Не говори! – ответил я. – Хороша, черт возьми!

– Когда они здесь поселились, она была еще красивее. Потом у нее вдруг пожелтели волосы, посинели глаза и укоротилось платье. Я даже подумал, что если девочка будет так быстро расти, то скоро платье дойдет ей до самого пупа. Оказывается, это – мода, «мини» называется. Я-то, болван, жалел девочку, трудно, мол, семье живется, вот и ходит она в детском платье... А что ты скажешь, Джако?

Я ничего не сказал, лишь взял его ведро и отставил назад.

– Э, что ты делаешь? – удивился Рубен. – Вот пошла молодежь – ни уважения, ни почета старшим!

– Вода – младшему, дядя Рубен! – напомнил я.

– Молчи, пожалуйста! Вы все себе забрали – и воду, и вод-

ку, и коньяк. А еще бессовестно поете по радио: «Широка страна моя родная, старикам везде у нас почет!.. Иди, иди, знаю я вас! – махнул рукой Рубен и побрел к своей будке.

– Извините, пожалуйста, мамаша! Семь лет тому назад здесь жил мальчик, мой ровесник. Его звали Або. Вы не знаете такого?

– Не знаю, сынок. С тех пор этот квартал перестраивали сто раз, тут и соседа своего не узнаешь, не то что какого-то мальчика...

– Девушка, семь лет тому назад на улице Меликишвили жил курдский мальчик Або...

– В Тбилиси проживают десять тысяч курдов, и половину их зовут Або. Как фамилия?

– Не знаю, никогда не интересовался. Мы росли вместе... Называли его Пучеглазом...

– Пучеглазом?

– Да, он ел много луку, глаза у него слезились...

– Не знаю, молодой человек, ничем не могу вам помочь...

– Извините.

– Пожалуйста.

– До свидания.

– Уплатите, пожалуйста, десять копеек.

– А, простите, забыл. Получите.

– До свидания!

– Дядя, семь лет тому назад здесь жил курдский мальчик Або.

- Або? Або мой сын зовут. Ты какой дела имел?
- У того Або семь лет назад умерла мать.
- Мой Або мать умерла семь лет назад. Або мой ровесник.
- Правильно, ты и Або один возраст!
- Я знаю отца Або.
- Меня?
- Не вас, отца Або.
- Я отец Або.
- Вы отец не того Або.
- Какой другой Або?
- Мой друг Або.
- Не знаю, дорогой.
- Ну, что ж, извините!
- Ничего, дорогой!
- До свидания, дядя!
- Будь здоров, дорогой!

Нет Або! Я исколесил весь город, побывал в Навтлуги – на третьем массиве, новом поселении, где живет много курдов. Кого только не расспрашивал, куда только не заглядывал, – нет и нет моего Пучеглаза, словно земля его поглотила! Я обошел Дигомский массив, «Дезертирку», Молоканский базар, вокзал, – все места, где только можно встретить рабочих-курдов. Мне показали не менее ста Або-сирот, Або – моих ровесников, но среди них не было того, единственного, моего Або.

– Надоел ты со своим Або! – ворчит тетя Шура. – Зай-

мись-ка лучше физикой, а то придет дед, задаст тебе трепку...

Эх, милая моя тетя Шура! Где тебе понять меня! Физика! Физика не сбежит, физика не пропадет. А Або исчез! Исчез человек! Я должен найти его во что бы то ни стало! Я не могу жить без него, ибо в нем – все: мое детство, моя мать, ее теплые руки и голубые глаза, и та ночь, когда она лежала со мной рядом, гладила по голове и шептала: «Да, сынок, да, засни...»

Ничего этого тетя Шура не понимает. Другое дело дядя Ванечка! Дядя Ванечка – кудесник, он видит, чувствует, понимает все. И он говорит мне:

– Слушай, парень, чего ты носишься по городу? Ты сходи-ка на кладбище, там поищи своего Або. Быть того не может, чтобы сын, если он жив, не пришел на могилу матери. Ты помнишь, где похоронена Сара?

Как же, дорогой дядя Ванечка! Автандил Джакели помнит все! Мать Або похоронена чуть ниже могилы его родителей! И он пойдет туда, найдет могилу, встретит, обязательно встретит Або! Как это он до сих пор не додумался сходить на кладбище. Або придет туда, непременно придет. А если не придет, значит, нет в живых Або. И Автандил Джакели не станет больше искать его.

Давно уже закрыто кладбище в Ваке. Открыли новое – Сабурталинское. Потом и его закрыли и открыли еще одно новое – в Дигоми. Чем больше от города отдаляются кладби-

ща, тем меньше близких и знакомых провожают покойника в последний путь. Если так будет длиться, то в конце концов провожать усопшего никто, кроме родных, не станет.

А в деревне не так! Деревенское кладбище – часть природы. Идти по деревенскому кладбищу ночью не страшно – у каждого там похоронен близкий или родной, чего же ему бояться? На деревенских кладбищах устраивают сходки, игры, праздники, танцы, потому что, как правило, кладбища расположены в церковных дворах, куда испокон веков человек шел в дни радости и в дни печали. На деревенском кладбище люди, как и при жизни, селятся по признаку родства, а кладбище, как и село, имеет свои участки – участок Джакели, участок Беридзе, участок Каландадзе и так далее. В деревне не существует профессии могильщика и гробовщика: здесь каждый умеет мастерить и гроб, и люльку.

В городе смерть превратилась в сложное дело. Созданы огромные тресты, управления, конторы, отделения могил и гробов, оркестров и панихид, посуды и столов для поминок, автобусов и траурной драпировки, цветов и венков, мрамора и гранита, памятников и воды... На городском кладбище воюют деревья, розы, горшки, мраморные плиты и даже траву. Землю здесь накрепко забирают в гранитную или мраморную броню. Наконец, городское кладбище радиофицировано и электрифицировано. Да, смерть в городе – дело сложное. В городе боятся смерти.

– Маро-о-о!

– Здесь я, кто зовет?

– Подымись-ка сюда, пожалуйста!

– Кто это?

– Это я, Джакели!

– Иду, иду...

Маро поручено присматривать за могилой моих родителей. Дед ежемесячно присылает ей пятнадцать рублей, чтобы она поливала цветы, сметала пыль с надгробной плиты и иногда срезала сорняки. Однако могила почти скрыта травой, розы обломаны, на плите сантиметровой слой грязи.

– Здравствуйте! – В руке у Маро ведро с водой.

– Здравствуйте. Я сын.

– Да, я поняла.

– Скажите, Маро, почему эти цветы так обломаны?

– Воруют, дорогой. Что я могу поделаться? Воруют, потом продают по рублю штуку.

– Хотя бы срезали аккуратно...

– Вот именно, хотя бы срезали...

– А трава? Сорняки вот...

– Как мне быть, дорогой? Столько у меня покойников, разве за всеми поспеешь присмотреть?

– Тут скамеечка стояла. Где она?

– Что, нет скамейки? Украли, видно, бесстыдники!

– Сюда никто не ходит?

– Почему же? Ходит один мужчина. Полный такой, седой.

Он и деньги мне дает, спасибо ему!

– Дядя Ванечка?

– Не знаю, дорогой, я имени не спрашивала.

– Так вы тут приберите, пожалуйста. Я скоро вернусь.

– Сейчас, сейчас, дорогой, сию минуту!..

Я спустился вниз по тропинке. Где-то здесь должна быть могила бедной Сары. Вот эту могилу я хорошо помню. Раньше здесь была только надпись, теперь стоит большой бюст.

Врач

Ражден Исидорович

Мемарнишвили

1900—1950

И четверостишье:

Ты неожиданно покинул нас,
Не избегнув страшной руки смерти.
Последний подарок тебе поднесли
Безутешные твои дети.

Черт возьми, неужели и врачи умирают неожиданно?

Я медленно шагаю по кладбищенскому лабиринту среди могил, надгробий, памятников, бюстов... Море мрамора! Дворцы из мрамора! Обширные особняки, крытые цинком! Кое-где видны забытые, поросшие травой могилы.

Откуда-то доносится женский плач и причитания. Я иду на голос. На свежем холме сидит женщина в черном.

– Авто, сын мой, жизнь моя! Авто, надежда моя единственная, солнышко мое! О, горе мне, несчастной!

Я вздрогнул, услышав свое имя. Авто! Кто он, бедный парень? Я присел неподалеку. А женщина продолжала громко плакать:

– Зачем ты погубил свою несчастную мать, Авто, мой ненаглядный! Сын мой, дорогой мой мальчик!..

Дрожь пробрала меня, я весь похолодел. Я представил, что это я лежу под свеженасыпанным могильным холмом, что это меня оплакивает моя дорогая, милая мать, И я заплакал.

– Сынок, ты товарищ моего Авто?

– Да, тетя.

– Вместе учились в университете?

– Да, тетя.

– Погубил он меня, погубил...

– Да, тетя.

– Не забывайте меня, заглядывайте...

– Обязательно, тетя.

– А как тебя звать?

– Авто, тетя.

– Горе мне! Почему же я тебя не помню? Ты тоже учишься на физическом?

– Да, тетя.

– Ты был тогда там? Во время драки...

– Где это, тетя?

– Там, на Тбилисском море, будь оно проклято!

– Нет, тетя.

– Ну спасибо, сынок. До свидания.

– Это вам спасибо, тетя!

– За что, сынок?

– Так. Спасибо. До свидания, тетя. Будьте здоровы!

– Будь счастлив, сынок. Будь счастлив!

Солнце спускалось за горой. На кладбище воцарилась тишина. Сосны, чинары, плакучие ивы, тихо шелестя листьями, шепотом переговаривались, словно поверяя друг другу тайну.

Я медленно поплелся вниз, к выходу.

В конце кладбища багебские дети играли в прятки. Маленькая девчушка прислонилась к могильному памятнику и, закрыв лицо руками, громко считала:

– Раз, два, три, четыре, пять...

Дети, словно испуганные коршуном цыплята, носились по кладбищу, прятались, ложились за памятниками, мраморными надгробиями, лезли в кусты.

– ...Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! Открываю глаза! – крикнула девочка.

Она настороженно оглядывалась вокруг, разыскивая притаившихся детей. Вдруг девочка захлопала в ладоши и радостно закричала:

– Вижу, вижу! Выходи, Темо! Ты во-о-он там, за могилой Чхенкели! Выходи! Стук-стук!

Темо вылез из-за могилы.

– Татиа, выходи! Вижу тебя! Ты под памятником Бакурад-

зе! Стук-стук!

Девочка продолжала поиски, а Татиа предупредила остальных:

– Скажу «груша» – выходи, скажу «яблоко» – не выходи!

Я стоял на пригорке и хорошо видел детей, прятавшихся за могильными плитами и памятниками. Солнце почти скрылось, стемнело. И вдруг меня охватил ужас. Я быстро спустился с пригорка и помчался вниз, размахивая руками и крича во весь голос:

– Дети, перестаньте сейчас же!.. Выходите, дорогие мои, вылезайте все!.. Дети, хорошие мои, милые дети. Не смейте прятаться!.. Выходите, дети!..

Перепуганная насмерть детвора сломя голову разбежалась по домам.

– Добрый вечер, Даду!

– Здравствуйте, Джако!

– Так поздно с лекций?

– Сегодня был практикум, а потом пошли в кино.

– Что смотрели?

– Не помню, какая-то чепуха – «Мертвые говорят громче живых» или наоборот. Каково?

– Очень хорошо!

– Что хорошо?

– Название хорошее.

– Да, название-то и подвело меня.

Дадунa замолчала и стала крутить головку высохшего кра-

на. Молчал и я.

– А со мной вы пошли бы в кино? – вдруг выпалил я и почувствовал, как краска залила мне лицо.

– С вами?

– Да.

– Почему бы нет?

– Когда? – обрадовался я.

– Когда пригласите.

– Завтра.

– Нет, завтра у меня гости. Приходите и вы, буду очень рада. Придете?

Я посмотрел на свои брюки, Потом на Дадуну и пожал плечами. Поняв меня, Дадуна расхохоталась.

– Глупости. Приходите обязательно.

– Спасибо, приду.

– Ровно в десять. Не подведете?

На мою просьбу отгладить брюки и сорочку тетя Шура ответила категорическим отказом. Тогда за дело взялся я сам. Когда в комнате третий раз запахло паленым, тетя Шура не вытерпела.

– Со спекулянтами и прочими жуликами тебе нечего дружить! Видела я парней получше тебя, обалдевших от этой бесовки-девки! Стоят до утра во дворе с гитарами и орут какие-то глупые песни. Тьфу, противно даже смотреть! Чтоб глаза мои не видели тебя в этой компании!

Дядя Ванечка невозмутимо читал газету.

– Да скажи хоть слово! – набросилась на него тетя Шура. – Расскажи-ка ему, какая тут из-за нее заварилась поножовщина! Расскажи!

Дядя Ванечка осторожно отстранил жену и продолжал читать.

– Что ты нашел такое в газете, проклятый! – завопила тетя Шура. – Парень на краю гибели, а тебе наплевать?!

– Отстань, ради бога, не до вас мне! Тут про Мао Цзедуна написано!

– Скажи ему что-нибудь!

– Да что мне ему говорить? – дядя Ванечка отложил газету и взглянул на меня.

– Скажи, была поножовщина?

– Ну, была! Что же из этого?

– Как что? – подскочила тетя Шура. – О чем это, по-твоему, говорит?

– О том, Шурочка, что Дадуна – красивая девушка и она многим нравится.

– И больше ни о чем? – подбоченилась тетя Шура.

– О чем же еще? Из-за красивых девушек всегда происходят драки. А ты как думала?

– А из-за вас, тетя Шура, не устраивали драки? – вмешался я.

– Драки?! – расхохотался дядя Ванечка. – Да ее насильно мне подсунули! Родня ее, Артилаква, пообещала мне два мешка денег! Спустя месяц после женитьбы я сам предлагал

им три мешка, лишь бы взяли ее обратно, да куда там!

Тетя Шура побледнела.

– Что ты сказал?! Что ты сказал, мерзавец?! Это меня тебе подсунули насильно?! Ах ты, подлец! Да я... Да меня... Да я из-за тебя всю родню потеряла! Ведь никто, кроме меня, и смотреть на тебя не хотел! Чтоб ты провалился!

– Так! Поделом мне! – вздохнул дядя Ванечка. – И кто меня сюда тянул? Сидел бы себе в Милане, жил бы припеваючи с моей любимой! Вот была женщина, не то что это чудовище!

Дядя Ванечка дважды был в плену: сперва он попал в лапы немцев, потом немцы заставили его воевать в Италии против американцев, и тут его схватили американцы. Потом он жил в Милане и имел, как он сам рассказывает, какую-то богатую любовницу – Лючию.

– С кем? С кем бы сидел? Кому ты нужен, несчастный? Или я не знаю, что ты за золото? А та старуха держала и кормила тебя, как бугая своего, понял?

Дядя Ванечка еще раз вздохнул и поплелся в спальню.

– Значит, все же решил идти? – обернулась тетя Шура ко мне.

– Тетя Шура, дорогая, неудобно мне, я же обещал! Отпустите сегодня, в первый и последний раз! – взмолился я.

– Ладно. Убирайся сейчас же, и чтобы в девять часов был дома!

– Да я приглашен к десяти, как же я вернусь в девять?

– В одиннадцать! Слышишь?!

– Обязательно, тетя Шура.

В десять часов вечера я вступил в апартаменты мадам Инессы. Хозяйка не проявила по поводу моего прихода ни особой радости, ни особого интереса. С обычной для каждой хозяйки улыбкой она проводила меня в гостиную.

Комната была полна мебели, аромата духов и табачного дыма, причем последний был явно импортного происхождения. В расставленных по углам креслах в непринужденных позах сидели девушки в мини-юбках и парни в дакроновых костюмах. Я остановился в дверях. Дадуна предостерегающе приложила к губам палец и кивком указала на свободное кресло. Худой, седоволосый парень, закрыв глаза и подняв палец к потолку, читал стихи:

Мело весь месяц в феврале
И то и дело...

Я на цыпочках подошел к креслу и сел.

...Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Парень закончил чтение, подошел к уставленному фруктами и напитками столу, налил коньяку, выпил и лишь после этого улыбнулся обществу, бурно выражавшему свой восторг.

– Еще, еще что-нибудь, Арчил! – в один голос закричали девушки.

– Не хочу! – сказал Арчил и налил себе вторую рюмку.

– Просим! Очень тебя просим!

Арчил поднял рюмку и, не сводя глаз с золотистой жидкости, начал:

Под раkitой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся: кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну, так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелем.

Все сдержанно улыбнулись. Арчил быстро опорожнил рюмку и сел...

Я заплодировал. Все обернулись ко мне.

– Друзья! – воспользовалась паузой Дадуна. – Это мой сосед, Джако, прошу любить и жаловать!

Я встал и отвесил общий поклон.

– Он что, осетин? – спросил, не глядя на меня, какой-то верзила с грудью и руками борца, сидевший у самого стола. Не вставая с места, он протянул руку, налил себе коньяку и выпил.

– Нет, грузин, – ответила Дадуня.

– Почему же тогда Джако?

– Его фамилия Джакели, Автандил Джакели. Джако – это так, прозвище.

– А-а-а... – протянул верзила.

– Теперь просим Мзию! – крикнул кто-то.

– Просим, просим! – поддержали другие.

Мзией оказалась девушка, сидевшая рядом с заинтересовавшимся моей национальностью парнем. «Дура», – подумал я, взглянув на нее. Она с показной рассеянностью раскуривала сигарету.

– Мзия, просим тебя!

– Что? Меня? – тряхнула она головой.

– Да, да! Дорогая, прочти свое «Я нежная...», – подсказали девушки.

– Не помню, ей-богу, не помню...

– Вспомнишь!

И она действительно вспомнила:

Я нежная, добрая, тихая девочка.

Я жертвовать собою готова всегда.

Спроси любой: «Отдашь свое сердце ты?»

Отвечу, не моргнув и не думая: «Да!»

С востока ли, с запада ко мне прилетая,

Ветер несет мне от моря, от гор привет,

И, нежно лаская, он тихо мне шепчет:

«Ты забудь, ты забудь, ты забудь слово „нет!“

– Боже мой, какая нежность, какая женственность! – вздохнула моя соседка.

Дадуня подошла ко мне, уселась на ручке моего кресла и, положив руку мне на плечо, спросила:

– Понравилось? Я промолчал.

– Я пошел! – сказал вдруг Арчил, вставая.

– Куда ты, подожди! – вскочила Дадуня.

– Нет, я устал! – Арчил демонстративно, не попрощавшись, вышел. Дадуня вышла за ним, я – за Дадуней.

– Терпеть не могу пошлостей и глупостей! До свидания! – сказал он и ушел. Но тотчас же вернулся и протянул мне руку: – Я извиняюсь перед вами!

– Что вы, Арчил!

– Простите меня! До свидания!

– До свидания!

Я вернулся в комнату, подошел к столу, налил стакан коньяку и выпил залпом.

– Ого! – произнес кто-то удивленно. Я налил и выпил еще – на сей раз полстакана.

– Ушел и ушел, черт с ним! – крикнула моя бывшая соседка. – Тоже мне Фолкнер! Надоел! Когда он читает сам, мы и шелохнуться не смеем, а на других ему наплевать! Джако, – обратилась она ко мне, – будьте любезны, дайте мне коньяку и чашечку кофе!

Я выполнил ее просьбу и, вернувшись на свое место, почувствовал, что коньяк начинает действовать. Сперва загудело в висках, потом зашумело в ушах, по всему телу разлилось тепло, и руки стали неметь. Но я не беспокоился, – наоборот, чувство было настолько приятным, что я встал, подошел к столу и осушил недопитый стакан.

– Ва, это кто – Ремарк? – воскликнул кто-то. Я молча уселся в свое кресло. Соседка продолжала прорабатывать Арчила:

– Он читает Пастернака так, словно это его собственные стихи! В конце концов это вопрос элементарной вежливости! Подумаешь, знаток поэзии! Мне, например, очень нравятся стихи Мзии! А вам? – спросила она вдруг меня.

– Арчил – хороший парень, – уклонился я от ответа.

– А кто говорит, что плохой?

– И хороший поэт!

– Откуда вы знаете, какой он поэт?

– Если это Арчил Гигаури, то он отличный поэт.

Я взглянул на Мзию: она сидела ни жива, ни мертва. «Так тебе, дура набитая!» – подумал я со злорадством. Потом началось что-то страшное. Люди в комнате задвигались, поплыли, плавно поднимаясь к потолку и опускаясь на пол. А верзила с борцовской грудью вдруг съезжился, сморщился, как проколотый шар, и превратился в маленькую краснощекую куклу. Я громко расхохотался.

– Что с тобой? Ты пьян? – подошла ко мне Дадуна.

– Нет, я... не пьянею... от коньяка! – с трудом произнес я.

– Чему же ты смеешься!

– Посмотри, какой он... маленький... и смешной! – я показал на верзилу. Тот, словно почувствовав что-то, беспокойно заерзал в кресле. А Дадуна, быстро зажав мне рот рукой, крикнула:

– Девочки, попросим Гелу прочесть новые стихи.

– Давай, Гела!

– Не могу, они еще не доработаны! – сказал Гела, красивый, коротко подстриженный юноша.

– Вы знаете, кто это? – шепнула мне соседка.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Меня? Изиди, – ответила она удивленно.

– Так вот, дорогая Из...зиди, я не знаю его!

– Как, вы не слышали про Гелу Вешапидзе?

– Впервые слышу от вас!

– Господи, как вам не стыдно! Это же наша надежда!

– Чья это... ваша?

– Грузии... Народа... Гела уже читал:

Сквозь туман язычества грохоча,

Сметая все с пути,

Глыбами огромными

Идет виденье белое,

Виденье былого и грядущего...

А коньяк совсем взбесился. Комната запрыгала в ка-

ком-то диком танце. Завертелась люстра. Потом лучи лампочек золотыми ремнями опустились вниз, опоясали выстроившихся на красном рояле слонов, подхватили их, и закружились слоны, как лошади на карусели. Потом каждый из нас очутился верхом на слоне, а карусель все ускоряла свой бег. На первом слоне сидела Дадуня, за ней – я, потом Изида, Мзия, Гела. Один из слонов был без седока – это был, наверное, место Арчила. На последнем, самом маленьком, восседал, смешно вытянув ноги, наш верзила.

Гела читал:

Шар земной
обхватив Когтистой лапой.
Летит сквозь века
аист белокрылый...

А карусель вертится, вертится, вертится...

«Что за бред? – думаю я. – Или я окончательно сошел с ума?» Вдруг наступило молчание. Все стало на свои обычные места. Исчезла карусель, слоны по-прежнему выстроились на крышке рояля.

Молчание длилось долго. Наконец заговорил кто-то один, за ним другой, потом остальные.

– Боже, какая сила! – простонала Изида.

– Ах, какая прелесть! – подхватила девушка с родинкой.

– Кто это? – спросил я у Дадуня, показав на нее.

– Это Вита. Хорошая девочка и прекрасно понимает ис-

куство. Как тебе понравился Гела?

– Надежда Грузии?

– Не смейся, пожалуйста! Отвечай, он тебе понравился?

– Гела – болван и аферист! – ответил я и понял, что голос мой прозвучал громче обычного.

– Что вы сказали? – обернулся ко мне верзила.

– Как его звать? – наклонился я к Дадуне.

– Анзор, – ответила Дадуна. – Джако, – продолжала она с мольбой в голосе, – прошу тебя...

– Я вас спрашиваю! – повторил Анзор.

– Что вам угодно? – вежливо осведомился я.

Увы, мне он больше не казался маленьким! Ну и вымахал, подлец! Шея какая, ручищи! Как только его кресло держит?

– Я спрашиваю, что вы сказали? Анзор встал.

– Ничего. Ничего я не говорил. Анзор самодовольно улыбнулся и сел.

– Вы занимаетесь спортом? – спросил я.

– А что? – растерялся он.

– Этот вот, ваш товарищ, который сейчас читал стихи, он всегда водит вас с собой?

Дадуна улыбнулась.

– А в чем, собственно, дело? – спросил Анзор. Он ничего не понял, тупица.

– Вам понравились стихи? – обратилась ко мне Изида. Я не ответил ей. Я наблюдал за Гелой. Лицо и поза его выражали крайнее напряжение.

– Видно, вы не знакомы с современной литературой. Сейчас принято писать белыми стихами, то есть без рифмы, – сказала вызывающе девушка с родинкой.

– Это вы мне? – спросил я.

– Да, вам. Вы читали Фолкнера?

– Читал. Читал Фолкнера, Хемингуэя, Кафку, Стейнбека.

Сейчас читаю Сартра.

– Сартра еще не переводили.

– А я в оригинале читаю.

– Кто же из них вам нравится?

– Все.

– Кого все же предпочитаете?

– Галактиона.

– Ну, у Галактиона, положим, тоже есть довольно бессмысленные строки.

– Например?

– Я сейчас не помню точно, но есть что-то про свеклу, которая хохочет. Как это понять?

– О, что вы! Это же замечательно! Во-первых, там прекрасная аллитерация «Чархали-хархарс», во-вторых, образ какой! Представьте себе хохочущего, покрасневшего от хохота человека! Ведь говорят же про такого: покраснел, как свекла!

– Вы так полагаете?

– Не я полагаю, а так оно и есть.

– И все же стихи – это не колхозный устав!

– Тем более не цирковой аттракцион! Вы можете представить себе, как это аист несет в лапе земной шар?

Изида неловко улыбнулась. Потом спросила:

– А вы сочиняете стихи?

– Конечно!

– Так прочтите нам!

– С удовольствием!

Под изумленные взгляды присутствующих я подошел к столу, налил полный стакан коньяка и со стаканом в руке вернулся на место.

– Эти стихи я написал в детстве, в восьмилетнем возрасте. Помню, мы отдыхали в Кобулету. Было жарко, раскаленный пляж так и пылал. Я признался матери, что вчера написал стихи, и там же прочел их счастливым родителям:

По бульвару Парижа я гулял.
Жадно глаза мои запылали,
Когда увидел огромный проспект
И строек необозримые дали.

Шумит, грохочет гигантский завод,
Стонет рабочий – раб капитала,
Но знает рабочий и знаю я —
Рабства пора последняя настала!

Здесь силы свободы уже растут
И солнце рабочим засияет,

Рухнут скоро фашистские цепи,
Счастливым день для рабочих настанет!

Ребята орали, девушки визжали, смеялся и я. У Дадуны от смеха появились на глазах слезы.

– Ну и что сказали родители? – с трудом выговорила Изида.

– Мать ничего, а отец отвел меня в сторону, усадил под сосной и сказал матери: «Присмотри-ка за ним, оберегай от солнца, иначе мы погибли!»

Когда улегся новый взрыв хохота, ко мне обратился Анзор:

– И это называется стихотворением?

– Дорогой мой, чтобы понимать стихи, мало выжимать гантели, нужно еще читать книги. Понятно? – ответил я.

– Ты из какого района приехал? – спросил Анзор, подойдя ко мне вплотную.

– Из Чохатаурского.

– Так вот, самое время тебе отправляться обратно!

– Повремени до августа. В августе приемные экзамены. Срежусь – уеду в тот же час, а не срежусь – придется тебе терпеть меня еще шесть лет. – Анзор заметно побледнел. – А что касается стихов твоего дружка, то они весьма и весьма слабы, то есть не слабы, а просто галиматья.

– Просто что?

– Галиматья. Если слово тебе незнакомо, посмотри в сло-

варе на букву «Г»: га-ли-матья.

Верзила стоял, хлопал глазами и тупо улыбался. Видно было, что ему мучительно хотелось ответить на мои слова какой-нибудь обидной остротой. Наконец он выпалил:

– А ты просто дурак!

Ничего лучшего от него я, конечно, не ждал. И все же я весь похолодел, рука, все еще державшая стакан с коньяком, задрожала.

– Как ты сказал? – переспросил я. Он смутился, но повторил:

– Ты просто дурак!

Тогда я решился. Я плюнул в стакан с коньяком и плеснул ему в лицо.

Потом случилось нечто необъяснимое. Комната вдруг озарилась яркой вспышкой, опять закружилась карусель, и опять все сидели верхом на слонах. Среди них не было только меня. Я лежал на полу и удивлялся, почему так быстро зажигается и гаснет люстра.

...Два дня, не переставая, меняла тетя Шура холодные примочки на моей изуродованной физиономии. А в перерывах между процедурами она спускалась вниз, и голос ее звучал на всю улицу:

– Откройте дверь, сволочи! Откройте, иначе взломаю с помощью милиции! Аферисты, спекулянты, развратники проклятые! Спалю, уничтожу ваше змеиное гнездо, жулики вы грязные!

Хомерики отмалчивались. И доведенная до бешенства тетья Шура, конечно, не побоялась бы привести в исполнение свои угрозы, если б не одно немаловажное обстоятельство: зачинщиком-то драки был все же я!

Дядя Ванечка соблюдал нейтралитет. Лишь проходя мимо моей кровати, он каждый раз удивленно спрашивал меня:

– Неужели это работа одного человека?

– Одного, дядя Ванечка!

– Неужели ты плеснул ему в лицо коньяком?

– Плеснул, дядя Ванечка!

– Предварительно плюнув в стакан?

– Да, дядя Ванечка!

– И откуда ты такое выдумал!

– Видел в одном заграничном фильме.

– Ну что ж, легко еще ты отделался, брат!

– Какое там легко, что ты болтаешь? – бесилась тетья Шура. – Не поймешь, где у мальчика рот и где у него нос!

Дядя Ванечка подмигивал мне и хитро улыбался.

На третий день наконец-то лицо мое вновь обрело свой обычный вид, а тетья Шура – душевный покой.

Утром поднялся соседский мальчуган и, улучив момент, когда тети не было в комнате, вручил мне записку.

«Авто! Если сможешь, приходи в 3 часа. Буду ждать у института. Дадуна».

Я, словно опытный конспиратор, сжег письмо и ровно в два часа уже торчал в назначенном месте. Без четверти три

появилась Дадуна.

– Не думала, что придешь!

– Здравствуй, Даду!

– Здравствуй, Джако!

– Что случилось, Даду?

– Ты обижен?

– Чего мне обижаться?

– Не знаю...

– Во всем был виноват я.

– Нет!

– А кто же!

– Не знаю... Наверно, все... Сходим куда-нибудь?

– Куда, Даду?

– Все равно. Мне нужно поговорить с тобой.

– Пошли.

...Мы уселись на заднее сиденье такси: я – за водителем,

Дадуна – рядом со мной.

– Куда? – спросил водитель, включая счетчик.

– Куда хочешь!

Водитель удивленно взглянул на меня.

– Все равно, поезжай, куда хочешь, – повторил я.

– Понимаю! Поедем на Авлабар, – решил он.

– Почему именно на Авлабар!

– Влюбленные всегда ездят на Авлабар!

– Это почему же? – спросила Дадуна.

– Там много узких улиц и поворотов, и на каждом пово-

роте они обнимаются, якобы от толчков. Понимаете?

– Ну, коли так, давай на Военно-Грузинскую! – сказал я. Мы молчали всю дорогу. Лишь один раз водитель проговорил про себя:

– Светицховели в ремонте... По понедельникам на Джвари не поднимаются... Сейчас лучшее место – ресторан «Нахтатари».

– Подними нас, пожалуйста, на Джвари!

Водитель оглянулся. Что-то смутно знакомое показалось мне в его глазах. Он тотчас же отвернулся и ускорил ход.

Дадунa задумчиво глядела на плывшие по небу белые облака, и левая ее рука, словно чужая, лежала на сиденье.

С минуту я смотрел на Дадуну, она не оглянулась. Тогда я осторожно приблизил свою руку к ее руке, но дотронуться не посмел: в шоферском зеркальце я наткнулся на пристальный, жгучий взгляд черных глаз водителя. «Невежа», – промелькнуло у меня в голове. Неожиданно машина резко свернула вправо, на дорогу, ведущую в Джвари, и Дадунa всем телом навалилась на меня. Я невольно обнял ее. Лицо ее оказалось так близко, а глаза смотрели на меня так нежно, что я не сдержался и поцеловал ее. Дадунa закрыла глаза, но тотчас же, спохватившись, мягко отстранила меня.

– Таких поворотов впереди еще восемь! – сказал водитель, и я вновь поймал в зеркальце его внимательный взгляд.

– Смотри, пожалуйста, вперед и займись своим делом! – прикрикнул я на него. – Чего доброго, опрокинешь машину!

Действительно словно в подтверждение моих слов, машина вдруг вильнула, качнулась и стала.

– Черт проклятый, опять камера спустила! – водитель вылез из машины, в сердцах ткнул ногой передний скат и плюнул: – Второй раз сегодня спускает. Извиняюсь, но придется вам сойти.

Он достал из багажника инструменты, запасной скат и виновато взглянул на меня.

– Снимай колесо, а я подкачаю запасное, – предложил я.

– Вот спасибо!

Я стал накачивать камеру. Досчитав до ста, я перевел дух и продолжал, считая про себя: раз, два, три...

– Четыре, пять, – послышался вдруг чей-то голос. Я оглянулся. Передо мной стоял мальчик лет четырнадцати – высокий, красивый, с густой, давно не стриженной копной волос, в залатанных штанах и красной ситцевой рубаше. Мальчик улыбался.

– Здорово! – сказал я.

– Здравствуй! – ответил он, протягивая руку.

– Ты кто?

– Мераб.

– Подсобишь мне, Мераб?

– Да! – обрадовался мальчик и схватил насос.

– Раз, два, три, – начал он считать, – четыре, пять, – и снова: – Раз, два, три, четыре, пять...

– Шесть! – подсказал я.

– Пять! – повторил он.

– Ты где живешь? – спросил я.

– Я-а?

– Да, ты.

– Там! – показал он рукой в сторону Цицамури.

– Мама есть?

– Есть!

– Папа?

– Папа? – переспросил он.

– Да, папа.

– У меня их двое.

– Как – двое?

– Один папа и еще один папа.

– Не понял.

– Ростом и Тедо. Большой папа и просто папа.

– А, понятно: дед и отец, да?

– Да!

– Учишься?

– Да.

– В каком классе?

– В третьем.

– А сколько тебе лет?

– Один! – Мальчик улыбнулся, и глаза его сверкнули ка-

ким-то странным, нездоровым блеском.

Сердце у меня сжалось.

– Как один, ты ведь большой мальчик? – Один, один! –

повторил он упрямо.

Вдруг мальчик бросил насос, подобрал штаны и с криком «Дато! Дато!» убежал.

По тропинке шел мальчик с вязанкой хвороста на плече. Мераб подбежал к нему, выхватил хворост и бегом вернулся к нам. Положив вязанку, он взялся за насос.

– Хватит! – подошел водитель. – Сейчас быстро поставлю колесо, и поехали!

– Мераб, кто этот мальчик? – спросил я.

– Дато, брат Нателы! – ответил он вдруг потеплевшим голосом и потупил глаза.

– А Натела кто?

– Натела – сестра Дато!

– Ты любишь Нателу?

Мальчик смешался, опустил голову. Смутился и я:

– Где Натела?

– Нателы нет! – вскрикнул мальчик.

– Где же она?

– Ушла Натела!

– Куда?

– Я знаю, никто больше не знает! Я знаю!

– Так скажи, куда она ушла?

– Она спряталась! Я зажмурился – раз, два, три, четыре, пять... Я много считал. Натела не пришла!

– А, вы играли в прятки?

– Да.

– И что же, где она теперь?

– Нету ее! Я считал, считал, все пришли, а она – нет! Я знаю, где Натела, я вижу ее, никто не знает, где она! Я знаю!

– Мераб, – начал я, чувствуя, что меня по коже пробирает мороз, – так куда же она делась, Натела?

– Нету, нету ее! Не веришь. Вот спроси его! – крикнул он и помчался навстречу давешнему мальчику, который приблизился с новой вязанкой хвороста.

Мальчики подошли к нам.

– Пойди, приведи осла, – обратился мальчик к Мерабу. Тот убежал.

– Здравствуй, мальчик!

– Здравствуйте!

– Кто это? – показал я на удалявшегося Мераба.

– Мераб.

– А что с ним?

– Воспалением мозга болел...

– Сколько ему лет?

– Тринадцать. А говорит – один.

– А тебе?

– Мне двенадцать.

– А Натела кто?

– Моя сестра.

– Где она?

– Умерла. Три года тому назад.

Чтобы скрыть подступившие к горлу рыдания, я быстро

повернулся и пошел к машине. Водитель дал сигнал. Подошла и Дадунa с огромным букетом маков и ромашек в руках.

– Смотри, как красиво! – сказала она, передавая мне букет.

Машина тронулась.

Я выглянул в окно и увидел Мераба – он тянул за веревку упирающегося осла.

– Останови, пожалуйста!

Я сошел с машины и побежал к Мерабу.

– Мераб, отнеси эти цветы Нателе!

– Нателе? – удивился мальчик.

– Да, Нателе!

– А зачем ей эти цветы?! – спросил он. – Вон их сколько, цветов, это все ее цветы! – И он показал на поле, сплошь усеянное маками, ромашками, васильками.

– Ничего, ты отнеси, девочки любят цветы. На! – Я сунул ему в руки букет и побежал обратно.

Водитель говорил Дадуне:

– Ненормальный он... Стоит здесь и машет рукой шоферам. Мы, конечно, останавливаемся, жалко все же, но он ничего не просит и денег не берет. Просто так, ненормальный.

– Поехали!

Я оглянулся. Мераб стоял с букетом цветов в руках, и вокруг него колыхалось море ромашек, васильков и маков.

...Начался подъем. Водитель переменял скорость, и от легкого толчка рука Дадунy коснулась моей. Я схватил и

сжал ее теплую, мягкую ладонь. Она ответила чуть заметным движением пальцев. Тогда я обнял девушку, привлек к себе и зарылся лицом в ее пышные волосы. Несказанно сладкий аромат, в котором угадывались запахи духов, цветов, сена, одурманил меня. Я поймал губами ее маленькую мочку. Она была горячая, словно раскаленная под солнцем раковина на морском берегу. И точно морская раковина, она звенела, шумела, пела какую-то таинственную, сказочную песнь.

Я вздрогнул, почувствовав на себе внимательный взгляд водителя, и выпрямился.

– Закурить не найдется? – спросил водитель.

Я молча протянул ему пачку сигарет и спички. С профессиональной ловкостью, не сбавляя скорости, он закурил, затянулся и удовлетворенно произнес:

– «Честерфильд»!.. Где достаете?

– Ворую.

– Ва! Где это?

– У родного дяди!

– А-а-а! Так лучше, а то на Майдане очень дорого...

– Да, дорого...

– Вот я вспомнил... – обратился водитель к Дадуне, – когда он подарил цветы мальчику, – не оборачиваясь, он показал пальцем на меня, – я вспомнил про цветы... Лет восемь тому назад мне было десять лет...

– Правда? – отозвалась Дадуна ради приличия.

– Да, десять лет мне было... Сам-то я курд. Когда мать

болела или была занята, я таскал мусор... Жила в доме одна семья... Им, значит, помогал...

У меня вдруг сперло дыхание, бешено заколотилось сердце. Я взглянул в зеркальце. Водитель нервно жевал сигарету.

– Там жил мальчик, мой ровесник. Очень красивая была у него мать. Тетя Манана...

Я достал сигарету, прикурил и понял, что держу ее во рту не с того конца.

– Потом умерла моя мать Сара...

– Да? – равнодушно проговорила Дадуна.

– Да, умерла, бедная. В то утро тетя Манана подарила мне одежду своего сына, потом очень много плакала, потом ее сын принес много-много цветов.

– Наверно, мать ему сказала.

– Наверно... Хороший был мальчик, такой чистенький, всегда беленький воротничок носил... Потом у него погибли родители. В один день... Потом я потерял его. Сказали, дед взял к себе в деревню... Не знаю... Я подумал, если он человек, обязательно придет на могилу матери. Моя мать тоже там похоронена, в Ваке. Мы христиане, вот крест, – он расстегнул сорочку и вытянул за цепочку большой золотой крест.

– Боже, какая красота! – воскликнула Дадуна.

– Да. Недавно я был на кладбище. Маро сказала, – это та самая женщина, которая присматривает за могилами, – сказала, приходил какой-то парень... Я думаю, это был он.

Я звал его Джако, а он меня – Пучеглазом.

– Как? Как вы его звали? – встрепенулась Дадуна. Водитель не ответил. Я поймал в зеркальце его черные, красивые глаза. В груди у меня что-то заклокотало, закипело.

– Здравствуй, Або! – сказал я.

Вот и нашелся твой Або, Автандил Джакели! Ты его разыскал, или он тебя? Неважно! Вы нашли друг друга, и это – главное. Все твое тбилисское детство, все твои воспоминания были связаны с ним. Они постепенно покрывались пеленой забвения, и, чтобы не допустить этого, вы должны были найти друг друга.

Вот и нашелся Або!

Так почему вы молчите? Скорей, скорей раскройте сердце и душу, спросите друг друга о днях, миновавших бесследно. Бесследно? Нет! Ведь Або помнит твою добрую, красивую мать, тепло ее ласковых рук. А ты, разве ты забыл смуглую курдянку Сару? Быть может, Або не хочет вспоминать, как его мать убирала чужие грязные подъезды и как он сам, босой и оборванный, таскал чужой мусор? Так почему он так мечтал о встрече с тобой?

– Здравствуй, Джако! – сказал Або.

Мы стояли друг против друга, у подножия Джвари, и невольно улыбались. Потом он протянул руку, протянул руку и я. Мы обнялись, стиснули друг друга, и я услышал шепот моего Або:

– Где ты был, Джако? Где ты был, Джако? Где ты был?..

Прошел час. Все твои восемнадцать лет, Автандил Джакели, и столько же лет твоего Або уместились в эти шестьдесят минут. Або расспрашивал тебя о своей матери, и ты понял, почему он искал встречи с тобой. Ты расспрашивал Або о своей матери, и он понял, почему ты искал встречи с ним.

Долго еще вы говорили, говорили, не собираясь расходиться. Но... Або ждала работа, а тебя – заплаканная Дадуна. Потом ты засунул руку в карман, и радостно вспыхнули глаза Або, когда вместо денег ты достал из кармана платок.

– Так я теперь поеду, а через два часа вернусь за вами. Хорошо? – сказал Або.

– Нет, Або, мы спустимся в Мцхета, а оттуда поедem поездом или автобусом, – сказал ты.

– Я приеду в Мцхета, – сказал Або. – Вы когда там будете?

– Не нужно, Або, мы сами доберемcя! – сказал ты. Потом вы обменялись адресами и обещали друг другу встретиться в ближайшие дни.

– Хорошая девочка! – понизил голос Або.

– Дадуна, знакомься: это Або, мой друг детства.

– Знаю... Все знаю... Клянусь мамой, столько я не плакала никогда...

– Ну, до свидания, Джако!

– До свидания, Або!

– До свидания, сестричка!

– До свидания!

Машина рывком сорвалась с места. Проехала десяток

метров, Або резко затормозил, вышел из машины, поднял вверх руки и что-то крикнул.

– До свидания, Або, до свидания!..

Я и Дадуна стоим на огороженном металлической решеткой крохотном балкончике, что ласточкиным гнездом приклеился к обрывистой стене Джвари, и любимся открывающейся отсюда картиной. Под нами – Мцхета со своими красивыми, под красной черепичной кровлей, домиками, монастырями, колокольнями, церквями, развалинами... Идут люди, много-много людей. Они сперва отсюда, с высоты, рассматривают Мцхета и Светицховели, незаметно прячут в карманах и сумках выковыренные из стен кусочки камня и раствора, потом спускаются вниз, в Мцхета, смотрят оттуда на это чудо – на Джвари, и вздыхают, и восторгаются, и поражаются – поражаются красоте храма, деснице возведших его людей, земле, вскормившей тех людей, небу, озарившему труд и подвиг их великий...

А Джвари стоит и безмолвствует...

– Авто!

– Да?

– Что ты подумал, когда получил мое письмо?

– Обрадовался.

– И все?

– Очень обрадовался!

– Чему же ты обрадовался?

– Видишь ли, я сам собирался написать тебе, и вдруг –

твое письмо!

– А что ты хотел мне написать? Я промолчал.

– Ну-ка, говори честно!

– Хотел... В общем, приблизительно так: «Дорогая Даду, если ты не сердишься на меня, встретимся... Твой Джако»...

– «Мой Джако»... – Дадуня ласково провела пальцами по моим векам. – Все еще больно?

– Нет, уже прошло... Здорово я пересолил, да? Что сказали девочки?

– Ничего ты не пересолил. Анзор – скотина!

– Нет, я сам виноват, издевался над ним. А все же, что девочки сказали?

– Девочкам ты понравился.

– А ребятам?

– Ребята сказали, что ты – сволочь!

– А что ты сказала? – спросил я, обнимая за плечи Дадуню.

– Да... Девочки сказали, что ты – красивый парень. Красивый и умный.

– Красивый?!

– Ну, симпатичный... Это слова Изиды. Тебе понравилась Изида?

– Это которая?

– Та самая, с родинкой. Она сказала, что ты симпатичный и умный. Понял? – сказала Дадуня и постаралась сбросить с плеч" мои руки.

– Ты что сказала, Даду? – почти крикнул я.

– Я. Я ничего... – Она опустила глаза.

– Нет. Скажи мне честно! Скажи!

Дадунa исподлобья взглянула на меня и промолчала. Тогда я привлек ее к себе и поцеловал в губы. Сперва она застыла от неожиданности, потом прижалась ко мне, я почувствовал, как мелкой дрожью дрожит ее горячее тело. Когда я несколько ослабил объятия, Дадунa прошептала:

– Не надо, Авто...

– Почему, Дадунa?

– Не надо... Прошу тебя... И я послушно опустил руки.

Со двора донесся шум. Вскоре на балконе появилось человек десять мужчин, и среди них – генерал лет пятидесяти, высокий, плотный и совершенно лысый. Не трудно было догадаться, что экскурсия устроена в честь генерала.

– Ну-ка, молодые люди, посторонитесь! – подошел к нам один из мужчин. – Пожалуйста сюда, товарищ генерал!

Генерал удобно расположился в углу балкона и приготовился слушать.

– Джвари! – начал мужчина и слово в слово повторил содержание надписи на мемориальной доске.

Покашливая, он обвел взглядом окружающих его людей, потом вопросительно взглянул на генерала, подошел ближе к ограде балкона и приступил вплотную к теме.

Он рассказывал о том, как в незапамятные времена стоял на горе Армаза идол Армаз, как в один прекрасный день, когда царь грузин Мириан забавлялся охотой, вдруг померкло

солнце, и как спасла святая Нина страну от неминуемой гибели, как с того дня обратился царь в веру христианскую, и как в наши дни ученые-астрономы черным по белому доказали, что царь-то оказался в дураках, ибо затмение солнца в тот день должно было произойти по законам природы, и в этом событии не было воли идола Армаза, равно как не было заслуги христианского бога в том, что солнце не покинуло навсегда Мириана и его народ, и что, если б не оплошность Мириана, жили бы мы припеваючи, имея если не по сто, то, по крайней мере, по десять жен, ибо так велит обычай идолопоклонников.

Потом он поведал о пролегавшем через Мцхета великом торговом пути в Индию, о караванах, груженных золотом и серебром, заморскими тканями и жемчугом, о цивилизации, просочившейся к нам с Запада, и, наконец, о том, как в результате слияния местной культуры с эллинской, хеттской, арабской был создан сей шедевр христианской цивилизации – Джвари.

Мужчина закончил свою пламенную речь, вытер вспотевший лоб огромным белым платком и уставился на генерала.

Генерал еще раз внимательно окинул взглядом раскинувшиеся перед ними окрестности и сказал:

– Мда-а... Хороший наблюдательный пункт! Мужчина побледнел.

– Все ущелье контролирует! – добавил генерал Дадуна прыснула.

Зажав рот одной рукой, я другой схватил Дадуну, и мы выбежали на двор.

Воздух напоен ароматом скошенной травы. Мы неподвижно лежим под огромным стогом, так неподвижно, что перепелки, не стесняясь, разгуливают вокруг, копошатся в сене, смешно поводят красивыми головками и о чем-то оживленно переговариваются на своем перепелином языке.

Медленно садится солнце. Синеют вдали горы. Ветерок шелестит сухим сеном. Еще немного, и совсем стемнеет. Притихли перепелки. Мир и спокойствие воцаряются во круг... Я рывком привстал.

– Что такое? – раскрыла глаза Дадуна.

– Ничего, захотелось курить.

Закурив, я снова лег на спину и положил голову на откинутую в сторону руку Дадуну.

– Может, спустимся? – спросила Дадуна.

– Пожалуй, пора, – согласился я.

– Дай руку!

Я схватил ее за протянутую руку и одним сильным рывком поднял с земли. Спина, волосы ее были в траве и сене.

– Страхни! – Дадуна повернулась ко мне спиной.

Я долго с наслаждением водил рукой по ее красивому телу. Наконец она разгадала мою хитрость, повернулась и сильно толкнула в грудь. Я со смехом опрокинулся в сено. Дадуна громко расхохоталась. Я быстро вскочил на ноги и бросился к ней. Она ловко вывернулась и скрылась за стогом.

– Ку-ку! – крикнула она.

Мы долго бегали вокруг стога, веселясь и хохоча, словно дети. Вдруг у основания стога я заметил легкий дымок, и тотчас же стог вспыхнул.

Добегались! Не иначе, как в стог попал огонь от моей сигареты!

Пламя быстро охватило сухое сено. Теперь уже пылал весь стог. Огромные языки пламени прыгали, извивались, то на мгновение исчезали, то с новой силой вырывались из сена и с треском взмывали в небо.

Подняв руки высоко над головой, Дадуна зачарованно смотрела на волшебный танец пламени. Потом скинула туфли, распустила волосы и сама закружилась в каком-то странном, диком танце огня.

– Дадун! – крикнул я. – Бежим!

Она даже не взглянула на меня. С широко раскрытыми глазами, плотно сомкнув губы, раскачиваясь всем телом, она описывала вокруг пылающего стога плавные круги, и было в ее танце столько первобытного и первозданного, что меня невольно охватил страх.

– Дадуна! Скорей! Надо уходить! Но она словно не слышала меня. Где-то вблизи раздался крик:

– Э-ге-гей? Кто там, чтобы тебя разорвало!

В темноте я различил две тени с вилами в руках.

– Бежим, бежим, Дадун! – Я схватил ее за руку.

– Отстань!

– Глупая, они убьют нас!

– Где вы, сукины дети! Э-ге-гей!..

– Даду, да пойми же, с ними шутки плохи! Бежим! Мы помчались к Джвари.

– Давай, заходи сверху! Не уйдут!

Мы ворвались в монастырь и притаились.

– Куда они делись, а? – донеслось со двора.

– А я почему знаю!

– Спрячемся, они идут сюда, – шепнул я Дадуне. Спотыкаясь в темноте, мы кое-как добрались до дверей, вышли на балкон, оттуда спустились в нижнюю келью и замерли.

– Зайдем! – услышал я голос первого.

– Куда? – спросил второй.

– Туда. Ты что, боишься?

– Еще чего!

– Эй! – крикнул первый.

– Э-эй! – отозвалось эхо.

– Нет их здесь! – сказал второй.

– Ау-уу! – крикнула вдруг Дадуна.

– Э! – воскликнул на дворе испуганный голос.

– Ау-уу! – повторила Дадуна.

– Ты слышал или мне показалось? – спросил первый.

– Да ну их к черту! Уйдем отсюда! – ответил другой.

– Ау-у-у! – повторила Дадуна.

– Слышал? Эй, кто там! Выходи сейчас же, не то... – Голос первого задрожал.

– Отстань, никого там нет! – попросил второй.

– Ау-у-у! – вконец обнаглела Дадуна.

– Вот! Слыхал?! – воскликнул первый.

– Уйдем отсюда, ради бога! Чего связываться с ними! Пошли!

Убедившись, что беда миновала, я решил покуражиться перед перепуганными хозяевами стога.

– Ау-у-у! – крикнул я.

– Попадитеcь нам в руки, мы вам покажем... – донеслось со двора.

Мы спустились вниз по склону и вышли к месту, где Арагви сливается с Мтквари. На воде колыхалась привязанная к колу лодка.

– Эй, есть здесь кто? – крикнул я.

– Чего орёшь? – Из травы поднялся парень.

– Переправь нас!

Парень покопался в лодке и протянул мне пустую консервную банку.

– Держи! Черпай воду!

– А ты чем будешь заниматься?

– Я переправлю вас. Понял? Садитесь.

Выбравшись на другой берег, мы поблагодарили парня. Я протянул ему рубль.

– Еще рубль! – потребовал он.

– Ого! За один конец – два рубля! Что у тебя, крейсер?

– Крейсер, – согласился парень, – и я его капитан. А если

думаешь, дорого, так я могу переправить вас обратно. Будет два конца. – Я отдал ему второй рубль.

– Счастливо.

Вагон десятичасового пригородного был битком набит народом. С трудом удалось нам пристроиться у окна. Поравнявшись с Джвари, я взглянул вверх. Освещенный со всех сторон лучами прожекторов, Джвари словно висел над Мцхета.

– Даду, посмотри, какая красота.

Дадуна, положив голову мне на плечо, сладко спала. Рано утром меня разбудил дядя Ванечка.

– Вставай, в военкомат тебя вызывают. Вот повестка. Шура пошла на базар. Велела мне сходить с тобой в военкомат. «Если, – говорит, – мальчика заберут в армию, можешь не возвращаться домой!» Каково, а? Вставай!

– Зачем меня вызывают, дядя Ванечка, как думаете?

– А, забыл сказать! Говорят, получены новые суконные шинели и хромовые сапоги, вот и решили раздать их бесплатно молодым бездельникам вроде тебя. Одевайся!

Спустя полчаса мы были в военкомате.

– Ну, ты теперь заходи, а я подожду здесь.

Во дворе было полно парней моего возраста. «Э, видно, не шутят!» – подумал я.

– Куда с этой повесткой? – подошел я к первому попавшемуся парню.

– Сперва туда, потом сюда! – объяснил он.

– Как?

– Так. Там – учет, а здесь – комиссия.

– А что, берут?

– Берут. Меня-то не возьмут, у меня белый билет.

До чего обманчивая наружность! Парень – косая сажень в плечах, морда кирпича просит, а поди же – белый билет! Бедняга!

Процедуру учета я прошел быстро. Спустя пятнадцать минут меня позвали на комиссию.

– Раздевайся.

Я разделся.

– Еще!

Я еще разделся.

– Совсем, совсем! Некогда мне с тобой возиться! – крикнул председатель комиссии.

Я разделся догола и смущенно стал в угол.

– Открой рот! Открой глаза! Дыши! Не дыши! Подними руки!

Потом меня били молотком по колену, мяли живот, выстукивали по всему телу. Наконец поставили на весы.

– Сколько? – спросил председатель.

– Пятьдесят девять!

– У тебя что, нет родных, близких?

– Есть.

– Где же они?

– Там, во дворе.

– Фамилия?

– Джакели.

– Не может быть! Гуриец?

– Да.

– Из какого села?

– Букисцихе.

– Не говори! «Одесса» растет у вас?

– Растет.

– Не говори! А хорошо бы сейчас холодную «Одессу» и поджаренный окорок, а?

– О!

– Иди туда. Рост! – крикнул он.

– Метр шестьдесят девять!

– Пиши метр семьдесят.

– Благодарю вас! – поклонился я.

– Не стоит. Знаешь, я ведь тоже гуриец – Таварткиладзе.

Хочешь, запишем метр семьдесят один?

– Спасибо, не беспокойтесь!

– Как знаешь... А хорошо бы сейчас «Одессу», а?

– Еще бы!

– Может, ты боишься идти в армию?

– Что вы!

– Смотри не скрывай!

– Никак нет!

– Значит, вес пятьдесят девять? Может, округлить до шестидесяти?

– Воля ваша, уважаемый...

– Полковник я!

– Ваша воля, товарищ полковник!

– Значит, Джакели Автандил...

– Гавриилович! – подсказал я.

– Не говори! Это который Гавриил? Где он работает? Не на марнеульском заводе соков?

– Нет, отец был врачом.

– Не говори! А где он теперь?

– Скончался отец.

– О-о-о! Это нехорошо! – Полковник задумался. Потом повернулся к секретарше и крикнул:

– Пиши: Джакели Автандил Гавриилович, вес шестьдесят один, рост метр семьдесят один, годен к строевой! Написала?

Написала, Михаил Захарыч!

Теперь беги домой! Завтра утром ровно в семь явишься на Навтлугский вокзал. Ну, валяй!..

– Большое спасибо!

– Не стоит! – сказал полковник, улыбнувшись. Вдруг он обнял меня за плечи и тихо добавил:

– Иди, сынок! Будь здоров! Дядя Ванечка ждал меня на улице.

– Ну как? – спросил он.

– Завтра утром, ровно в семь, на Навтлугский вокзал!

Дядя Ванечка смешно захлопал глазами. Потом молча

взял меня за руку и повел. Подойдя к ресторану «Салхино», он замедлил шаг, пошарил по карманам, затем уверенно направился ко входу.

Мы заняли места за небольшим столиком у камина.

– Ванечке привет!

Официант смахнул со стола хлебные крошки, убрал горшок с цветами и вопросительно взглянул на нас.

– Две восьмого номера, два ша шлыка, только быстро, Архип! – сказал дядя Ванечка.

Спустя минуту официант вернулся с вином и закуской.

– Еще чего-нибудь, Ванечка?

– Ничего.

Дядя Ванечка налил мне, потом себе, долго вертел в руках стакан и наконец спросил:

– Как ты думаешь, может, стоило зайти к комиссару, объяснить, что ты сирота, хочешь учиться... Что еще?

– Ничего бы не помогло...

– Да! Что ты единственный кормилец у деда. А? Ведь единственных сыновей даже при Николае не брали в армию...

– Чего вы, дядя Ванечка! При Николае в армии служили двадцать пять лет! Сейчас что? Каких-то два года!

– Так-то оно так. Да ведь что сказать твоему деду?

– Деду скажите... А что ему говорить?

В самом деле, что сказать деду? Что я рад призыву в армию? Что мне лучше идти на край света, чем еще раз сда-

вать на медицинский? Да и что, в конце концов, случилось? Подумаешь – служба в армии!

– Скажите – вернется твой внук из армии генералом, его без экзаменов примут в любой институт!

– Ладно, так и скажу, – махнул рукой дядя Ванечка. – А Шура? Ты про нее забыл?

Да, забывать о тете Шуре не следовало. Тетя Шура знать ничего не захочет, слушать ничего не станет, она твердо уверена, что я не такой, как все остальные, я – сын Гавриила Джакели, и потому для меня должны быть настежь открыты двери всех институтов, ко мне должны применяться все существующие в Советском Союзе льготы. В армию? В какую еще там армию? Куда мне в армию? Мне – «ребенку», который ничего еще в жизни не видел? Дудки! Никуда он не пойдет!

– Дядя Ванечка, скажите ей, что я записался добровольцем! Дядя Ванечка на минуту задумался, потом иронически улыбнулся:

– В сорок первом я на самом деле пошел добровольцем, она даже этому не верит. Так она и поверит твоей выдумке! А, брось, пожалуйста! – Он безнадежно махнул рукой. – Ну, давай выпьем!

– Ванечка-джан, что-то ты мне не нравишься сегодня! – сказал официант, ставя на стол блюдо с шашлыком.

– С похмелья я, Архип... Неси еще пару бутылок! Дядя Ванечка снова наполнил стаканы.

– Много испытаний создано богом для человека, дорогой мой Автандил, – начал он. – Армия – одно из них: струсил, сдал в армии – смерть! Изменил, подвел в армии друга – смерть! Я говорю «в армии», то есть я войну имею в виду... В сорок втором наша дивизия под Ростовом оказалась в окружении. Кто сумел вырваться из кольца – сумел, кто нет – попал в плен... У сарая выстроили нас, человек триста, в два ряда.

– Еврей – выходить! – распорядился немецкий офицер. Было среди нас два еврея. Вышли.

– Теперь коммунист выходить!

Никто не сдвинулся с места. Офицер неторопливо постукивал по ладони парабеллумом.

– Што, русский армия нет коммунист? – спросил он.

Первым вышел наш командир – старший лейтенант Козлов. За ним другие, всего тридцать один человек, и среди них Бухути Авалиани, мой друг, душа-человек, писанный красавец, Геркулес с сердцем младенца. У Бухути было трое детей, он бредил ими... Меня любил как брата, делился со мной последним куском хлеба, ночью укрывал своей шинелью...

Тридцать три коммуниста – те два еврея тоже были партийными – стояли в ряду напротив нас. Бухути смотрел на меня ласково и улыбался... И мне стало стыдно, до того стыдно, что... Я вышел из строя и стал рядом с Бухути.

– С ума сошел?! – прошептал Бухути по-грузински. – Уходи сейчас же! – И он толкнул меня: – Уходи, пока не поздно!

Я отрицательно покачал головой. Я дрожал от страха и никак не мог унять эту проклятую дрожь... Я боялся, понимаешь ты? Боялся смерти!.. Но уйти я не мог!

Офицер что-то говорил, я видел, как он раскрывал рот и размахивал руками, но голоса его не слышал... Потом перед нами Появились немецкие солдаты с автоматами в руках. Шестеро из нас, не выдержав, опустились на землю и закрыли лица руками. Те два еврея и Бухути стояли свободно, с гордо поднятой головой, и улыбались... – Дядя Ванечка отпил вино, облизнул высохшие губы. – Вдруг Бухути вышел из строя и приблизился к офицеру. Тот быстро поднял парабеллум.

– Он врет, он не коммунист! – сказал громко Бухути, показав на меня.

Офицер медленно повернул голову, удивленно взглянул на меня, потом не спеша подошел ко мне.

– Ты не есть коммунист?

Я молча опустил голову. «Сяду, – подумал я, – вот возьму и сяду прямо в грязь, а там будь что будет... Не могу больше... Убьют – черт со мной, лишь бы кончилась эта мука...»

Офицер дулом пистолета приподнял мне голову.

– Мандат! – сказал он, протянув левую ладонь.

Я стал обшаривать карманы, и это длилось довольно долго, потому что партбилета у меня не было и быть не могло. И офицер понял, что я обманул его. Страшной силы удар в висок свалил меня, и я потерял сознание.

Я очнулся среди трупов. Тридцать три моих товарища лежали вокруг – изуродованные, окровавленные, с застывшей на лицах болью, удивлением, ужасом...

Дядя Ванечка, умолк и потянулся за вином. Рука у него дрожала. Он поставил стакан, достал сигарету, кое-как закурил.

– Потом? – спросил я.

– Потом... Потом было самое страшное... Было то, во что никто не поверит, а если поверит, то не поймет...

– Что же, что, дядя Ванечка?!

– Я увидел Бухути... Он лежал на спине с откинутой набок головой... И был похож на снятого с креста Иисуса... На груди у него запеклась кровь, и клочок окровавленной рубашки он держал в правой руке... Я подполз к нему, приник к его груди и заплакал... Я плакал от радости... Ты можешь понять это?... Я плакал от радости, потому что вокруг лежало тридцать три растерзанных трупа, а я был жив, жив, жив. Я мог дышать, видеть солнце, двигаться, плакать! Я был жив, и я плакал от горя и радости!..

Дядя Ванечка был прав: понять такое было трудно...

– До конца войны я был в плену... Дважды бежал. Ловили. Дважды на спине каленым железом выжигали свастику... Потом вернулся, вернулся из Милана... Думал, свои пожалеют меня, несчастного, измученного, обласкают, пригреют... – Дядя Ванечка грустно улыбнулся. – Ну ладно, что было, то было... Давай выпьем! Выпьем за тебя и твою служ-

бу в армии! Помни, Автандил, дорогой, армия – это экзамен на всю жизнь. Крепись, будь молодцом! И что бы ни случилось, как бы ни было трудно, будь всегда человеком! Знай, цена человека не в стоимости надгробного памятника, а вся штука в том, как он прожил на этой грешной земле. Будь честным... Устроить себе хорошую жизнь нетрудно, поверь мне! Человеком быть труднее. У бедной моей Шуры платья сменного нет, попади она под дождь – переодеться не во что... У жены директора моей АТК – две норковые шубы. Недавно обокрали их. И шубы, и кольца, и браслеты на полмиллиона – все нашла милиция. А они отказались признать свое добро... Испугались... Был у нас в плену один... Хлеб прятал. Вставал ночью, когда мы спали, ел один, тайком от нас...

– И что?

– Ничего. В сорок седьмом умер от дизентерии. А ты не бойся. Слава богу, сейчас мир на земле... Армия – отличная школа. Многого увидишь, многому научишься... Ну, за тебя, мой мальчик!

– И за тебя, дядя Ванечка! Я... клянусь мамой... Я очень тебя люблю... И я...

– Ладно... Знаю... Архип! – крикнул дядя Ванечка. – Счет!

Часов в двенадцать ночи я вернулся домой один, пьяный. Над будкой часовщика горела огромная электрическая лампочка. Сам Рубен сидел на деревянной лавке, перебирал чет-

ки.

– Дяде Рубену, вождю часовщиков Грузии, пламенный привет!

Рубен извлек из кармана часы, открыл серебряную крышку, взглянул на циферблат, потом поднес часы к уху, затем два раза постучал ими о колено, снова прислушался, еще раз посмотрел на циферблат и лишь после этого ответил мне:

– Здравствуй! Поздновато стал разгуливать, молодой человек! Словно патруль!

– Я и есть патруль, дядя Рубен! Завтра иду в армию! Теперь я солдат! Ура-а-а! – заорал я.

– Э, э! Имей совесть! Люди спят. Иди-ка сюда, присядь! Я с удовольствием уселся на лавку. Идти домой было лень. Хотелось говорить, шуметь, шутить...

– Слыхал? В июле американцы собираются лететь на Луну, – сказал Рубен.

– Плевал я на американцев! Захотим – мы сами сядем на Луну! Вино у тебя есть? Давай выпьем! Завтра я иду в армию!

– Подожди! Ты скажи, как это – на Луну, а? Понимаешь, какое это дело – человек на Луне?!

– Так выпьем за этого человека! Неси вино!

– Какое там вино! Ты же знаешь, у меня язва желудка. Не пью я!

– Не пьешь – не надо! Я буду пить! Давай!

Рубен нехотя поплелся в свою будку и вернулся с початой

бутылкой в руке.

– А стакан? – спросил я.

– О-о, стакан ему подавай! А кто его мыть будет? Пей из бутылки!

– Ладно! Я пью за человека, который, ступив на Луну, взглянет на нас, вспомнит нас, вернется к нам и скажет: «Ребята, дорогие, вы мне дороже всего на свете! Луна хороша, красива, она светит нам и все такое, но Земля мне милее Луны, Земля – мать моя!» За нашу Землю, дорогой Рубен!

Я выпил из бутылки, вытер рукой губы и спросил часовщика: – Хорошо?

– Знаешь, наверно, на Луне все же есть что-то такое, иначе зачем люди тянутся к ней? Что они, сумасшедшие?

– Не знаю, как люди, а я сегодня сумасшедший, понял? А ну, запевай.

Эх, Луна, Луна моя.

От любви сгораю я!

Пожалей хоть ты меня-а-а!

затянул я песню.

– Замолчи, сумасшедший, не буди людей! Сегодня, знаешь, что здесь творилось? Цирк, настоящий цирк!

– Какой цирк! Ты о чем, дядя Рубен?

– Ва-а-а, не слышал? У Девдариани, на втором этаже, недавно имущество описали, это знаешь? Ну вот, сегодня пришли, значит, забирать вещи! Жена Девдариани, Маро,

как завопит! Это, говорит, грабеж! Где, говорит, справедливость! Вещи, говорит, мои! Муж, говорит, копейки домой не приносил! Да. И просит, значит, соседей подтвердить, что вещи на самом деле принадлежат ей. Ну, соседи, известное дело: кто с ней в ладах – сказал «да», кто нет – сказал «нет». А тетя Пело вконец все дело испортила – так вам, говорит, и надо, жулики! Тут Маро как вцепится в нее и давай катать старушку по мостовой. Тетя Пело визжит, соседей в свидетели призывает: «Я, говорит, эту аферистку в тюрьме сгною, видели, говорит, как она меня била?» А соседи, которые с ней в ладах, говорят: «Видели», которые в ссоре, говорят: «Ничего не видели»! А одна – у нее в прошлом году кошка тети Пело цыпленка с плиты утащила – на весь двор: «Ты, – говорит, – посмотри-ка лучше за своей дочерью, четвертый аборт себе делает, шлюха!»

– Как аборт! И без того грузин мало!

– Аборт не запрещен, – успокоил меня Рубен, – вся соль в том, что она и не знает, от кого... это самое.

– Все равно! – не унимался я. – Если б наши предки так поступали при царице Тамаре, нас не было бы тогда восемь миллионов!

– Ты прав, прав, только не кричи так, ради бога! – обнял меня Рубен.

– За Грузию! – крикнул я. – Да здравствует Грузия!

– Дай ей бог всего хорошего, только поди отдохни!

– Пей! За Грузию!

– Что ты! Нельзя мне!

– Как! Ты не хочешь выпить за Грузию? – обиделся я.

– Выпью, выпью, и пусть грех будет на твоей совести! –

Рубен проглотил оставшееся в бутылке вино. – А теперь иди спать. Поздно уже! – Он взглянул на свои часы.

– Сколько?

– А черт их знает! То ли час, то ли два...

– Какой же ты после этого часовщик? В витрине у тебя их штук сто висят, посмотри хоть там!

– Эх, кабы они работали, не висели бы в моей витрине... А ты что, решил сидеть здесь до утра? Ну и молодежь!.. Вчера эта морковная девка в первом часу ночи заявила...

– Кто, Дадуна?!

– Она самая...

Слышишь, Автандил Джакели? Дадуна вчера возвратилась в час ночи! А ты завтра уходишь в армию! Так чего же ты ждешь?

– Даду!.. Дадуна-а-а!..

– Кто там?

– Это я, Дадуна, выйди!

– Ошалел ты, Авто?

– Прошу тебя, умоляю! На минутку!

– Джако, дорогой, пойді проспись, ты же пьян! Скоро утро!

– Утром ухожу в армию! Выйди. Даду!

– Ладно, не ори! Сейчас оденусь.

– Выходи так, как есть! Я люблю тебя!

– С ума сошел!

– Милая, любимая моя!

– Хватит, уймись, Авто!

– Поцелуй меня!

– Поцеловала ведь!

– Еще! Поцелуй еще раз!

– Молчи, ради бога, что скажут соседи?!

А что они могут сказать? Автандил Джакели пьян, и он любит Дадуну. Он не вор, не жулик, не убийца! Просто он пьян, потому что завтра уходит в армию, потому что он любит Дадуну! Что в этом плохого?

– Соседи, дорогие, слышите? Я люблю Дадуну! Я люблю песню, люблю вино, люблю человека, который собирается лететь на Луну! Выходите, соседи!

Дадуна вырвалась из моих объятий и убежала. Незаметно скрылся Рубен. Погасла лампочка над будкой часовщика. А я все ходил, шатаюсь и спотыкаясь, по двору и кричал:

– Не скрывайтесь, соседи, выходите! Я люблю вас, я всех люблю!

Никто не отозвался, не скрипнула ни одна дверь, не мелькнул свет ни в одной комнате. Но я знал, что никто не спит – прильнув к окнам, они смотрят на меня.

...Дядя Ванечка спал в моей комнате. «Опять поссорились», – мелькнуло у меня в голове. Я зажег ночник и стал раздеваться. Дядя Ванечка вздохнул, что-то пробормотал

и перевернулся. Я видел, как мерно колышется его спина. Вдруг меня словно кто-то толкнул. Я подошел к постели дяди Ванечки, задрал осторожно рубашку до плеч и в ужасе отпрянул: на белой его спине алели две зарубцевавшиеся сви-стики. Дядя Ванечка еще раз вздохнул и проснулся.

– Где ты шляешься, мальчик? Хочешь доконать Шуру?

– Ничего, дядя Ванечка, сейчас лягу, – проговорил я, смутившись.

– Спи! Завтра рано вставать. Шура все уже приготовила. Я потушил ночник, быстро разделся и лег.

Село на той стороне просыпается рано. Вернее, его будит молла. Чуть свет вскарабкается он на высокий минарет, вытянет шею, зажмет ухо рукой и пошел:

– Ал-ла-а-а! Ал-ла-а-а!..

Разок-другой он оборачивается в нашу сторону, – может, найдется здесь хоть один верующий? Но, видать, молла давно потерял эту надежду, и потому призыв, обращенный к нам, звучит вяло и неуверенно:

– Ал-ла!..

Потом молла исчезает, и в селе начинается жизнь. Одни спешат к морю, другие направляются в огород, третьи – в поле. Иногда до нас доносятся женские крики и проклятья – это они гоняются за аскерами, воруящими в садах фрукты. Потом мы видим аскеров – низко пригнувшись, бегут они по тропинке через сельское кладбище, роняют краденые фрукты, подбирают их, громко хохочут. Потом из покосившего-

ся, крытого замшелой черепицей деревянного дома выходит сельский учитель. Посвистывая, он спускается вниз, к морю. По пути к нему присоединяются девочки и мальчики с белыми воротничками, он постепенно обрастает шумной детской толпой, словно насадка цыплятами. Наконец они достигают одноэтажной постройки на берегу моря – жалкого сарая с единственным окном. Это – школа. Учитель со своими питомцами скрывается в сарае. Начинаются занятия.

Потом во дворе учительского дома появляется его молодая, красивая жена в синих спортивных брюках и красной кофточке. Взобравшись на лежащий во дворе огромный валун, она вооружается подзорной трубой и начинает разглядывать наше село. Так длится несколько часов".

Турецкая застава расположена за мечетью. Она окружена высокими тополями и потому весной и летом скрыта от нашего взора. Наблюдательные вышки турков разбросаны по высоким сопкам, так что наше село у них как на ладони. Поэтому, в этом нет ничего опасного для нас. Наоборот. Пусть смотрят на двух – и трехэтажные, залитые электрическим светом дома наших колхозников! Село наше так красиво, что порой я сам бываю не в силах оторвать от него взгляда и, вместо того, чтобы вести наблюдение за сопредельной стороной, разглядываю собственные владения. Дед Исидор говорил; что, рассматривать чужой двор невежливо, да что мне делать? Чем заняться в течение восьми часов? Вот я невольно и становлюсь свидетелем того, что тут происходит – и у

нас, и у них. Я знаю наизусть состав каждой семьи, знаю, у кого сколько коров и кур, знаю, кто куда и зачем идет, когда возвращается, когда обедает, ложится спать и встает, – одним словом, знаю все!

Вот в том доме живет Али Хорава. У Али чудесный мандариновый сад, плодами которого частенько по ночам лакомимся я, Щербина и Пархоменко. Али не жалуется на нас. Он выходит на балкон своего дома, лицом к нашей вышке, и начинает проповедь:

– Чтоб вас разорвало, мерзавцы! Да приходите днем, честно, по-человечески, жрите, сколько влезет!.. Где справедливость? Я на них надеюсь, ночью сплю спокойно, думаю, ребята меня защищают от воров, бандитов, шпионов и всякой нечисти, так именно ночью они сами же меня грабят! Ах, жулики безмозглые, хоть бы дали плодам созреть, а то ведь нарветесь на дизентерию, сдохнете, сукины дети!

Мы слушаем добродушное ворчание старика и улыбаемся... Али Хорава – известный рыбак. Даже в полосу невезения, когда, казалось бы, выйди в море все население Лазистана, и то не будет поймана ни одна крохотная кефаль, Али, приставив к глазам козырьком ладонь, посмотрит на море, спустит на воду лодку, покрутится часок у берега и – пожалуйста: наловит рыбы столько, что ее свободно хватит всему селу!

Наш начальник Чхартишвили очень уважает Али Хорава. Чего скрывать: кроме того, что Али снабжает заставу рыбой,

он является нашим надежным барометром, а погода, как известно, на границе дело далеко не последнее. Взглянет Али на заходящее солнце, на небо, на облака, на море и – никакой «переменной облачности», никакого «слабого до умеренного ветра», никаких «незначительных осадков»!

– Майор, завтра на море будет волнение! – говорит Али, и мы спешим убрать с берега все наше имущество.

– Майор, завтра с гор спустится туман и пойдет дождь! – говорит Али, и мы усиливаем наряды.

– Майор, завтра ударит такая жара, что закипит море, – говорит Али, и на другой день от жары кипит море и мы задыхаемся.

Не было случая, чтобы Али ошибся в своих прогнозах. Прекрасный человек Али Хорава! Высокий, худой – кожа да кости, с выгоревшими от солнца бровями и ресницами, он крепок и бодр, несмотря на свои шестьдесят лет. Время от времени Али навещает нас. Поднимается на вышку и долго смотрит туда, в ту сторону. Потом, тяжело вздохнув, спускается и уходит. О чем вздыхает старик? О могилах ли предков, затерявшихся на чужой земле? О близких ли ему людях, ставших столь далекими? Или о милой Лазети, об убогих ее домишках, оборванных, босоногих детях? Кто знает? Али молчит, и мы молчим. Как-то я предложил ему бинокль. Старик отвел мою руку и глухо проговорил:

– Не нужен мне бинокль. И без того я хорошо все вижу!

Рядом с домом Али стоит дом председателя колхоза –

двухэтажный, красивый, хорошо обставленный. У председателя четверо детей, один лучше другого. Каждое утро, уходя на работу, председатель обнимает и целует их. Любят крестьяне своего вожака. А вожаку приходится нелегко: бедняга вынужден выпивать по несколько раз в день. Туристы – свои и чужие, гости – знакомые и незнакомые, командированные – руководящие и рядовые – так и валят сюда, в это изумительное по красоте, колоритности и богатству село, славящееся к тому же непревзойденным пляжем. И председатель должен каждого встретить, принять, ну и, разумеется, угостить хоть одним стаканом вина. Попробуй-ка тут выдюжить! И чтобы спасти любимого вожака, село специальным решением постановило назначить ему двух заместителей: по линии экскурсий и по части выпивок. С тех пор председатель вздохнул свободнее.

У самой границы, почти под нашей вышкой, живет Феридэ, вдова двадцати одного года. Муж ее, Хасан, погиб за год до моего приезда. Рассказывают, был он на редкость красивым парнем и утонул, вылавливая огромные бревна в разбушевавшемся море. Двое суток, пока искали тело Хасана, валялась на берегу Феридэ с разодранной грудью и окровавленными щеками. Потом она надела черное платье и заперлась в доме.

Каждое утро я вижу Феридэ. Она работает в мандариновом саду. С ней двое соседских детишек, девочка и мальчик, их оставляют ушедшие на работу родители. Дети ни на шаг

не отстают от Феридэ, когда она присаживается отдохнуть, они обнимают ее, теребят за волосы, целуют. На селе говорят, что с того дня, как погиб Хасан, никто не видел Феридэ улыбающейся. Я вижу смеющуюся Феридэ – она смеется с детьми, обнимающими ее в мандариновом саду. Лицо Феридэ, похожее на умытое дождем солнце, сияет, круглые плечи трясутся, подпрыгивает высокая грудь. Она ложится на спину, сажает детишек себе на грудь и о чем-то рассказывает им на своем красивом, сладком, словно песня, языке. Я люблю Феридэ, ее красотой, ее смехом и молю бога, чтобы и завтрашний день выдался погожим, чтобы и завтра пришла в мандариновый сад Феридэ.

Сегодня мы заступили в наряд с утра: я и Щербина – на вышке. Пархоменко с Танго – инспектировать границу. Только мы поднялись на вышку, на минарете появился молла. Зажав, по обыкновению, ухо рукой, он затыкнул:

– Ал-ла-а-а! Ал-ла-а-а!

– Слышь, Петро, никак он решил обратить нас в свою мусульманскую веру! – сказал Щербина.

– Ну его в болото! Надоел старый хрыч! – буркнул Петро. Молла закончил беседу с аллахом, не взглянув почему-то в нашу сторону, и на границе начался новый день, как две капли воды похожий на день вчерашний. Крестьяне разбрелись по огородам, рыбаки потянулись к морю, учитель погнал своих цыплят в школу. И снова, как всегда, появилась молодая, красивая жена его в синих брюках и красной коф-

точке, взобралась на валун и направила на нас подзорную трубу. Я взял у Щербины бинокль.

– Второй год, как я к женщине не подходил, уступи мне хоть ее, сволочь! Отдай бинокль!

– Сгинь! – прикрикнул я на него. – Ты получаешь из Харькова три раза в неделю письма и снимки своей курносой девчонки? Получаешь? И хватит с тебя!

Жена учителя, без сомнения, разглядывала нас. Я невольно поправил фуражку и воротник. Она также провела рукой по волосам. Я опустил бинокль и улыбнулся. Посмотрев снова в бинокль, я увидел, что она также опустила трубу и улыбнулась. Я поднял руку и согнул ее в локте. То же самое проделала она. Так длилось несколько минут: женщина, словно в зеркале, повторяла все мои движения.

– Пиши, Щербина: жена учителя продолжает наблюдение за нашими постами...

– Одно и то же каждый день. Разведчица она, факт!

Разведчица! Не знаю... Что-то не слышал я, чтобы разведчики действовали так открыто. Смотрит на нас и улыбается... Вот кто впрямь разведчик, так это тот глупый тип, что пристроился в яме за кустом и думает, что мы не видим его. Эй, выходи, не мучай себя, ведь я целый год вижу тебя! И твою стереотрубу отлично вижу, хоть ты и полагаешь, что я принимаю ее за ветку. Выходи, выходи, нечего тебе играть в кошки-мышки! «Ку-ку! Вижу тебя!» – хочется мне крикнуть горе-разведчику, но делать этого нельзя, ибо подобный

поступок расценивается как вмешательство во внутренние дела сопредельного государства" и нарушение его суверенитета. Так сказал майор Чхартишвили.

...А жена учителя все смотрит и улыбается, смотрит и улыбается. Кто же ты, незнакомка? Ну-ка, дай погляжу я как следует на тебя... Так... Еще ближе... Отлично! Я теперь вижу ее так четко, словно между нами нет расстояния в сотни метров. Ну вот, теперь поговорим, красавица!

– Здравствуй, девушка!

– Здравствуй, парень!

– Как тебя звать?

– Зачем тебе мое имя?

– Просто так, хотелось знать, какое оно – грузинское?

– А тебя как зовут?

– Меня? Автандил. Только об этом никто не должен знать, это военная тайна!

– Хорошо, парень, никто не будет знать.

– Сколько тебе лет, девушка?

– Как по-твоему?

– Девятнадцать, двадцать, двадцать один. Да?

– Да.

– Что ты тут делаешь целыми днями? Смотришь и смотришь на меня. Может, я нравлюсь тебе?

– Очень нравишься!

– Но ведь у тебя есть муж!

– Есть. А ты мой побратим.

– Как?!

– Побратим, брат мой!

– А-а-а... И не надоедает тебе сидеть вот так целый день и смотреть на нас?

– Нет. Я смотрю на вас, на моих братьев и сестер, и мне так хорошо с вами... Может, я мешаю вам?

– Нет, что ты! Без тебя было бы так скучно... Ты очень красивая.

– Знаю. И ты очень красивый.

– Это тебе так кажется.

– Нет, не кажется. У вас все красивое. Разве не так?

– Так. А у вас как?

– Как видишь...

– Хочешь утешить меня?

– При чем утешить? Село-то ваше – часть нашего, одна земля, одно небо... Вот только неухоженное оно...

– Да, ты прав.

– А старушка эта – свекровь твоя?

– Свекровь.

– Зовет тебя домой?

– Зовет.

– Ты уйдешь?

– Уйду.

– Завтра придешь?

– Приду.

– Ну, до свидания!

– До свидания, брат!

– Пиши, Петро: жена учителя закончила наблюдение за нашими постами. Появился американский «джип», из него вышли два офицера, направились к зданию заставы... Пишешь, Щербина?

– Пишу, мать их за ногу, пишу! – вздохнул Петро. Вдруг на той стороне раздались крики, свист, улюлюканье.

Из кухни аскеров вырвалась огромная кавказская овчарка и во весь дух помчалась к селу. Собака держала в пасти говяжью ляжку. За овчаркой бежал повар с топором в руке, за поваром – аскеры. Перспектива остаться без обеда удваивала силы преследователей, – они стали настигать собаку. Тогда овчарка вдруг повернула к морю. Аскеры с криком последовали за ней. Собака с разбега бросилась в воду, взметнув фонтан брызг, сделала несколько шагов, потом обернулась и угрожающе зарычала. Аскеры в нерешительности остановились. Повар оказался смелее: он стал медленно приближаться к овчарке. Плыть дальше собака не решалась. Она поняла, что борьба проиграна и придется расстаться с мясом. И тогда случилось непредвиденное: собака с мясом в пасти перемахнула через линию границы, отряхнулась, улеглась на нашей территории и принялась спокойно уплетать отвоеванную ляжку. Иногда она поднимала голову и вызывающе смотрела на аскеров, словно спрашивая: «Ну что, почему вы не идете сюда?» Покончив с ляжкой, овчарка еще некоторое время пробыла на нашей земле, а потом, убедив-

шись, что аскеры ушли, не спеша отправилась восвояси.

– Эй, что там произошло? – окликнул нас подошедший Пархоменко.

– Ничего особенного. Собака ихняя перешла.

– Спустить Танго? – спросил Пархоменко.

– Куда твоей Танго до того пса – за пять минут полкоровы сожрал! – ответил Щербина.

Пархоменко ушел.

Все вокруг дышало спокойствием. Я передал бинокль Щербине, вошел в комнатенку на вышке, присел на табуретку и закурил...

...Граница... Ни с чем не сравнимое чувство вызывает она в человеке! Необозримы просторы нашей Родины, и на тысячи километров протянулись границы ее – через горы и долины, через моря и океаны, через леса, болота, скалы, пустыни... Сколько же их, застав, постов, шлагбаумов разбросано вдоль этих границ, десятки тысяч пограничников охраняют их... Ты – один из этих людей, пограничников. По сравнению с несметной их армией ты – песчинка, муравей, обыкновенная точка. И все же ты стоишь на своем крохотном участке смело, гордо, чувствуя в себе огромную силу, непреодолимую мощь. Преклонив колено перед святым знаменем, ты принимал присягу. Ты поклялся народу, себе, своей совести – отдать жизнь за счастье своего народа. Ты отвечаешь за судьбу двухсот миллионов твоих братьев и сестер. Они безмятежно спят, доверив тебе жизнь свою и своих детей.

Ты – их надежда. Глядя на тебя, враг не решается пролить кровь наших людей, ограбить их дом. Ты владеешь оружием, в крохотном белоголовом патрончике которого сконцентрирована сказочная сила. Ты – бог, владыка судеб человеческих... Да, великое это дело – быть солдатом моей армии, хозяином границы моей земли. И если ты думаешь иначе – грош цена тебе и твоей жизни!..

– Джакели, готовься к интервью! К нам пожаловал класик! – оборвал мои мысли Щербина.

Я подошел к перилам. По тропинке, сложив руки на спине и расстегнув ворот гимнастерки, медленно поднимался лейтенант Мдинарадзе. Вскоре он подошел к вышке и стал карабкаться по лесенке.

– Встретим! – сказал Щербина. Он застегнул гимнастерку, выбросил сигарету и повесил на плечо автомат. Я поднял крышку люка. В люке показались сперва седая голова лейтенанта, потом его вспотевший лоб, потом – раскрытый в улыбке до ушей рот и, наконец, он сам.

– Здравствуйте, ребята! – поздоровался лейтенант и сел. Я и Щербина стояли вытянувшись. Мдинарадзе, вдруг вспомнив о своем офицерском звании, вскочил и, согнав с лица улыбку, вытянулся тоже.

– Товарищ лейтенант! За время дежурства на нашем участке происшествий не было! Старший наряда рядовой Джакели!

– Никаких происшествий? – спросил Мдинарадзе разоча-

рованно.

– Так точно, никаких! – ответил я.

– М-да-да. Садитесь, пожалуйста! – попросил нас Мдинарадзе.

Мы удивленно переглянулись.

– Ах, да... Здравствуйте, товарищи! – поправился писатель.

– Здравия желаем, товарищ лейтенант! – гаркнули мы. Мдинарадзе вконец растерялся.

– Вольно, – вспомнил он наконец спасительную команду. Мы свободно вздохнули.

– Эй, вы, чего там разорались? – донесся снизу голос Пархоменко. Мы втроем подошли к перилам. Увидев офицера, Пархоменко прикусил язык и вытянулся. Воспользовавшись этим, Танго легко вырвала у него поводок и бросилась к лестнице. Я быстро захлопнул люк.

– Кусается? – спросил Мдинарадзе.

– Ест с костями! – ответил Щербина и тут же крикнул Пархоменко:– Убери собаку!

С большим трудом Пархоменко удалось справиться с Танго. На вышке наступило неловкое молчание. Мдинарадзе не знал, с чего начать разговор. Он достал из кармана и протянул нам коробку сигарет «Кент»:

– Угощайтесь!

Я бы с удовольствием взял две сигареты, но не посмел. Мдинарадзе, угадав, улыбнулся:

– Бери, бери! Впрочем, я возьму пару, остальные оставьте себе. У меня их много...

– Что вы, не надо... – смутился я.

– Бери, говорю! И подай-ка, пожалуйста, бинокль.

С минуту он всматривался в село, потом опустил бинокль.

– Ничего не вижу!

– Вы посмотрите через стереотрубу. Вот сюда, пожалуйста! Мдинарадзе пристроился к стереотрубе.

– О, это другое дело! – воскликнул он. – Объясни-ка, пожалуйста, что там у них...

– Вправо деревянное здание – это их застава. Видите? Идут занятия. Это аскеры. А вот офицер.

– Вижу, в зеленых брюках навывпуск... А что это за примитивные винтовки?

– Американские, десятизарядные.

– И это хваленое американское оружие?

– Нет. Туркам они дают старые винтовки... У самих-то гораздо лучше...

– Понятно!

– Вон там, слева – дом старосты.

– Какой же он староста, не мог даже застеклить окна! Я пожал плечами.

– Дальше стоит дом под черепицей. Там живет учитель.

– А школа?

– Есть. Начальная.

– Чему же там учат?

Я не знал программу начальных школ в Турции и поэтому промолчал.

– А что там, на берегу?

– Кофейня. Чуть дальше – школа.

– Где же люди?

– На работе. У лих посевы вон за той горой.

– Электричества нет?

– Мда-а, плохо живут...

– Плохо, – согласился я.

– Не переходят к нам?

– Не знаю... Я второй год здесь служу, пока никто не переходил...

– Наверно, боятся...

– Кого?

– Ну, как их, аскеров своих!

– Наверно...

– А село красивое!

– Красивое!

– Смотри-ка, какой пляж, какое побережье! А скалы! Стоят, словно корабли! Красота! Как твоя фамилия?

– Джакели, товарищ лейтенант!

– Так вот, Джакели, все это когда-то было нашим – отсюда и во-о-н до тех пор!.. И лазы – наши братья, они по-мегрельски говорят. Ты слышишь их?

– Иногда, когда они спускаются к ручью.

– Понимаешь?

Я отрицательно покачал головой.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцатый.

– А тебе? – обратился Мдинарадзе к Щербине.

– Столько же, товарищ лейтенант!

– Женаты?

– Пархоменко женат, – ответил Петро.

– Кто такой Пархоменко?

– А вот, который с Танго...

– А Танго кто?

– Танго – собака.

– Кто ей дал такое имя?

– Зудов.

– Кто же это – Зудов?

– Товарищ лейтенант, список нашей заставы хранится у майора Чхартишвили! – улыбнулся Щербина.

– А ты чего улыбаешься?

– Так просто, товарищ лейтенант! Радуюсь я!

– Чему ты радуешься?

– Впервые вижу живого писателя, как не обрадоваться! –

Откуда сам?

– Из Харькова.

– И что, в Харькове нет писателей?

– Писателей сколько угодно, да мне не приходилось видеться с ними.

– Ты тоже не видел живых писателей? – спросил Мдина-

радзе меня.

– Видел. И живых, и мертвых.

– А приходилось ли тебе видеть писателя полуживого-полумертвого?

«Вот же вы передо мной!» – хотелось мне ответить, но я промолчал.

– Какое у тебя образование? – продолжал спрашивать Мдинарадзе.

– Среднее.

– Почему не поступил в институт?

– Не впустили, товарищ лейтенант!

– Ради бога, не зови меня лейтенантом, мне все кажется, что это к кому-то другому обращаются.

– Постараюсь, уважаемый писатель!

– Мое имя – Владимир... Так почему тебя не приняли...

– Срезался я, уважаемый Владимир.

– Куда поступал?

– На медицинский.

– О, это дело трудное... А в другой институт не пытался?

– Нет.

– Когда кончаешь службу?

– Через год.

– Вернешься – приходи ко мне. Помогу подготовиться.

– Спасибо!

Мдинарадзе опять вооружился биноклем. – Уважаемый лейтенант, – заговорил вдруг Щербина, – вы добровольно

пошли в армию?

Мдинарадзе внимательно взглянул на Щербину, словно хотел убедиться, не шутит ли он. Но Щербина выглядел вполне серьезно.

– Да, добровольно. А что, стар я для армии, да?

– Да нет, я не потому... А зачем вы пошли в армию, хотите написать про нас?

– Хочу, дорогой Щербина, если получится...

– В том-то и дело, товарищ лейтенант, что не о чем писать! Здесь каждый день похож на предыдущий... Второй год я служу, и хоть бы один выстрел с той стороны раздался!.. В газете пограничной пишут – там поймали кого-то, там сбежал кто-то... А у нас что? Молла орет, офицер солдат муштрует, рыбаки ловят рыбу, учитель возится со своими птенчиками, да глупый аскер сидит в своей яме... Одно и то же, одно и то же... Вот только девка тут красивая, учительская жена, да и на нее смотреть Джакели не разрешает!.. Скука...

– Да ты, брат, оказывается, вояка! Что может быть лучше мира, тишины да спокойствия?!

– Что вы, при чем вояка! Просто, раз человек служит на границе, должен же он хоть краешком глаза увидеть живого нарушителя? Я уж не говорю – задержать!

– Успеешь, успеешь, Щербина! И увидишь, и удержишь!

– Куда там...

– Поверь мне! Вот увидишь, за эти два месяца поймаем мы с вами не меньше четырех шпионов! А потом я напишу

книгу про вас – про тебя и Джакели.

– И про Пархоменко тоже, прошу вас! Извелся парень со своей Танго! Шутка ли, возиться с таким страшилищем! Вот уж чья жизнь действительно висит на волоске, так это бедного Пархоменко!

– Обязательно напишу и про Пархоменко!

– Уважаемый писатель, – продолжал Щербина, – вот мы вчера поспорили... в казарме... – Он замялся.

– О чем? – заинтересовался Мдинарадзе.

– О вас... То есть, не о вас лично, а вообще о писателях.

– Ну-ну?

– Ребята доказывали, что каждый писатель немного того... чокнутый!.. Это правда?

– А ты как думаешь? Вот я, например, похож на чокнутого?

– Да пока как будто нет...

Мдинарадзе захохотал, улыбнулся и я, наконец засмеялся сам Щербина.

– Потом мнения разделились. Королев, Арбузов, Иванов и Дзнеладзе доказывали, что быть писателем – проще простого: пришел, увидел, написал, напечатал, получил деньги и пошел домой... Другие говорили (Джакели в этой группе), что писать – дело очень сложное и трудное... Так как вы думаете – трудно быть писателем?

Мдинарадзе сел на табуретку, попросил у меня собственную сигарету, сильно затянулся и надолго задумался. Потом

заговорил тихо, словно про себя:

– Как тебе объяснить, дорогой мой!.. Трудно ли быть писателем?.. – Он раскрыл левую ладонь и стал правой рукой загибать пальцы. – Пушкина убили... Лермонтова убили... Лорку убили... Илью Чавчавадзе убили... Чехов умер от чахотки... – Он продолжал загибать пальцы на правой руке: – Важа Пшавела умер от чахотки... Хемингуэй застрелился... Стендаль свалился на улице... Представьте: идет по пустыне странник. Жара. Песок раскаленный... И начинает странник рыть колодец... Роев день, другой... А обнаружится ли в том колодце вода – он сам не знает... так и труд писателя...

Щербина, вытаращив глаза, смотрел то на меня, то на Мдинарадзе.

– Понятно? – спросил лейтенант.

– Все понятно! – ответил Щербина.

– Хорошо, если понятно...

Мдинарадзе встал, откинул крышку люка, ласково потрепал Щербину по щеке и стал спускаться по лесенке.

Мы живем в двухэтажной казарме, по пять-шесть человек в комнате. Время подъема и отбоя на границе установлено не для всех одинаковое: дежурившие днем спят ночью, те же, кто был в наряде ночью, отсыпаются днем. Так что увидеть всю заставу в сборе невозможно, – разве только во время тревоги.

...Сентябрь на исходе. Вот уже неделю льет дождь – противный, надоедливый, без конца и начала, льет, не переста-

вая, днем и ночью. Дождь проникает всюду, даже через про-резиненные дождевики и высокие резиновые сапоги. Сыре-ют спички, сигареты, постель, одежда. Сам воздух вокруг пропитан сыростью. Мы изнемогаем. Хочешь не хочешь, без конца приходится восстанавливать КСП, поднимать пова-ленные столбы, натягивать оборванные провода, укреплять идущие в гору ступени – каждое утро, каждый полдень, каж-дый вечер. Ночь – темная, черная, хоть глаза выколи... Грязь – красная, липкая, густая, клещами хватающая за ноги...

Холодные потоки воды, от которой нет спасения... И сон-ливость, смыкающая одеревенелые веки... Ах, как хочется спать!.. Падая от усталости, мы возвращаемся из наряда, глот-аем горячую пищу и, еле добравшись до своих коек, зава-ливаемся спать. Мы спим как мертвые.

Такое вот время – самое опасное на границе. Со стороны моря еще ничего – море сейчас холодное, вряд ли кто из на-рушителей воспользуется им. Но зато горы! В дождь и туман, когда в трех шагах от себя ничего не видишь, не мудрено и упустить злоумышленника.

...Я, Щербина и Пархоменко сегодня дежурили с утра. Досталось же нам! Привели в порядок КСП, восстановили семьдесят размытых ступенек, проверили все технические устройства. Вернулись уставшие, продрогшие, голодные. И все же мы счастливы – ночью отдыхаем! И эта радость теперь не дает нам спать.

В комнате, кроме Пархоменко, Щербины и меня, еще трое

ребят: Мордюков, Бальтерманц и Дзnelадзе. Отличные парни! Они дежурили ночью и теперь спят. Через час им в наряд. И от одной мысли о том, что идти на дежурство нужно не нам, мне становится весело.

– Ну, брат, еще дней пять такого ливня, и всем нам капут! – сказал Пархоменко.

– Какое там пять! Он, видать, зарядил на весь год! – вздохнул Щербина. – Джакели, спишь?

– Нет.

– О чем думаешь?

О чем я думаю? Не знаю... О чем же, как не о границе? Граница – она вещь такая, о чем бы человек здесь ни думал, в конце концов мысли его вернутся к ней.

– О границе.

– И я о границе...

– Ладно, давайте спать! – зевнул Пархоменко.

Я с головой накрылся одеялом и долго старался уснуть.

– Ребята, спите? – спросил я. Никто не откликнулся, хотя я чувствовал, что ни Щербина, ни Пархоменко не спят. – Что ж, не хотите, не надо. Собеседник у меня найдется.

– Здорово, Авто! Как дела?

– Да так, Джако. Живу. Служу Советскому Союзу.

– Ну и как, трудно?

– Почему трудно? Как другие, так и я.

– Признавайся! Трудно тебе!

– Нет, Джако, не трудно... Сложно! Понимаешь, сложное

это дело – служба на границе.

– Соскучился, небось, по дому?

– Еще как! Иной раз плакать даже хочется...

– Кого бы тебе хотелось увидеть?

– Всех! Дедушку, дядю Ванечку, тетю Шуру, Або, Дадуну!

– И как же ты без них?

– А так. Как все... И потом, здесь же прекрасные люди!

Ребята замечательные, и начальник наш, майор Чхартишвили, – отличный человек! Строговат, правда... Вот на днях черт меня дернул бросить окурочек на пол в коридоре... Так он заставил меня два часа драить уборную... А еще до этого... Вот был случай! Ха!.. Понимаешь, во вторник, 14 августа, был день рождения Пархоменко. Мы решили отметить его в воскресенье, 19-го... Получили увольнение, поехали в Батуми. Собрали деньги, накупили всего – вина, колбасы, хлеба черного. Махнули на пляж и – давай отмечать день рождения. Здорово все получилось! Тамадой избрали меня... Когда я выпил за родителей, Пархоменко заплакал. «Дай, – говорит, – я тебя поцелую, а потом напишу матери, какой ты золотой парень!» Одним словом, выпили мы порядочно. Потом я с Щербиной затеяли борьбу. А Пархоменко схватил нас обоих, поволок к морю и трижды окунул головами в воду... Кончилось тем, что Чхартишвили собственноручно снял с нас ремни и сам же посадил на гауптвахту. Я и Щербина, словно продрогшие поросята, всю ночь льнули к спавшему безмятежно Пархоменко. Утром пришел Чхартишви-

ли.

– Ну, как дела, орлы? – спросил он, улыбаясь.

– Отлично, товарищ майор! – ответил Щербина. – Надо было сажать нас врозь, а то ведь вместе мы и день рождения отмечали!

Чхартишвили рассмеялся, роздал нам ремни и выпихнул из гауптвахты.

– Чего же ты хочешь, он поступил с вами по-божески!

– Я и говорю: отличный он человек.

– Еще что?

– Что еще? Хватает нам и развлечений, и кино. Встречаемся с учащимися, студентами. Есть у нас библиотека, клуб. Поем, танцуем, концерты устраиваем... В свободное время, конечно. Но этого времени у нас мало... Очень мало. Мы и выспаться-то как следует не успеваем... Вот и сейчас, вместо того чтобы спать, я болтаю с тобой. Ну, хватит, спокойной ночи, Джако!

– Спокойной ночи, Авто!

Веки тяжелеют, мысли путаются... Я постепенно погружаюсь в сладкую дрему... И вдруг ночную тишину вспороли два выстрела. «Ракеты!» – мелькнуло в голове. Спустя несколько секунд все мы были на ногах.

– Никак тревога! – сказал Щербина, хватая сапоги.

– Выходи строиться! – крикнул забежавший в комнату дежурный и тотчас же умчался.

Чхартишвили, Королев и Павлов в накинутых дождеви-

ках, с фонарями в руках были уже в коридоре. Мы выстроились в две шеренги.

– Смирно! Равнение прямо!.. Товарищ майор, застава выстроена! – доложил Зудов.

– Старшие нарядов, шаг вперед! – распорядился майор. Я и еще несколько солдат выступили вперед. Рядом со мной оказался Дзнеладзе.

– Товарищи! – начал майор. – На четвертом участке нарушена граница. В обычных условиях можно было бы действовать спокойнее. Но в такую погоду!.. Требую максимальной организованности и четкости действий! Ни одной оплошности! Объявляю ЧП! Приказываю выступить на защиту государственной границы Союза Советских Социалистических Республик! Вопросы есть?

– Нет!

– Приступайте к выполнению приказа!

«На защиту государственной границы!..» Вон оно, то необъяснимое, хватающее за сердце, наполняющее все твоё существо чувством гордости, делающее тебя смелым, храбрым, бесстрашным, будоражащее кровь, найти название которому трудно. Что это? Любовь к Родине? Чувство ответственности? Верность присяге? Не знаю... Но есть в этих словах нечто такое, ради чего я, Автандил Джакели, готов умереть. Умереть без стопа, без слов, умереть счастливым...

...Небо, земля и море слились в одну бесконечную крошечную тьму. Дождь льет не переставая... До четвертого

участка – полтора километра... Там трое ребят. Что они смогут предпринять? Пока они дойдут до места нарушения границы, может все кончиться... Потому мы спешим. Я, Щербина, Пархоменко и Танго. Впереди – Пархоменко с собакой. Потоки воды, целые водопады низвергаются с неба, это уже не дождь, это – потоп. Наши плащи набухли водой, сапоги полны воды, мы не идем, а ползем по грязи...

К четвертому участку подходим первыми.

– Пароль! – слышим окрик. Людей не видно. На миг меня ослепляет острый, как нож, луч карманного фонаря.

– Волга! – отвечаю я и тоже зажигаю фонарь. Теперь я вижу – передо мной стоит Скворцов.

– Ответ!

– Дунай!

– В чем дело, Скворцов?

– А, черт его разбери! Следов не видно, смыло. На проволоке нашли клочок шерсти, во, гляди. Видать, медведь.

– Как сказать... – говорит с сомнением Щербина. – Пархоменко, давай собаку!

– Танго, ищи! – приказывает Пархоменко, удлинняя поводок.

Танго нюхает шерсть, потом землю, вертится, скулит, бежит куда-то, возвращается, садится на задние лапы и удивленно смотрит на нас. Трудно псу. Взбесившаяся стихия словно решила поиздеваться над нами: вода так и хлещет, заливая все и вся.

– Танго, милая, ищи, ищи! След, Танго! – упрашивает Пархоменко собаку.

И вдруг Танго срывается с места и, чуть не свалив Пархоменко, устремляется в темноту. Мы – за ней.

– Отпусти, отпусти поводок! – кричу я Пархоменко.

– Куда к черту, вышел весь! – кричит он.

Танго тянет нас к холму, возвышающемуся над самой деревней. Мы бежим, не разбирая дороги, проваливаясь в ямы, падая, поднимаясь, продираясь сквозь кусты, натываясь на деревья. Впереди возникает тень.

– Стой! Кто идет? – спрашиваю.

– В чем дело? – отвечает Дзнеладзе.

– Танго взяла след. Следуйте за нами! Танго хрипит, вырывается...

– Пархоменко, пусти собаку!

– Уйдет, не найдешь потом! Бежим.

– Щербина, ты?

– Я!

– Где Дзнеладзе?

– Здесь я!

– Скажи ребятам, осторожней с оружием! Перестреляем, чего доброго, друг друга!

– Знаю, не маленькие! Бежим.

– Стой! Кто идет?! – слышу окрик. Это Шмидов.

– Я!

– Джакели?

– Да!

– Что за черт! Куда прет собака?

Я не отвечаю. Бежим, бежим, не разбирая дороги, проваливаясь в ямы, падая, поднимаясь, продираясь сквозь кусты, натываясь на деревья. Я вижу впереди широкую спину Пархоменко, чуть левее – Дзнеладзе. Лицо у него в грязи. Что это? Неужели светает? Да, да, светает! Слава богу! И дождь, кажется, слабеет! Теперь я вижу и других. Пригибаясь к земле, они, словно призраки, перебегают от дерева к дереву. Откуда-то сверху доносятся треск сучьев, приглушенные голоса. Это – ребята с верхней заставы. Присев на корточки, они кубарем скатываются вниз. Хрипят, вырываются из рук собаки.

– Пустить собак! – слышим приказ Чхартишвили. Откуда он взялся, ведь его не было с нами? Собаки мчатся вперед, к огромному буку, обкладывают его.

– Осторожно! Приготовить оружие! – приказывает майор. Сняв автоматы, мы окружаем дерево. Круг суживается. Теперь мы видим: у подножия бука зияет отверстие.

– Без приказа не подходить!

Собаки нетерпеливо повизгивают. Теперь уже нет сомнения, – это медвежья берлога.

– Убрать собак! – приказывает майор.

– Танго, ко мне!

Танго, жалобно скуля, ползет назад и ложится у ног Пархоменко.

– Медведь! – говорит Щербина, выплевывая грязь.

– Почему ты знаешь? – говорю я и тут только замечаю, что дождь уже перестал, лишь с листьев срываются крупные, с виноградину, капли.

– Товарищ майор, точно медведь! Вон след! – кричит Щербина, выходя из укрытия.

– Назад, Щербина!

Рассвело. Я хорошо вижу Чхартишвили: он стоит за деревом с пистолетом в руке. Рядом с ним – наш писатель, весь облепленный грязью, без оружия.

– Эй, Пархоменко, спроси у Танго: медведь там или кто? – спрашивает Щербина.

Кто-то громко смеется.

– Если это тот же медведь, что в прошлом году переполошил всю заставу, убить его, и весь разговор! – кричит Дзnelадзе.

– Давай, Дзnelадзе, бей! Я разрешаю! – говорит Щербина. Ребята хохочут.

– Джакели! – обращается ко мне Чхартишвили. – Ставь дымовую! Осторожно, заходи слева!

Я обошел берлогу с левой стороны, остановился метрах в семи от нее, достал из сумки дымовую шашку и спички. Чиркнул один, другой, третий раз.

– Что ты копаешься? – раздался нетерпеливый голос майора.

– Спички отсырели, товарищ майор!

– У меня сухие! – воскликнул писатель, срываясь с места.

– Назад! – крикнул майор. Он взял у писателя коробок и подошел ко мне. Я поджег шашку и швырнул в отверстие. Через несколько секунд из берлоги повалил дым. Мы приготовили оружие, насторожились.

Прошла минута, вторая, третья... Неужели в берлоге человек? Медведь бы не выдержал! Значит, человек? Человек!

Я огляделся. Застыв в напряженных позах, ребята не сводили глаз с берлоги. Прошло еще несколько минут. Ожидание становилось нестерпимым.

И вдруг из берлоги с невероятной быстротой выкатились два коричневых клубка. Один из них, налетев на лежащий перед берлогой огромный валун, тут же упал, обливаясь кровью, раза два дернулся и застыл. Другой, смешно кувыркаясь и подвывая, подкатился и замер у моих ног.

– Медвежонок! – вырвалось у меня. Я выпустил из рук автомат и всем телом навалился на медвежонок.

– Осторожно! Внимание! – крикнул Чхартишвили, заслонив собой безоружного писателя.

Из берлоги вылезла медведица-исполин. Одуревший от дыма зверь шатался, дергался, мотал головой. Почувствовав свет и чистый воздух, медведица успокоилась, присела, потом стала на задние лапы, вытянулась, глубоко вздохнула и огляделась. И тут произошло неожиданное.

– Уа-а-а! – взревела медведица страшным голосом и, колотя себя лапами по голове, бросилась к окровавленному те-

лу медвежонка.

– Ау-у-у! – завыли собаки, бросаясь вперед.

– Танго, назад! – заорал Пархоменко, но было уже поздно. Взбешенный зверь в мгновение ока растерзал собаку. От несчастной Танго остались одни клочья...

– Тра-та-та! – прокатилась короткая очередь. Медведица подскочила, словно ужаленная, потом пошатнулась и рухнула рядом со своим дитятей...

...Я не видел, как свеживали тушу медведя, как собирали по кускам то, что еще полчаса тому назад было собакой Танго, не слышал, как Зудов отчитывал Пархоменко. Оглушенный и онемевший, я сидел под деревом, одной рукой прижимая к груди дрожащего медвежонка, а другой гладил по мокрой голове прикорнувшего рядом Щербину. Щербина плакал.

– Счастье наше, что все кончилось благополучно! – раздался за нами чей-то веселый голос.

– Вот именно! – подтвердил другой.

Я нагнул голову. По голосам я их не узнал, а видеть этих «счастливых людей» мне не хотелось...

Возвращаясь на заставу, мы прошли мимо дома Феридэ. Она стояла на балконе.

– Что это?

– Это медвежонок, Феридэ!

– Откуда он взялся?

– Утром поймали.

– Кто тебе сказал мое имя?

– Сам узнал.

– Всю ночь село не спало. Стреляли. И все из-за этого мальчика?

– Да, из-за него.

– Отпустили бы его.

– Куда?

– К матери... Не смотри на меня такими глазами, Джаке-ли!

– Откуда ты знаешь мою фамилию?

– Все тебя так зовут... Медвежонок не кусается?

– Пока нет.

– Как его звать?

– Пока никак.

– Как назовешь?

– Мерабчиком!

– Почему Мерабчиком?

– Не знаю... Красивое имя – Мераб...

– Сказала тебе – не смотри на меня так!

– Как так? Я на всех так смотрю.

– Врешь!

– Может быть. Почему тебя давно не было видно, Феридэ?

– Потому, что ты вместо границы смотришь на меня!

– Разве это плохо?

– Плохо!

– Почему?

– Потому. Нельзя!

– А можно прийти к тебе?

– Ты с ума сошел?

– Нельзя?

– Нет, конечно!

– Почему?

– Я не хочу!

– А если хочу я?

– Что ты хочешь?

– Посидеть, поговорить с тобой...

– О чем?

– О чем-нибудь.

– Нельзя. Я вдова, а ты... Ты моложе меня. С чего ты взяла?

– Я все знаю... Тебе девятнадцать лет... У тебя нет родителей... Ты не попал на медицинский... Ты ходишь на почту, а писем от твоей девушки все нет и нет... У Али Хорава мандарины ворует... Правильно?

– Откуда ты узнала все это? – Птичка рассказала.

– А птичка не рассказала о том, что ты мне очень и очень нравишься?

– Ты глуп!

– А это тебе откуда известно?

– Об этом я сама догадалась!

– В следующее воскресенье я не пойду в город. Я весь день проведу у тебя.

– Говорю тебе – ты глуп!

– Приду!

– Только попробуй!

– Приду!

– Не посмеешь! И не смотри на меня такими глазами!

Смотри так на городских девчат!

– Какими такими глазами, Феридэ? Я же ночь не спал!

– Ладно, иди!

– До свидания, Феридэ!

– Иди, иди, ухаживай за своим медвежонком!

Феридэ покинула балкон и скрылась в комнате. Я стал спускаться вниз по тропинке. Ребята были уже далеко впереди. Согретый Мерабчик сладко спал на моей груди и с упоением посасывал мой большой палец.

«Дорогой Саргис!

Вот уже месяц, как я на границе. Когда вы провожали меня... Впрочем, расскажу-ка, брат, тебе все по порядку...

Поезд Тбилиси – Батуми, словно старик астматик, останавливается на каждом шагу – в Дидубе, Мцхета, Дзегви, Гори, Скра, Агара, Карели, Хашури – и так до самого Батуми. Стоит, стоит, потом вдруг рванет так, что на верхних полках не останется ни одного чемодана, пробежит немного, опять станет...

В купе было трое (четвертого, который до самого Кобулету не проронил почти ни одного слова, я не считаю): я, некая дама, сменившая в пути восемь халатов, и молодой лы-

сый человек – как потом выяснилось, председатель одного из колхозов Батумского района, весьма остроумный и приятный собеседник.

Лысый начал с дамы.

– Вы в Батуми едете? – спросил он.

– Да, в Батуми. Люблю море поздней осенью. Народу мало, тишина, спокойствие, – охотно ответила она.

– В таком случае вам следовало поехать туда в январе. Зимой, знаете, на море вообще никого нет.

Дама подозрительно взглянула на лысого, но лицо его выражало такое простодушие и даже наивность, что дама успокоилась.

– А вы куда? – обратился лысый ко мне.

– И я в Батуми.

– На отдых?

– Нет, на военную службу, в армию.

– Вы? В армию?! – воскликнул председатель.

– А что в этом такого?! – удивился я.

– Ну, знаете!.. Может, началась война? Так вы скажите прямо!

– Так я же иду не воевать...

– Афанасий мое имя! – подсказал лысый. – А как ваша фамилия?

– Мдинарадзе. Владимир Мдинарадзе. Писатель, – отрекомендовался я, подчеркнув последнее слово.

– Что вы говорите! Я принял вас за шофера!

– Нет, я писатель.

– Очень, очень приятно! Значит, это вы писатель Мдина-радзе?

– Да, я.

– Ваши стихотворения мой сын знает наизусть, даже читает их на школьных вечерах и олимпиадах.

– Которые, например? – поинтересовался я.

– Вот эти:

Что за милый поросенок! Что за носик! Что за губки! Не к лицу же поросенку Свинские его поступки.

Приятно слышать! Благодарю вас! – сказал я.

– Вам жмут туфли? – спросил вдруг председатель у дамы.

– Не говорите! Измучили меня мозоли! Как вы догадались?

– Очень просто. Раз женщина разулась в мужском обществе, значит, ей жмет обувь! Бедная моя мать! Ей тоже сильно жали туфли, но она принципиально не разувалась! Оттого-то она и умерла!..

Дама, почувствовав подвох, испытующе уставилась на председателя. Тот сидел в позе уставшего ангела и с искренним сочувствием взирал на ноги нашей попутчицы.

– Так зачем вы пошли в армию? – продолжил лысый ДОПРОС:

– Хочу написать книгу о жизни пограничников.

– О, это будет трудно!

– Почему?

– Да потому, что жизнь на границе трудная и однообразная. Наш колхоз входит в пограничную зону, так что верьте моему слову.

– Давно вы в председателях?

– Будь проклят тот день, когда меня избрали! Уже три года.

– Чем же вы недовольны?

– Гм, чем!.. Вот взгляните на этого человека, – председатель показал на верхнюю полку, где лежал тот самый тип, молчальник, – спит себе спокойно, храпит вовсю. И снятся, наверно, ему радужные сны, красивые женщины, накрытый стол... Ну и храпит же, подлец, прямо как пилой по нервам!.. Да, снятся ему разные приятные вещи... А я что? Вот уже два месяца только и вижу во сне, как льет проливной дождь, как распускаются и зеленеют чайные кусты, как мы собираем чай, как сдаем лист государству, выполняем и перевыполняем план... Вскликаю ошалелый от радости, подбегаю к окну... Какой там дождь! Горит земля... Гибнет чай...

Человек на верхней полке храпел все громче и громче, – казалось, действительно пилят дерево.

– Может, попросить проводника – пусть переведут его в другое купе? – вмешалась дама.

– Не станет же он ради нас пилить весь поезд! – ответил председатель и тут же продолжал, обращаясь ко мне:

– Да, насчет границы... Помню, участки деда моего Геронтия и соседа Георгия Горджомеладзе разделял низенький

плетень. А по самой середине плетня рос старый ясень. Он и погубил обоих. Георгий клялся и божился, что ясень посажен еще его отцом. Улучив минуту, он разбирал и переставлял плетень так, что ясень оказывался в его дворе. Утром дед Геронтий, увидя результат ночного разбоя, вырывал из плетня кол и мчался к Георгию. Поинтересовавшись, каким образом ясень, посаженный еще его, Геронтия, отцом, вдруг оказался на чужой территории, и не дожидаясь ответа, он хватал Георгия колом по голове. Пока жена Георгия с воплями и проклятиями приводила в чувство поверженного супруга, ясень вновь оказывался во владениях деда. Спустя неделю оправившийся Георгий подкарауливал деда Геронтия и огревал его колом так, что тот отлеживался несколько дней. А ясень все эти дни красовался в лагере неприятеля... Так длилось до тех пор, пока дед Геронтий и сосед его Георгий вконец не перекалечили друг друга. А ясень стоял себе спокойно и, как говорится, в ус не дул...

Председатель умолк, извлек из сумки бутылку коньяка «Варцихе» и поставил ее на столик.

– Потом? – спросил я.

– Выпьем по одной! – предложил он, откупоривая бутылку. Мы выпили.

– На чем я остановился? – спросил председатель.

– Ясень в ус не дул, – напомнил я.

– Да. Весной, как положено, распускались на нем листья, осенью, как положено, опадали. А плетень оказывался то по

одну сторону от него, то по другую... Выпьем еще по одной.

Дама встала и направилась к двери.

– Идете менять халат? – спросил председатель.

– Слушайте, как это вы успеваете следить за всеми? – взорвалась вышедшая из терпения дама. – И халат, и туфли мои, и дед Геронтий, и плетень какой-то!

– Что же мне делать, уважаемая! Председатель обязан все знать, все успеть, иначе кто выполнит план, который висит на моей шее? Вы, что ли?

– Вы бы лучше додумались выйти и дать мне возможность переодеться! Должна же я заснуть?

Еле сдерживая смех, я быстро вышел. За мной последовал председатель.

– Кажись, переборщил, а? – спросил он.

– Ничего, сойдет. А как кончилась та история?

– Какая?

– С ясенем.

– О, кончилась она смешно. Утром скончался Георгий Горджомеладзе, а вечером отдал богу душу дед Геронтий. В один и тот же день! Отец мой, Титико, был тогда молодым. За ночь он и срубил, и обтесал, и выстрогал тот ясень и с помощью соседских парней сколотил два отличных гроба – для деда Геронтия и дяди Георгия. Похоронили их в один день, на одном кладбище, рядом друг с другом. С тех пор вдовушки жили душа в душу и преставились обе в один год...

– А сыновья?

– Ничего. Жили в мире и согласии. Из остатков ясеня отец смастерил два пандури. Один оставил себе, другой подарил сыну Георгия – Луке...

– Как же сыновья разрешили пограничный конфликт?

– Мирно. Ясень-то, представьте, прижился на старом корню, да так раздался вширь, что и не обхватишь! Плетень мы подвели к дереву точно посередке. Так что ясень нам не мешает. Граница, дорогой мой, дело сложное, ох и сложное!.. Ну, хватит, пора спать!..

Я приоткрыл дверь в купе и чуть не задохнулся от смеха: на верхней полке, свесив голые ноги и повязав голову полотенцем, сидел наш молчальник. Лицо его выражало муку и изумление. Купе дрожало. Колыхался абажур ночника.

– Вы видели когда-нибудь, чтобы так храпела женщина? – простонал верхний пассажир. Это были первые и последние слова, произнесенные им за все время нашего путешествия.

Было за полночь, когда меня кто-то разбудил:

– Проснитесь, проснитесь, уважаемый Владимир!

Я вскочил. Над головой стоял радостно возбужденный председатель.

– Дождь! Дождь пошел, дорогой Владимир!

– Поздравляю! Но стоило ли из-за этого будить меня?

– Извините, дорогой! Такая это для меня радость!.. Думал, вам также будет приятно... Спите, пожалуйста.

– Как же, заснешь теперь! Напугали человека!

Афанасий понял, что я шучу, весело хмыкнул и разлил

оставшийся коньяк.

– За дождь, дорогой Владимир! За дождь, который поит землю, дарит жизнь траве, моет черепицу, растит кукурузу, одним словом, за живительный дождь! – сказал председатель и, чокнувшись со мной, выпил.

– Мне казалось, что в наших краях скорее следует радоваться солнцу, чем дождю.

– Это как когда. Прошлым летом я только и мечтал, что о солнце... Сгнило все от постоянных дождей...

– Ну, спасибо, разбудили меня, иначе где бы я видел такой ливень! – поблагодарил я председателя. И действительно, дождь лил как из ведра. По оконному стеклу струились потоки воды.

– Был случай... Послушайте: дожди в прошлое лето сыграли с нами злую шутку, таких дождей, наверно, не бывало даже при Ное, начисто затопило, снесло все наши посевы и пашни!.. Иду я как-то утром в контору под проливным дождем, навстречу – колхозник наш, с мотыгой на плече. «Куда тебя несет, – спрашиваю, – в такой ливень?» – «Иду, – говорит, – в Кобулету». – «Что ты там потерял?» – спрашиваю. «Пашню, – говорит, – мою дождем смыло и в Кобулету занесло, иду, – говорит, – туда на прополку!» Шутит, сукин сын, а мне не до шуток... Чуть-чуть дождь перестал, пошел я в горы, – пчел мы там летом держали. Пришел – не дай бог увидеть такое: из ста ульев – семидесяти как не бывало! Залило водой! К полуночи вернулся в село, набатом поднял

всех на ноги, собрал собрание.

– В чем дело, председатель? – спрашивают крестьяне.

– А дело в том, дорогие мои, что погибло семьдесят наших ульев! – отвечаю.

Встает тогда Папино Иремадзе – известный по всей округе сквернослов – и говорит:

– Тут семьсот семей человеческих погибает, председателю на это наплевать, а из-за семидесяти паршивых ульев он нас в полночь с постели согнал!

Я расхохотался. Афанасий продолжал:

– Смешно, конечно. Сболтнул глупость вредный мужик, наплел чистую ересь! Богаче нашего села, пожалуй, и не сыщете в этом крае. Чего только у нас нет – цитрусы, чай, кукуруза, фасоль, вино!..

– Чем же ваш Папино был недоволен?

– А черт его знает! Не мог человек прожить дня, чтобы не съязвить! Поверите, я даже боялся выступать на собраниях! Все село его ненавидело. Доносчик, завистник, интриган, – многих он погубил, многих перессорил... Люди сторонились и боялись его...

– Как же народ встретил его слова? Насчет пчел.

– Как? Поднялся смех, шум, гам... Знали ведь его паршивый характер... Одним словом, сорвалось собрание...

– Что было дальше?

– Да ничего... Два месяца тому назад умер он. Вдохнули мы свободно... А все же жаль человека – глупой смер-

тью погиб... Повел он в Махарадзе лошадь подковать. Может, слышали, знатные кузнецы там живут, братья Керкадзе. И вот, взял несчастный коня за ногу, а конь лягнул его так, что кишки вывернул наизнанку. Не успели донести бедного до больницы, – кончился по дороге... Что ж, не оставлять же покойника без присмотра, родни-то у него никакой... Послал я за трупом колхозный грузовик... Переезжая по броду Бжужисцкали, чуть было не уронили в воду гроб, – ударило волной, с трудом удержали... Хоронили покойника в воскресенье. С утра зарядил дождь – к вечеру село походило на затопленный остров... Еле добрались до кладбища. Стали опускать в могилу гроб – лопнула веревка! Гроб рухнул в яму вверх дном... Плюнули тут мужики: собаке, говорят, собачья смерть! Махнули рукой и разошлись... Пришлось мне одному, под проливным дождем, засыпать могилу... Не дай бог восстановить против себя народ!.. Жалко ведь, как никак – человек умер... Но народ тоже по-своему прав...

– Мда-а, – согласился я, – ничего не скажешь...

– Эх, многое еще можно вспомнить, да поздно уже... А вам вот что я скажу: граница хороша, а наше село не хуже! Приезжайте к нам, поглядите на людей и на жизнь нашу. Авось и про нас захотите написать...

– Обязательно приеду!

– Напишите, как пустеет село, как бежит в город наша молодежь.

– Напишу!

– Будем очень вам благодарны...

Дождь все лил и лил. Председатель выглянул в окно:

– Да хватит тебе, я же о дожде просил, не о потопе!

С верхних полок доносился стройный храп в два голоса...

– Спокойной ночи! – сказал председатель и погасил свет.

На вокзале меня встретил сам подполковник Розаринов.

Спустя полчаса я уже сидел в его кабинете. Подполковнику на вид было лет пятьдесят. Энергичный, живой и очень симпатичный, он за пятнадцать минут успел рассказать несколько детективных сюжетов, кучу анекдотов, набросать краткий план моей будущей книги и даже определить, сколько в ней ориентировочно будет страниц. Правда, было несколько затруднительно подыскать заглавие для книги, но он обещал подумать и об этом. Потом подполковник куда-то позвонил.

– Сейчас принесут полный комплект обмундирования, объяснил он и стал внимательно разглядывать меня.

Минут через пять в кабинет внесли несколько ящиков.

– Раздевайтесь!

– Может, закроем дверь? – попросил я.

– К чему? Женщин здесь нет, а если вы меня стесняетесь, могу выйти, – улыбнулся подполковник.

– Ради бога, не беспокойтесь!

Я сконфуженно стал раздеваться. Но настоящий позор я испытал, когда начал примерять брюки! Проклятое мое пузо! Наконец мне все же удалось кое-как втиснуться в них. Розаринов вздохнул с облегчением.

– Вот вам хромовые сапоги, две пары белья, фуражка погонь, пояс... Что еще? Да, шинель будет дней через десять, а пока вот телогрейка... Подпишитесь, пожалуйста здесь...

Мне была уготована еще одна мука – надевание сапог Выдержав и эту пытку, я предстал пред очи подполковника в новом своем облике.

– Вот это я понимаю! – воскликнул он. – Я на вашем месте никогда бы не расставался с военной формой!

– Так оно, наверно, и будет, товарищ подполковник, ответил я, – сапог, по крайней мере, мне снять никогда не удастся!

– Ерунда, батенька! Через два дня они сами снимутся! – успокоил меня подполковник и дружески хлопнул по плечу:– Решено, едете в село!

Он поднял телефонную трубку и назвал номер.

– Здравствуй, Чхартишвили!

.....

– Отлично!

.....

– Направляем к тебе писателя Мдинарадзе. Знаешь его? Да, да, «Я, бабушка, дедушка» и так далее... На два месяца, заместителем по политчасти.

.....

– Пусть Королев не волнуется, Мдинарадзе будет нештатным замполитом!

.....

– Через час... Создайте ему все условия! Приласкайте, приголубьте человека!.. Стол не забудь поставить в комнате!.. Выполняйте все его просьбы!..

.....

– Кроме этого!.. Ну, бывай! Пока!..

– Что? – спросил я.

– Выполняйте, говорю, все его просьбы! А если, говорит, он захочет сбежать в Турцию, как, говорит, мне поступать?

Мы рассмеялись.

...В двенадцать часов прибыли в село. Здесь я бывал и раньше – с экскурсией. Но теперь меня не покидало чувство скованности и смущения. В кабинете начальника заставы меня встретил майор – такой красивый, ладный, с такими умными глазами и лицом, что я невольно позавидовал ему. Майор встал, поздоровался со мной, вежливо пригласил сесть, окинул быстрым взглядом и тут же с улыбкой обратился к сопровождающему меня лейтенанту:

– Выглядели бы, что ли, человека... словно теленок его жевал...

– Не беспокойтесь, пожалуйста, я сам все выглажу! – выпалил я, краснея. Майор подозрительно покосился на меня, видно, подумал: «Врешь, братец! Если ты сразу не постеснялся натянуть такую мятую одежду, то вряд ли ты ее потом станешь гладить».

Забыв о моем существовании, Чхартишвили углубился в дело – он что-то записывал в огромную книгу. Наконец яви-

лись два молодых лейтенанта, вытянулись перед майором. Тот коротко приказал:

– Знакомьтесь, принимайте, любите и жалуйте!

Лейтенанты, улыбаясь, откозыряли мне, представились. «Чего они все улыбаются! – подумал я, чувствуя, как краска заливает мое лицо. – Взглянуть бы в зеркало, видно, уж очень смешной у меня вид!»

– Товарищ майор! Застава выстроена! – доложил кто-то.

– Пожалуйте! – попросил меня майор. Все направились к двери. На дворе нас ждала построенная в две шеренги застава.

– Смирно-оо! Равнение пря-а-а-мо!

Строй замер... Потом я смутно, словно во сне, слышал голос майора, слышал произнесенную несколько раз мою фамилию. Помню, майор спросил, не желаю ли я говорить с солдатами.

– Друзья, как вам доложил докладчик... – начал я. Больше я ничего не помню.

– Рррразойдись! – донеслась до меня команда майора, и тут только я увидел, что солдаты покатываются со смеху. Глядя на хохочущий строй, я сам почему-то засмеялся...

Потом ко мне подошел Чхартишвили, осторожно дотронулся до моего плеча и – то ли серьезно, то ли в шутку – попросил:

– Уважаемый Владимир, отдайте мне вашу речь, если она у вас написана... Повесим в нашем клубе, рядом с прися-

гой...

Сгорая от стыда, я молча повернулся, пошел в свою комнату, бросился на койку и закрыл глаза...

В тот день я не выходил из комнаты. А потом... потом все улеглось на свои места, и я стал приобщаться к пограничной жизни.

В окне напротив моей койки выбит кусок стекла. Я просыпаюсь утром, и кажется мне, что море пожаловало сюда, в мою комнату. Не думаю, чтобы где-нибудь на свете существовали лучшее море и лучший пляж. Синяя вода так прозрачна, что каждый камешек, каждую рыбешку, каждую медузу видишь ясно, как в аквариуме. Ляжешь в море на спину, и кажется, что синее, прозрачное небо над тобой – это тоже море и ты плывешь между двух морей, и что солнце нежится вместе с тобой в безбрежной этой синеве. Кто не видел моря? Но поверь, дорогой Саргис, здешнее море – особое, это море особых чувств, волнений и раздумий...

Сколько пляжей объездили мы с тобой! Сколько раз нас штрафовали за то, что мы ни во что не ставили ограничительные флажки. Сколько раз гонялись за нами разгневанные спасатели в шлюпках, но мы не обращали на них внимания. Сколько раз свистели и орали с берега перепуганные наши друзья, но мы, не замечая их волнения, плыли все дальше и дальше. Здесь, на зеркальной морской глади, метрах в двадцати от берега, тихо колышутся три маленьких флажка. А попробуй, заплыви дальше этих, казалось бы, невзрачных

и незначительных точек! Не заплывешь! И не потому, что ждешь погони, штрафа, свиста и крика! Нет! Не заплывешь, потому что там, за этими безобидными флажками, ты перестаешь быть самим собой, становишься беспомощным. Не сможешь, каким бы ты ни был хорошим пловцом, даже двинуть рукой, задохнешься, пойдешь ко дну. Клянусь тебе, это – не выдумка, это – святая правда! Это чувство – великое, могучее чувство какой-то внутренней силы – мы, очевидно, впитываем его вместе с молоком матери. Оно дремлет в тайниках нашего разума и сердца и вспыхивает лишь тогда, когда человеку нужно быть до конца чистым душой, быть настоящим Человеком. Здесь, на границе, это чувство владеет нами безраздельно, оно обострено до предела. Здесь каждый полон сознания, что он – хозяин, страж и хранитель всего, что стоит, живет и дышит по эту сторону трех невзрачных флажков, что ему доверено нечто необъятное, родное, любимое до боли, имя которому – Родина.

Наш мир, дорогой Саргис, полон парадоксов. Казалось бы, человек должен только радоваться – кругом все спокойно, никто не нарушает границу, мирно, размеренно текут дни... Ты лежишь на теплом песке, блаженствуешь, всматриваешься в голубые дали, в вечное движение моря... Море, словно живое, дышит, стонет, ворчит, о чем-то говорит. Кажется, ты слышишь его и оно слышит тебя... И земля вокруг тебя живет, дышит, зеленеет, убирается сказочным узором цветов, засыпает, пробуждается. Кажется, ты слышишь ее и

она слышит тебя... И небо над тобой живет своей феерической жизнью, и ведут на нем праздничный хоровод мириады звезд, то скрываясь, то появляясь из-за пушистых облаков, и луна плывет медленно и величаво, и радуга, сияя всеми цветами, тянется через весь небосвод, словно стремясь обнять его... И кажется, слышишь голос неба, слышишь чудесную симфонию эфира, и голос твой, радостный и восторженный, устремляется ввысь, к солнцу, к небу, к звездам...

Порой у меня появляется странная мысль: что, если Земля – живой организм? Что, если она, как и мы, видит, слышит, любит, ненавидит, радуется, скорбит? А мы, не ведая этого, ходим, бродим по земле, роем, копаем, пашем, беспокоим, терзаем ее. И Земля, доведенная нами до иступления, вдруг задрожит, отряхнется, и тогда... рушатся города и села, исчезают народы и цивилизации. И снова люди, придя в себя, начинают рыть, копать, терзать многострадальную Землю, пока вновь не вздыбится исполин, пока вновь не обратит в пепел плоды человеческого труда. И так бесконечно... Быть может, все это действительно так? Почему же тогда столь велик и могуч в своих помыслах Человек?

Я стою на вершине, простираю руки к небу, к солнцу, и кажется мне, что солнце – венец мой. Я гляжу вниз, на плывущие подо мной облака, и кажется мне, что это – пыль от ног моих. Я взираю на необозримый морской простор, и кажется мне, что море – это капля воды на моей ладони. Подует ветер, и кажется мне, что это я взмахнул крыльями. Я зо-

ву бога, и эхо, вырвавшись из горных ущелий, отвечает мне моим же голосом. И если бог создал Землю и все живущее на ней, значит, это я – бог, творец мира и жизни, и все, что ни есть на Земле, – плод моего труда, моего пота, моей крови и моего разума... В такие минуты чувствуешь себя счастливым и хочется, чтобы это счастье длилось бесконечно... И именно такое чувство владеет сейчас мной на сторожевой вышке. О чем же думают они, эти молодые парни?

– Щербина, о чем ты думаешь? – обращаюсь я к Щербине, который сидит тут же на табуретке и рукавом полирует ствол автомата.

– Как вам сказать... Так, ни о чем... – отвечает он, не поднимая головы.

– А все же?

– И думать-то, собственно, не о чем... Скоро кончится срок службы, эти два года, считайте, пропали даром....

– Почему – даром?

– А какая в них польза? Ни одного выстрела, ни одного разрушителя... Бывает, бежим сломя голову, по тревоге, а там, глядишь, медведь или шакал, а то и просто ворона на проводе!.. Вот и вся наша работа...

– Но ведь за два года ты многое узнал, многому научился, друзей скольких приобрел – разве этого мало?

– А для этого, товарищ лейтенант, достаточно было приехать сюда на два месяца... Вроде вас.

– Да, но если каждый станет так думать, кто же будет за-

щищать границу? – спросил я, стремясь придать вопросу максимальную идейную нагрузку.

– Я не о том, товарищ лейтенант! Границу обязан защищать каждый, и мы делаем это честно!.. Просто скука здесь, никаких происшествий...

– Разве это плохо?

– Не знаю, может, и, хорошо. А по мне было бы лучше, если...

– Что – если?

– Если б попался нарушитель! Я бы его!.. Куда, ты, собака, лезешь?! Ты что, подлюга, думаешь?! Что тебе Советский Союз – забегаловка какая-нибудь?! Врешь! Тут стою я, Петро Щербина! Я тебе покажу, гад! Раз, два! Раз, два! Получай!.. Вот это я понимаю, товарищ лейтенант... А то вернешься домой – о чем расскажешь? О каких таких геройских делах? Только и память о границе – мозоль на носу от бинокля... Вот вы, писатель, возвратитесь в город – о чем писать станете?

– Как это – о чем? О том, что служит на границе хороший парень Щербина, сильный, здоровый, честный, засмеется – горы дрожат, скалы крошатся, реки из берегов выходят, разозлится – мороз отступает, солнце за тучами скрывается, топнет ногой – земля разверзается... Напишу, что ни один враг, глядя на Щербину, не осмелится нарушить границу, и потому поймать шпиона стало мечтой Щербины... Что, плохо?

Щербина улыбнулся:

– Ну, это скорее про Пархоменко.

– Напишу и про Пархоменко.

– А может, они действительно его боятся? – А ты как ду- мал?

Щербина недоверчиво взглянул на меня, потом махнул рукой и продолжал свое дело.

– Джакели, а ты о чем думаешь? – спросил я Джакели, который пристально вглядывался вдаль и что-то записывал в журнал дежурства.

– Я думаю, зачем этот болван прячется, ведь знает отлично, что я его вижу?

– Ты про кого?

– Про того глупого аскера. Во-о-он там, видите? – он показал головой и захлопнул журнал.

Пархоменко, как всегда, внизу. Он проверяет систему. О чем он думает? Да и Джакели, разве он сказал правду? А ведь каждый из них думает о чем-то своем, сокровенном. Сидят целыми днями на вышке, с биноклем в руках, смотрят, смотрят туда, в ту сторону... Каждая собака, каждая курица, каждое дерево им напоминает родной край, родной дом... Потому они и грустят. Я понимаю Щербину.

Да, трудно писать о границе, потому что легче отрыть десять артезианских колодцев, чем докопаться до души этих молодых славных ребят...

В углу площадки загорелась зеленая лампочка. Джакели

снял телефонную трубку.

– Товарищ лейтенант, вас просит майор.

– Слушаю, товарищ майор!

– Лейтенант, сюда прибыла группа экскурсантов с завода.

Прошу вас, займитесь ими, мне некогда.

– Иду.

– Спасибо. Они здесь, во дворе заставы. – Чхартишвили положил трубку.

– Готовьтесь, ребята, сейчас приведу к вам экскурсантов! – предупредил я Щербину и Джакели.

– Делать им нечего... Надоели! – проворчал Щербина. Я спустился по лесенке и поспешил на заставу.

Во дворе ждали человек десять экскурсантов. Один из мужчин был, безусловно, директор. Полная дама, опиравшаяся на руку директора, о чем-то шепталась со стоявшим тут же мальчиком. Другая – помоложе – блондинка, вооруженная двумя фотоаппаратами и блокнотом, с интересом озиралась вокруг. Как только я подошел и поздоровался с гостями, она по очереди из обоих аппаратов сфотографировала меня. Экскурсанты, протягивая мне руку, называли свои имена, и лишь директор представился официально – по фамилии.

– Уважаемая, аппараты и блокнот придется оставить здесь, – обратился я к блондинке.

Она тотчас же положила свое снаряжение на траву, но скрыть беспокойства не смогла.

– Не волнуйтесь, – успокоил я ее, – не пропадет.

– Что вы, я не потому... Как бы они не отсырели на земле...

– Будьте спокойны!

Я пригласил экскурсантов следовать за мной. Подойдя к линии границы, я приступил к исполнению обязанностей экскурсовода:

– История нашей заставы начинается со дня ее основания. Застава является передовой. Многие наши пограничники отличились при охране Государственной границы. С сорок первого по нынешний год здесь задержано 248 нарушителей, в том числе 86 особо опасных агентов иностранных разведок.

– Что же этим господам нужно? – строго спросил директор. – Чтоб им провалиться! – воскликнула директорша.

– Линия границы, – продолжал я, – проходит по такой-то параллели, по такому-то меридиану. В результате, как видите, один брат, можно сказать, живет по эту, а другой – по ту сторону границы.

– Неужели они не жаждут видеть друг друга? – спросил кто-то.

– Еще как!

– И не хотят перейти к нам?

– Очень даже хотят. Но мы не разрешаем.

– И напрасно! – произнес назидательно директор. – Пусть переходят. Слава богу, найдется чем их кормить и поить!

– Знаете, этак самим здесь места не хватит, – ответил я, –

придется нам перебираться туда, к ним.

– Вы, товарищ, не шутите! – обиделся директор.

– А кстати, – вмешалась блондинка, – если, скажем, с этого места сбежит человек туда, вы сумеете догнать его?

– Сумеем.

– Ну, а если не сумеете?

– Застрелим!

– Но ведь он будет уже на чужой территории? У вас есть такое право?

– Такого права у нас нет, и все же будем стрелять.

– А если по морю?

– Что – по морю?

– Если, скажем, войдет человек в море и поплывет туда, как скоро он доберется до них?

– Это смотря какой он пловец. Можно добраться и за пять минут.

– А как вы его задержите? – Будем стрелять!

– А если он сбежит ночью?

– Уважаемая, если вам так хочется туда, нет необходимости бежать и плыть под пулями. Купите сторублевую путевку и езжайте себе на здоровье.

– Что вы, что вы! – вскрикнула блондинка. – С какой стати мне ехать туда?.. Я... мне... у меня вполне приличный оклад и вообще...

Мы направились к вышке. По дороге встретились с Пархоменко, он с трудом удерживал Акбара, огромную овчарку,

занявшую место погибшей Танго.

– Ну как, ладишь с Акбаром? – спросил я.

– Да ничего, привыкает. Сегодня еще ни разу не кусал, – улыбнулся Пархоменко.

– Можно положить ему руку в рот? – спросил директорский сынок, подходя к овчарке.

– Положить-то можно, только вряд ли сумеешь вынуть! – ответил Пархоменко.

Побледневшая директорша за ухо оттащила умное дитя. Подошли к вышке.

– Джакели! – крикнул я. – Откинь крышку люка. Поднимайтесь, пожалуйста, по трое, – обратился я к экскурсантам.

Первыми поднялись директор, его супруга с сыном и блондинка. Поднялся и я.

– Товарищ лейтенант!..

– Вольно, Джакели... Дайте товарищам бинокль и объясните, что и как!

– Перед вами, направо, видна мечеть с минаретом, – начал Джакели. – Час тому назад на нем стоял молла, молился...

– Как же он туда взбирается? – удивилась директорша.

– По лестнице, – объяснил Джакели.

– Да, на такой высоте невольно поверишь в бога, – вздохнула блондинка.

– Между прочим, чем выше поднимается человек, тем меньше он верит в бога, – ответил Джакели.

– Да?

– Точно! Вот, например, Пархоменко: он ходит по земле и потому молится вместе с моллой... А мы с Щербиной стоим на вышке, и потому нам напл... начихать на моллу!

– Правильно! – подтвердил Щербина.

– А что, разве молла молится и в нашу сторону? – спросила директорша.

– Конечно!

– А он имеет такое право? – спросил директор. Щербина и Джакели удивленно посмотрели на меня. Я подмигнул им.

– Такого права он, разумеется, не имеет, но все же молится, – ответил Джакели.

– Какие же меры мы принимаем? – возмутился директор.

– Меры? – переспросил Щербина. – А какие тут помогут меры? Вот недавно направили турецкому правительству ноту: запретите, дескать, вашему молле при молитве оборачиваться в нашу сторону или, в крайнем случае, завяжите ему глаза. Турки ответили, что, несмотря на вполне добрососедские с нами отношения, они не в состоянии удовлетворить наше требование, так как молла наотрез отказался лезть на минарет с завязанными глазами, а поэтому они предлагают нам организовать, если желаем, контрмолитву через нашего православного попа... Вот так и ответили...

Директор подозрительно покосился на Щербину. Джакели, прикусив губу, поднес к глазам бинокль. Я быстро отвернулся.

– Вот в том доме, – начал Джакели, – живет сельский ста-

роста, а в том – учитель. Во-о-он там, видите, идет женщина? Это жена учителя...

– Кстати, как они относятся к женщинам? – спросила директорша.

– Ужасно! – ответил Джакели. – У здешнего учителя нет быков, так он вместо них впрягает в плуг собственную жену... Позавчера у них был день получки. Учитель вернулся домой пьяный, избил жену веревкой... А что он с учениками вытворяет! За малейший проступок отрезает у них уши!

– Так неужели его не накажут за это?! – воскликнула директорша, обняв, на всякий случай, сына.

– Какое там! Ему за каждое ухо выплачивают по лире, – улыбнулся Щербина.

Блондинка, поняв, наконец, что ребята издеваются над ними, попросилась вниз. За ней последовали остальные.

– Щербина, не слишком ли длинные языки у тебя да у твоего дружка Джакели? – спросил я, отстав от гостей.

– Так точно, товарищ лейтенант! – вытянулся он.

– А знаешь ли ты, что за это можно и гауптвахту заработать?

– Знаю, товарищ лейтенант!

– А ты знаешь, Джакели?

– Как не знать, товарищ лейтенант, по этой причине мы с Щербиной уже дважды побывали там!

Ну, что ты скажешь!

Я махнул рукой и пошел догонять экскурсантов.

Помнишь, Саргис, в пятьдесят пятом я один месяц про-работал на Ткварчельской шахте. Тогда я решил, что не может быть на свете профессии тяжелее шахтерской. В шестьдесят втором вместе с цнорскими пастухами пошел на зимние пастбища. Дни, проведенные на шахте, мне тогда показались райской жизнью. А теперь скажу тебе, что по сравнению с пограничной службой зимние пастбища – сама божья обитель! Пограничник не спит, пограничник мерзнет, пограничник задыхается от жары, пограничнику бывает больно... А мы с тобой... Напишем две с половиной строчки и воображаем, что весь мир принадлежит нам! Подавайте нам гоно-рар, хвалебные рецензии, встречи, юбилеи, путевки, почетные должности и, наконец, место на Мтацминде!.. А погра-ничник ничего не требует. Он безмолвно делает свое дело. Он совершает геройский поступок и молчит. Похвалят его, он:

– Служу Советскому Союзу!

Он поднимается в любое время дня и ночи. Одевается. Идет. Вернется ли он? Этого никто не знает. Он не умел пол-зать по скале, но нужно, и он ползет. Он никогда до этого не плавал, но нужно, и он плывет... Это нечто совершенно особенное – пограничник! В нем живет одно-единственное чувство – всепоглощающее, всеобъемлющее чувство любви к Родине, родной земле, солнцу и морю, деревьям и травам, хлебу и винограду, дворцам и развалинам... Пограничник мыслит, дышит, просыпается и засыпает с одной-единствен-

ной думой – думой о святом своем долге, о святой своей обязанности: о защите Родины. Вот что такое пограничник. Вот какой человек майор Чхартишвили.

Сегодня из Сухуми приехала жена Чхартишвили – мило-видная, скромная женщина.

Майор пригласил меня на чашку чая.

И вот я сижу в небольшой комнате Чхартишвили и с удовольствием вдыхаю аромат чая. Какое все же счастье – домашний уют, семейное тепло... Я смотрю на стоящую в углу кровать с пестрым покрывалом, и меня невольно начинает клонить ко сну.

Чхартишвили сидит задумавшись и монотонно помещивает чай ложкой. Он молчит. Он всегда молчит, если с ним не заговорить/Жена майора, сложив руки на коленях, сидит в другом углу и так же молча наблюдает за нами. Удивительно красивые и печальные глаза у нее!

– Нина Сергеевна, пожалуйста к столу, – прошу я.

– Ничего, посижу тут, а вы угощайтесь, прошу вас, – тихо отвечает она.

– Иди к нам, Нина! – говорит Чхартишвили.

– Сейчас сварю кофе и приду, – говорит она и выходит.

– Жаль ее... – вздыхает майор, – пятнадцать лет живем вместе... Муж я, казалось бы, неплохой, зарплату до последней копейки отдаю ей – мне-то здесь деньги ни к чему, каждый год посылаю отдыхать по путевке, трижды ездила за границу... Мебель рижскую купил... Дочка в музыкальном тех-

никуме... Не пью, не курю... В прошлом году подарил ей на день рождения платье... Обняла меня и заплакала. Чего, говорю, плачешь? Молчит, а слезы – кап, кап... Видно, еще в чем-то они, женщины, нуждаются, кроме того, что есть у них муж и барахло там всякое... Но в чем, черт возьми? В любви? Так я ее обожаю! Чего же еще? Я не знаю, не понимаю... А сама – ни слова об этом. Я, говорит, счастлива! Вижу, что-то и не так, а что именно – убейте меня, не пойму! – Чхартишвили разлил коньяк, чокнулся со мной. – А как вы думаете?

– Что вам сказать, дорогой Алеша... – Я пожал плечами, отпил глоток. – Со дня сотворения человека писатели всего мира об этом пишут, теряются в догадках – что нужно женщине? Как называется то, чего не хватает нам с вами? На самом ли деле любовь то, что нам кажется любовью? И никто еще не ответил на эти вопросы. Что же могу ответить я?

В комнату вошла Нина Сергеевна с двумя чашками дымящегося турецкого кофе.

– Угощайтесь... Вижу, чай вы не пьете, может, кофе понравится?

– Сядь с нами. – Чхартишвили взял жену за руку, привлек к себе и крепко обнял за плечи.

– Алеша! С ума сошел! – Женщина вспыхнула и вырвалась из объятий мужа.

– Вот видите, Владимир? – смущенно улыбнулся Чхартишвили. – Чего-то нам не хватает!

– Дорогой мой, любая женщина, даже самая простая, самая примитивная, всегда остается загадкой для мужчины, она вне пределов нашего понимания, поэтому не будем философствовать... Ваше здоровье, Нина Сергеевна! – Я выпил.

– Спасибо! – проговорила женщина, подняв рюмку мужа, чуть помедлила, потом быстро осушила ее и поставила пустую рюмку перед майором.

– Ему нельзя, – сказала она извиняюще.

– Ну уж, нельзя! Одну рюмку... – сказал я.

– Пограничник – как ищейка: спиртное притупляет обоняние, – улыбнулась она. Я вопросительно взглянул на майора.

– Сегодня можно. Налей мне, Нина, выпью за твое здоровье! – попросил Чхартишвили.

Жена налила.

– Дорогой Владимир, – начал майор, – я хочу выпить за здоровье моей жены. Вообще-то я не мастер произносить тосты, тем более – красивые тосты, но... С Ниной я познакомился в торжественный день, на нашем выпускном вечере. Их школа шефствовала над нашим училищем, или наоборот, я уж не помню. В тот вечер, когда мы впервые нацепили погоны со звездочкой младшего лейтенанта, пришли к нам школьницы – в коричневых форменных платьицах, в белых фартуках, с розовыми бантиками в волосах. Много их было! Ну, естественно, начались танцы. Играл наш военный ор-

кестр. Я пригласил на вальс Нину... А спустя месяц она заявила мне, что готова идти со мной хоть на край света... Мы поженились. Отец Нины закатил всемирный скандал и даже вызвал меня на дуэль... Я явился на место дуэли со значком «Ворошиловского стрелка» на груди. Испугался папаша или еще что – не знаю, однако стреляться не стал, и мы помирились. С тех пор прошло пятнадцать лет... А теперь слушайте про другое... Года два тому назад появился в нашем селе некий дядя – мастер, да какой! Золотые руки! Подрядился он одному колхознику ставить дом. И поставил – село ахнуло! И пошло, и пошло! Все новые дома – его работа. И потребовал сельский сход оставить его здесь, выделить ему участок, оформить как полагается и все такое... Клянусь вам, не лежало у меня сердце к этому человеку! Не нравились мне его глаза – зеленые, змеиные глаза! Улыбался он одними губами, а глаза были холодные, словно неживые... Но воля народа взяла верх. Целый год он трудился, как двужильный: строил, красил, украшал, подправлял. Село души в нем не чаяло... Подходит он как-то вечерком ко мне и говорит:

– Товарищ майор, вчера я закладывал фундамент дома Феридэ и заметил: в конце двора, под заграждением – дыра здоровенная, человек свободно пролезет. Водой, видно, промыло. Так вы посмотрите, пожалуйста, и велите заделать. Чем черт не шутит, сами понимаете...

А сам все улыбается змеиной своей улыбкой. Пошел я, конечно. Действительно, дыра зияет большущая! Заделали

ее, разумеется, в два счета. А ему я объявил благодарность в приказе.

Осенью, когда поспели мандарины, дом Феридэ был готов, оставалась самая малость – окрасить столбы. Пошел я к ней – дай, думаю, посмотрю, какой получился дом у нашей Феридэ. Вы, конечно, знаете, что Феридэ – женщина самой высокой нравственности, просто святая, да и только. А тут – что такое? Вижу, на балконе сидит наш мастер и водку попивает! Феридэ тут же рукодельничает. Мастер встречает меня, словно хозяин дома:

– О, товарищ майор! Пожалуйста, присаживайтесь! Сыграем в шахматы?

Я сел.

– Прошу вас, товарищ майор! – Он налил мне водку. – Выпьем за новый дом Феридэ.

Выпил. Сглупил я! Не должен был пить, а ведь выпил!

– Сыграем, товарищ майор? Вам черные или белые?

– Черные!

В шахматы я играю неважно. Дай, думаю, сыграю черными: буду повторять все ходы белых...

На десятом ходу стало ясно – проигрываю. И взяла меня злоба: неужели, думаю, этот аспид одолеет меня?! Не бывать этому! Поверите? Произошло чудо: партию, а за ней подряд еще девять выиграл я! Он молчал, лишь время от времени поглядывал на часы. Без десяти двенадцать начали новую партию. На пятой минуте он взял моего ферзя, на седьмой –

ладью, на восьмой – коня, а на десятой я получил такой мат, не знал куда деваться от стыда!

– Сыграем еще! – предложил я.

– Десять один в вашу пользу, товарищ майор, – сказал он, вставая, – завтра продолжим, если пожелаете... Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Якобашвили!.. – ответил я.

– Феридэ, – обратился он к вдове, – утром приду рано, инструмент оставлю здесь.

Он ушел. Я последовал за ним. У родника мы расстались. Я взглянул на часы: было десять минут первого – время смены нарядов.

– Спокойной ночи! – еще раз попрощался он и скрылся в темноте.

– «Зачем ты его отпустил! – слышу я внутренний голос, – иди за ним! Нельзя доверять человеку с такими змеиными глазами!..» «Спокойно, майор! – слышу я другой голос. – Водка вскружила тебе голову! Бдительность – твой долг, но перебарщивать не имеешь права!..»

Я вернулся на заставу, отправил наряды, потом заглянул домой.

– Нина, – говорю жене, – не верю я этому Якобашвили! Знаешь, он нарочно проиграл мне в шахматы десять партий, а потом, издеваясь, за десять минут дал мат!

– Спи, – говорит Нина, – где выигрыш, там и проигрыш. Впервые в жизни я не послушался ее. Переложил пистолет

из кобуры в карман и собрался идти на границу.

Майор налил мне коньяк, сам отпил остывший кофе.

– Не надо, Алеша, – попросила жена.

– Погоди, Нина, я впервые рассказываю эту историю и хочу, чтобы Владимир узнал все до конца!

– Не надо, милый! – повторила женщина.

– Надо! – ответил майор, и я понял, что последнее слово останется за ним. – Не успел я взять фонарь, как ворвался дежурный: «Товарищ майор! Во дворе вдовы сработала система!»

Меня подбросило, словно ударом молнии. «Нина, – крикнул я, – это он!» – и бросился из комнаты.

Вся застава была на ногах. Следы в конце двора Феридэ ясно говорили: ушел!

– Ракеты! – крикнул я. Белые и красные вспышки осветили границу. С пистолетом в руках я кинулся вперед и тут же увидел бегущего мужчину. Да, это был он! Дрожа и задыхаясь от ярости, я выпустил все семь пуль. Он продолжал бежать метрах в пятнадцати впереди, и у меня не было пули, чтобы убить его! Черт с ним, у меня не было пули, чтобы убить себя! Я продолжал бежать, видя, как сокращается разрыв между нами. И когда я уже почти настиг его, он обернулся и навел на меня пистолет.

Вдруг раздалась короткая автоматная очередь. Якобашвили схватился за поясницу и пошатнулся. Вслед за первой раздавалась вторая – подлиннее – очередь, и он упал. Я присло-

нился к дереву и закрыл глаза.

– Алеша, очнись! Алеша! Алеша, очнись! – застучали в сознании, словно удары молотка, чьи-то слова.

Потом я тащил труп по проселочной дороге, и кто-то, вооруженный автоматом, следовал за мной. Больше я ничего не помню...

Майор замолчал. Нина Сергеевна сидела, опустив голову.

– Мда-а... Можно сказать, вовремя кто-то вам помог, – заметил я.

– Этот «кто-то» и была Нина! – сказал майор. Нина Сергеевна быстро встала и вышла из комнаты.

– С тех пор она мучается... «Убийца, – говорит, – я!» Единственное, что утешает ее, это то, что убила она, спасая меня.

– Что же было дальше?

– Якобашвили, – ну, фамилия его, конечно, была вовсе не Якобашвили, – оказался крупным шпионом... Меня и Нину наградили... Так вот, я хотел выпить за ее здоровье... Видите, как оно в жизни получается? В день свадьбы обещал жене золотые горы и молочные реки, а нет дня, чтобы она не плакала! Ночью вскакивает с постели!.. Не знаю, как ее утешить... Нина! – крикнул он. – Поди сюда, Владимир Гаврилович просит!

Нина Сергеевна вошла, присела в углу и посмотрела на меня своими грустными, красивыми, полными слез глазами. Я встал.

– Уважаемая Нина Сергеевна! Я счастлив... Я горжусь...
Благословен день, когда вы... Майор, разрешите мне по-
братски поцеловать вашу супругу?

Я чувствовал, что выгляжу смешным. Чхартишвили улыб-
нулся и кивнул головой. Подойдя к Нине Сергеевне и взяв ее
за горячие виски, я поцеловал ее в лоб. Потом вернулся на
свое место, сел и закурил. Женщина улыбнулась, хоть глаза
ее по-прежнему были полны слез.

Я собрался уходить.

– До свидания!

– Спокойной ночи! Как вы сказали? Любая женщина, да-
же самая примитивная, всегда остается загадкой для мужчи-
ны?

– Да, – ответил я.

Комната, в которой я живу, раньше использовалась как
хозяйственное помещение. Здесь прачка гладила белье, про-
стыни, наволочки. Одежду солдаты гладят сами. С моим
приездом в комнате не изменилось почти ничего – постави-
ли койку и старое расшатанное кресло. Стол – длинный, со
следами от горячего утюга – остался. Бумагу я привез с со-
бой, а тут еще Чхартишвили прислал огромную кипу. Гля-
дя на бумажную гору, выросшую на столе, я невольно улы-
баюсь. При каждом визите майор косится на кипу – умень-
шается ли она? И я, боясь огорчить его, каждый день беру
из кипы и прячу десяток-полтора листов. До каких пор? Ис-
пользовать всю эту бумагу за два месяца не сумеет весь наш

Союз писателей...

На той самой бумаге и пишу тебе, дорогой Саргис. Сажу во главе стола, словно покинутый всеми тамада, и пишу.

...Три часа ночи. Я раскрываю окно, и в комнату врывается дыхание чудесной южной ночи. Тихо кругом. Замерло, спит море. Небо усеяно звездами. Издали доносится монотонный рокот движка – это работает мотор, питающий прожекторы. Главный прожектор горит, словно глаз гигантского циклопа. Сейчас его луч лежит вдоль берега, высвечивая каждый камешек. Потом он не спеша передвигается дальше и вдруг белой простыней покрывает морскую гладь. Полоса воды, выхваченная из темной необозримой поверхности моря, искрится, переливается огнями. Потом луч вытягивается вдоль самой границы, и кажется, это кто-то невидимый проложил по воде длинную бесконечную дорогу.

Я закрываю окно. Пора спать. Вдруг раздается стук в дверь. Кто это может быть?

В дверях стоит Чхартишвили.

– Владимир Гаврилович, на берегу обнаружены следы человека... Нужно усилить наблюдение... Я с лейтенантами пойдем по следам, вы с ребятами – вдоль берега.

– Понятно, товарищ майор!

– Ребята уже готовы. – Понятно.

– Спокойно, без паники, без шума! Приступайте к выполнению!

– Есть приступать к выполнению!

...Джакели, Щербина и Пархоменко встретили меня во дворе. Другая группа уже выступила. Мы направились к берегу. Три пограничника спускали на воду моторную лодку. Мы помогли им. Ребята вскочили в лодку, один из них рванул за привод, мотор заклокотал, и лодка, вздернув нос, растаяла в темноте.

Прожектора обшаривали море. Луч главного прожектора, вытянувшись по берегу, упирался в скалу. Мы пошли по освещенной полосе. Впереди шагал Пархоменко с собакой.

– Ищи, Акбар, ищи, дорогой! – шептал Пархоменко. Акбар метался, обнюхивал камни, рвался вперед. Джакели с автоматом наготове шел по самой кромке берега. Щербина – по краю пляжа, я – посередине и чуть сзади. Так, в ромбовидном порядке мы достигли скалы, которая уступом врезалась в море. Здесь обрывался луч прожектора, дальше была тьма. Мы свернули на узкую тропинку, огибающую скалу справа, и, вытянувшись в цепочку, стали подниматься вверх. С трудом продирались сквозь густые, колючие кусты, падали, ползли, не видя друг друга, не разбирая дороги. Пришлось зажечь фонари.

Саргис, это походило на игру в прятки, но с одной разницей: игра шла не на жизнь, а на смерть... Где-то в лесу скрывался человек, найти которого мы должны были хотя бы ценою собственной жизни, человек, который также ценою собственной жизни должен был ускользнуть от нас...

...Пархоменко уже не видно – он ушел далеко вперед.

– Джакели, где ты? – спрашиваю вполголоса.

– Здесь я, товарищ лейтенант! – доносится его голос снизу.

– Где Пархоменко?

– Он впереди. Если Акбар возьмет след, он даст сигнал.

– А Щербина?

– Он где-то наверху.

– Щербина! – зову я.

– Эй, Щербина! – зовет Джакели.

– Э-е-ей! – слышим голос Щербины издалека.

– Куда он залез, чудак! Что ему там нужно, на скале?! – ворчит Джакели. – Эй, Щербина, спускайся сюда! – кричит он.

Ответа нет. Мы двигаемся вперед, карабкаясь по огромным валунам, путаясь в зарослях колючек.

– Джакели! Где ты?

– Зде-е-есь! – еле доносится снизу. Видно, он отстал.

– Щербина-а-а!

Ни звука... Пархоменко не стоит и звать – не дозовешься. Надо было держаться всем вместе в этих джунглях!.. Как же быть теперь? Я почувствовал в сердце предательский холодок. Вынул из кобуры пистолет, я еще раз крикнул:

– Щербина, Джакели, Пархоменко, где вы?

– Э-е-е-й! – ответил кто-то.

Ладно, бог с ними. Еще немного, и выберусь из зарослей, а там и мандариновый сад колхоза. Передохну, съем пару ман-

даринов...

Я включил фонарь, огляделся. Правильно! Вот деревянный мостик через горный ручей. Значит, скоро сад. Я вздохнул свободно. Вдруг наверху что-то загрохотало, задвигалось и со страшным шумом обрушилось вниз. «Сорвался камень!» – промелькнуло в голове, и я быстро укрылся за выступом скалы. Огромная глыба пронеслась, чуть не задев меня, и покатилась вниз, к морю.

– Эй, вы что, с ума сошли? – заорал Джакели.

– В чем дело? – откликнулся спереди Пархоменко. Залаял Акбар.

– Где вы, ребята? – крикнул я.

– Я здесь, внизу, иду к вам! – ответил Джакели.

– Я здесь, товарищ лейтенант! – отозвался Пархоменко.

– Щербина, где ты? – снова крикнул я. Никто не ответил.

– Щербина-а-а!

– Ина-а... Ина-а... Ина-а... – ответило эхо.

– Щербина! – заревел я. – Где ты, Щербина?! Ни звука.

– Джакели, ко мне! Быстро!

– Бегу, товарищ лейтенант!

Через несколько минут он вынырнул из кустов.

– Нет Щербины! – сказал я.

– А где он? – спросил он.

– Нет его!

– Щербина! – крикнул Джакели. Не получив ответа, он удивленно взглянул на меня.

– Щербина! – опять крикнул Джакели, – Щербина! Где ты, Щербина! Брось валять дурака, отвечай, где ты, Щербина?!

Он вдруг умолк, бросил автомат и стал карабкаться вверх по скале.

– Джакели, назад! – приказал я. Он не обратил на меня внимания.

– Щербина, Щербина!

Из зарослей показалась голова Акбара, за ним появился Пархоменко.

– Что случилось, товарищ лейтенант? – спросил он, еле переводя дыхание.

– Пропал Щербина.

– Как это – пропал? Что он, маленький? – улыбнулся Пархоменко.

Вернулся Джакели.

– Нету! – проговорил он упавшим голосом.

– Да что вы, – забеспокоился Пархоменко, – серьезно?

– Пусти собаку! Пусть ищет! – Джакели сорвался с места и помчался вниз.

– Акбар, ищи Щербину! Щербина, Акбар! Щербина! – крикнул Пархоменко. – Пошел, Акбар!

Собака исчезла в темноте. Пархоменко побежал за ней.

– Щербина-а-а! Петро-о-о! – услышал я голос Джакели. – Эй-э-ей!.. Щербина, где ты-и-и?!

Вдруг голос его оборвался. Наступило гробовое молчание. Я не помню, сколько времени длилось оно – минуту,

час, вечность? Потом там, внизу, у моря залаял Акбар. Это не был лай обученной пограничной овчарки – строгий, четкий, сдержанный. Акбар лаял и жалобно скулил, как побитый дворовой пес...

Щербина лежал на спине между двумя большими валунами. Лицо его, белое, как полотно, было спокойно. Из рта медленно, по капельке сочилась кровь... Перед ним на коленях стоял Джакели, гладил его по груди и тихо шептал:

– Что, Петро, больно? Отвечай мне! Петро, что с тобой? Петро, дорогой мой, ну скажи мне хоть слово! Ну открой глаза, Петро! Как тебе не стыдно, Петро, ты у нас молодец, герой!.. Ну, Петро, взгляни на меня, это я, Джакели, твой брат... Вот и Пархоменко здесь, слышишь, Петро? Ну очнись, милый мой, Петро, очнись!..

Джакели плакал, как ребенок, тихо всхлипывая, глотал слезы. Он плакал и просил Щербину открыть глаза, сказать хоть одно слово...

А Щербина лежал без движения.

Вдруг где-то взвилась ракета. На миг она звездой повисла в небе, потом медленно, плавно поплыла вниз, озарив белым, мертвенным светом и без того бледные лица ребят.

– Петро, очнись, поймали его! Видишь, белая ракета! Ну, очнись, Петро, дорогой!.. Прошу тебя, Петро!

Джакели плакал громко, навзрыд. Плакал Пархоменко. У меня дрожали руки, подкашивались колени. С трудом сдерживая себя, я опустил на песок.

– Дай красную ракету! – приказал я Пархоменко. Он достал ракетницу, поднял ее вверх и выстрелил. Взвились красные огни – один, другой, третий. Небо осветилось кровавым светом. Это был сигнал тревоги.

...Вокруг нас по одному, по два стали собираться пограничники. Никто ни о чем не спрашивал, никто ничего не говорил. Все ясно, как божий день.

Окруженный плотным кольцом товарищей по оружию, на берегу моря, между двумя большими валунами, лежал двадцатилетний парень Петр Щербина. Все ярче в темноте вырисовывалось его тело, и, наконец мы увидели его – красивый, черноволосый, спокойный, он словно спал мирным сном после тяжелой вахты...

...Погасла последняя звезда. Вдруг побледнела ночь. Заколыхалось море.

На границе наступило утро...

Я лежал на койке одетый, без единой мысли в голове. Передо мной была пустота – огромная, бескрайняя пустота, и я плавал в этой пустоте, не зная, за что ухватиться.

Вошел Чхартишвили. Он опустился в кресло, достал сигареты, протянул мне, закурил сам. Минут пять молча курил, нервно затягиваясь. Не найдя пепельницы, он потушил окурок прямо о стол и встал.

– Этот ублюдок в клубе... Допросите его, Владимир Гаврилович. Я не могу...

Я взял бумагу и направился в клуб.

...Бледный, с покрасневшими глазами блондин лет девятнадцати быстро встал при моем появлении, поправил брюки. Я уселся за стол, достал из кармана ручку, пачку сигарет, бумагу и, не поднимая головы, спросил:

– Фамилия?

.....

– Имя?

.....

– Отчество?

.....

– Сядь! Я закурил.

– Можно мне?

– Можно.

Он жадно схватил сигарету, затянулся.

Мне не раз приходилось задавать людям вопросы. Самые различные. Часами я выслушивал людей. Допрашивал же человека впервые. Я не знал, с чего и как начинать... Он сидел, сложив руки на коленях, и дрожал.

– Холодно, – сказал он, словно оправдываясь, и неловко улыбнулся.

– От страха дрожишь! – сказал я. Он опустил голову и промолчал. – Что с твоим глазом? Ушибся?

– Это ваш солдат меня ударил. Я буду на него жаловаться!

– Кому?

– Генеральному прокурору!

– Генеральный прокурор тебе не поможет. Разве что в

ООН... Там разберутся, – посоветовал я.

Он понял иронию и вскочил.

– Вы что думаете, на свете нет закона?!

– Сиди, сопляк! Если б не закон, думаешь, стали бы мы с тобой еще разговаривать?

Он сел.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать... Можно воды?

Я налил ему стакан. "Он одним духом осушил его и вернулся на свое место.

– Родители есть?

– Есть.

– Где они?

– Дома.

– Знают, где ты?

– Нет.

– Почему?

– Я ушел из дому. Живу самостоятельно...

– Откуда сюда приехал?

– Из Одессы.

– Как ты проник в пограничную зону?

– Не знаю... На карте так: река, потом сразу – Турция. Я ночью переплыл реку, спрятался в кустах... Мимо прошли солдаты, они разговаривали по-русски. Я понял, что ошибся... Турция дальше...

– Потом?

– Потом я пошел прямо... Спустя час увидел красную ракету и понял: на мой след напали. Я побежал. Бежал, пока хватило сил. Потом лег. Потом меня поймали ваши солдаты.

– Куда ты пробирался?

– В Америку.

– Через Турцию?

– Через Турцию.

– Как же с родиной?

– С какой родиной?

– С твоей родиной!

– А, опять родина! – вскочил он. – Устал я от этой родины! Дома – родина, в школе – родина, по радио – родина, по телевизору – родина! Надоело! Моя родина там, где я буду счастлив!

– Значит, здесь ты несчастлив?

– Да, да, несчастлив! Здесь меня не понимают! Родители контролируют каждый мой шаг! Копаются в моей душе! У меня нет личной жизни! Я хочу жить свободно! Понимаете – свободно! Делать то, что хочется мне! Понимаете?!

– Понимаю. И ты уверен, что в Америке будешь делать все, что тебе заблагорассудится?

– Да, да! Именно! Там все живут в свое удовольствие!

– Ну, конечно! Девочки в коротких юбках, коньяк, джин, кальвадос, ночные бары, лимузины, доллары...

– Да, доллары! – выкрикнул он.

– Стоит на Бродвее дерево, а на нем вместо листьев растут

доллары. Пришел, сорвал, сколько тебе угодно... Так?

– Да, да, так!

Я с трудом преодолел желание закатить ему хорошую оплеуху.

– Какое у тебя образование?

– Среднее.

– Профессия?

– Никакой.

– Работаете?

– Нет.

– Деньги имеешь?

– Нет.

– Иностранными языками владеешь?

– Нет.

– Так куда же ты лезешь, кретин?! Кому ты там нужен, в Америке?! Ведь тебе и куска хлеба, стакана воды никто не подаст! Идиот! Думаешь, будут там тебя на руках носить? Да ты сдохнешь от голода ровно за столько дней, сколько человек может прожить без пищи, понимаешь ли ты это?

Он молчал. Я смотрел на этого сбившегося с пути дурака и не знал, чего он больше достоин – ненависти или сожаления... Он напомнил мне одного молодого морфиниста, часто встречавшегося в подъезде нашего дома. Как-то я завел его к себе и стал учить уму-разуму. Обрюзгший, одурелый, еле ворочая языком, он что-то лепетал о непонятой родителями его душе, о бессмысленности жизни, о том, что един-

ственное спасение – это самозабвение...

И теперь при виде этого безвольного, пожелтевшего лица у меня мелькнуло подозрение...

– Ну-ка, засучи рукава! – приказал я.

– Чего? – вздрогнул он.

– Покажи руки! – повторил я.

– Зачем это? – взъерошился он.

– Засучи, говорю, рукава! – крикнул я, вставая.

Он неохотно стал закатывать рукава сорочки, и я увидел на его венах красные точки – следы укулов.

– Что это?

– Это глюкоза... У меня малокровие...

– Ты морфинист!

– Я больной! – проговорил он, отводя взгляд.

– Ты – морфинист, негодяй, испорченный, жалкий подонок! Вот кто ты такой!

Он молчал и дрожащими пальцами застегивал пуговицы на манжетах.

– Из-за тебя погиб человек, замечательный наш товарищ! Ты знаешь об этом? – сказал я и почувствовал, что во мне закипает злоба.

– Ничего я не знаю, – захныкал он, – я никого не убивал...

Что вы от меня хотите?

– Я спрашиваю, понимаешь ли ты, что из-за тебя мы потеряли прекрасного парня!

– Меня расстреляют? Ведь я никого не убил... Что со

мною сделают? Скажите!

– Не знаю, я не прокурор и не судья...

– Я же не шпион! Я просто хотел уйти! Что вам нужно? Отпустите меня, я уеду домой. Что вы хотите?!

– Была бы моя воля, я бы тебе показал...

– Никуда я не убегу... Отпустите меня... – Он заплакал и уткнулся головой в руки Дав ему выплакаться, я протянул сигарету. Он тотчас же схватил ее и закурил.

– Кого или что ты любишь? – спросил я. Он не ответил.

– Скажи, любишь ты кого-нибудь? – повторил я. Он кивнул головой.

– Кого?

Он долго думал, но так и не смог сообразить... Быть может, сообразил, но постыдился сказать.

– Никого и ничего, кроме себя, ты на свете не любишь! – сказал я.

Он снова заплакал.

Со двора донеслись шум, громкие слова. В комнату вбежали два солдата.

– Товарищ лейтенант, можно вас на минутку?! Солдаты были чем-то взволнованы.

– В чем дело? – вскочил я.

– Выйдите, пожалуйста, на двор!

– Макаров! Оставайтесь здесь с задержанным! Ирмадзе со мной! – приказал я и быстро вышел из комнаты.

Перед зданием клуба шумели, волновались человек два-

дцать пограничников. Впереди стоял Джакели. При моем появлении они умолкли.

– Что случилось, товарищи? – спросил я. Ребята молчали.

– В чем дело, Джакели?

Джакели поднял голову. В глазах его блеснули слезы.

– Товарищ лейтенант, разрешите нам поговорить с задержанным! – произнес он глухо.

– Это еще зачем?

– Товарищ лейтенант, разрешите нам поговорить с задержанным! – повторил он, словно и не слышал меня.

– К майору! Быстро! – шепнул я стоявшему рядом Ирмадзе. Тот убежал.

– Разойдитесь, товарищи! – крикнул я. Никто не сдвинулся с места.

– Кому говорят? Разойдитесь!

– Товарищ лейтенант, покажите нам задержанного! – вновь повторил Джакели. Я понял, что приказом сейчас ничего не добьюсь.

– Ребята, возвращайтесь в казарму! Вы же знаете, что говорить с нарушителем сейчас вам нельзя! Разойдитесь!

Ребята угрюмо молчали. Никто не думал расходиться. Я растерялся. Еще минута, и они могут ворваться в клуб, схватить задержанного, и тогда...

И вдруг я с облегчением вздохнул: я увидел бегущего к нам майора.

– Что тут происходит?! – спросил он и окинул всех гроз-

ным, взглядом. – Немедленно разойтись по местам!

Солдаты зашумели, задвигались, но продолжали стоять.

– Кру-у-у-гом! – крикнул Чхартишвили, подняв вверх руку.

Все, как один, повернулись спиной.

– К казарме строевым ша-а-агом... а-а-арш!

Через минуту двор опустел. Лишь один Джакели, понуриив голову, стоял, словно вкопанный.

– Джакели, была команда шагом марш! – сказал майор.

Джакели не сдвинулся с места. Чхартишвили взглянул на меня – у него дрожал подбородок. Медленно подошел он к Джакели, привлек его к груди и ласково потрепал по щеке.

– Иди, Джакели, к себе, отдохни, успокойся... Поверь мне – чего нельзя, того нельзя делать! Иди, мой мальчик, отдохни!..

Джакели осторожно высвободился из объятий майора, молча повернулся и поплелся в казарму...

...Теперь полночь. И опять я Сижу во главе длинного, испещренного следами горячего утюга стола, один, словно покинутый тамада, и пишу тебе.

Пока как будто все. Остальное расскажу при встрече. До свидания, дорогой Саргис. Через неделю я кончаю службу, так что писать мне сюда уже не стоит. Передай привет всем, кто помнит меня.

Обнимаю тебя, твой Владимир Мдинарадзе».

Нас двое в комнате – я и Пархоменко. Группа Дзнеладзе

в наряде. Мы лежим и молчим. После гибели Щербины мы все время молчим – в наряде, в казарме, в столовой... А если заговорим, стараемся подбирать тему и фразы так, чтобы они не коснулись Щербины. И все же каждая фраза кончается Щербиной. Потому мы предпочитаем молчать. Мы лежим, молчим, и знаем, что каждый из нас думает о Щербине...

Я подхожу к окну. Листья на тополях давно пожелтели. Раскрываю окно, и комната наполняется приятной прохладой и запахом моря. Я одеваюсь, выхожу во двор. Пусто кругом... Лишь Рябов, скинув гимнастерку, крутится на турнике... Я иду к кухне. Мельком заглядываю в раскрытое окно канцелярии. За столом сидят майор и наш писатель. Они не замечают меня. Я обхожу кухню, иду на задний двор. Под сосной, на соломенной подстилке, лежит Мерабчик и лижет цепь.

За последние два месяца медвежонок вырос, возмужал. В свободные минуты ребята с удовольствием играют с ним. Но стоит обидеть Мерабчика, как он начинает грозно рычать и бросается на обидчика. Тогда – берегись! У медвежонок острые, как бритва, когти и зубы. Верный способ задобрить обиженного Мерабчика – протянуть ему бутылку с лимонадом. Он становится на задние лапы, пьет лимонад и стонет от наслаждения. Меня медвежонок любит: я чаще других бываю с ним и, кроме того, кормлю его сахаром. Вот и теперь, увидев меня, Мерабчик вскочил, закружился, потянулся ко мне. Я присел перед ним на корточки и протянул кусок са-

хара. Медвежонок слопал его с аппетитным хрустом.

– Дурачок ты, Мерабчик! Ни грамма мозгов в твоей глупой башке! Ну-ка скажи, помнишь свою маму?

– Сахару! – ворчит он.

– На, лопай и больше не проси! Значит, не помнишь, как мы убили твою маму? Тогда Щербина плакал... Забыл?

– Дай еще!

– Отстань, дурак!.. Хорошо, допустим, Щербину ты не помнишь, но разве можно забыть родную мать? Впрочем, может, это и к лучшему. Для нас обоих. Ты не знаешь, что у тебя убили маму, и, тем более, не подозреваешь, что ее убил я... Но я не убивал твою маму, Мерабчик, клянусь тебе, не убивал! Просто я был там и смотрел... Конечно, для тебя лучше так – ничего не знать, ни о чем не помнить... А как быть мне? Ведь я все помню – и свою маму, и своего папу, и Щербину... Скажи мне, Мерабчик, что мне делать?

– Нет больше сахару?

– Нету, дурачок... Эх ты, милый мой глупыш!

Мерабчик смешно кивает головой. Я сажусь на землю и начинаю чесать теплый живот медвежонка. Он тихо мурлычет и жмурится от удовольствия.

– Глупый, глупый мой Мерабчик...

– Что ты тут делаешь, Джакели?

Я вскакиваю. Передо мною стоит писатель.

– Ничего, товарищ лейтенант, Мерабчика кормлю сахаром.

– Вырос твой Мерабчик!

– Очень, товарищ лейтенант!

– Почему ты назвал его Мерабчиком?

– Так... Вдруг пришло в голову... Знакомого одного звали

Мерабом...

– А что, твой знакомый был похож на медведя?

– Что вы! Впрочем, по характеру, может, и был похож...

– Любил сахар?

– Может, и любил...

– Ты скоро уедешь, как же он будет здесь без тебя?

– Да никак, забудет скоро...

– Не думаю, он все сильнее привязывается к тебе.

– Ну, я не знаю... Поскучает, потом привыкнет...

– Джакели, почему не отдыхаешь? – спросил писатель.

– Не хочется, товарищ лейтенант.

– Ты ведь вчера дежурил?

– Так точно!

– И тебе не хочется спать?

– Нет, товарищ лейтенант. Писатель пошарил в карманах.

– Курить не найдется?

Я протянул ему пачку сигарет, спички. Он закурил, потом уселся на солому и стал почесывать живот Мерабчику. Медвежонок замер, блаженствуя.

– Джакели, тебе не хочется домой?

– Кому же домой не хочется, товарищ лейтенант! – улыбнулся я.

– Я говорил с майором... В общем, получишь недельный отпуск... Завтра с утра поедешь домой. Отдохни как следует!

– Спасибо, товарищ лейтенант!

– Спасибо скажешь майору...

– Обязательно, уважаемый Владимир!

Он встал, обнял меня за плечи и повел к казарме. У дверей мы остановились. Он бросил недокуренную сигарету и попросил новую. Потом повернулся и пошел к морю.

Занималось утро. По вокзальной площади гудя ползли две подметально-уборочные машины, за ними следовали две поливочные. С фонтанами воды, вырывавшимися, словно клыки, из-под кабины, они напоминали огромных моржей... Свежеполитый асфальт сверкал, как зеркало. После сперттого, прокисшего воздуха железнодорожного вагона утренняя свежесть осеннего Тбилиси одурманила меня. И когда одна из машин поравнялась со мной, я с удовольствием подставил себя под хрустальную струю. Водитель остановил машину и высунул голову в окно.

– Э, приятель, ты давно из психиатрической? – спросил он, помахивая рукой.

– Здорово, друг! – ответил я, схватил и крепко пожал его протянутую руку.

– Да... бывает... – произнес он с сожалением, покрутил указательным пальцем у виска, свистнул и тронул машину.

– Все бывает, друг! Пока, – помахал я ему на прощание и

зашагал вниз – к улице Ниношвили.

– Доброе утро, люди! Здравствуйте, тбилисцы! Куда вы спешите? Ведь пока даже не рассвело как следует! Почему вы смотрите в небо? Нет, дождя не было! И не собирается дождь! Смотрите, какое чистое небо! Почему же я мокрый? Отвечу, дорогие: я только что вышел из моря! Да, да! Вот так – в зеленой фуражке, с зелеными погонами и с черным чемоданчиком в руках! Волной выбросило! А как вы думали? Разве из воды вылезешь сухим?..

Здравствуйте, дворники с улицы Ниношвили! Это вы зажгли костры из пожелтевших осенних листьев? Осторожно, друзья! Не спалите мой город – мой любимый Тбилиси!..

Здравствуй, домишко, здравствуй, старик! Ты еще держишься? Не свалился? Молодец! О, и вы здесь, железные ворота? Вы по-прежнему на земле?

Здравствуй, кран, ворчун мой добрый! Привет вам, ведра, чайники, кувшины! Кто из вас крайний? Я буду за вами!..

Здравствуйте, воробушки! Что вы там хлопочете? Умываетесь? Да вы не бойтесь, это же я, Автандил Джакели!..

Здравствуй, будка! Как поживает дядя Рубен? Как же это он забыл выключить на ночь свет! А вы как, часы – наручные, карманные, стенные? Трудитесь? Ну-ну! Работайте! Как давно я не видел вас – целых полтора года! Долгий же путь вы прошли без меня!..

О, кого я вижу! Здравствуйте, сорочки! Какие вы чистые, свежие, белые. А ты чья, малютка? Я тебя не узнаю! Какая ты

маленькая и смешная!.. Здравствуй, Дадуня! Спишь? Спи, спи спокойно!..

Здравствуй, моя лестница! Бедняжка, опять ты без двух зубов? Боже, неужели не нашлось для тебя метровой доски?..

Здравствуй, моя дверь! Ну, как дела, старушка? Скрипишь? Привет тебе, звонок! Смотри, не подведи меня! Ну-ка, звякни по-старому!.. Раз, два, три!.. Сим-сим, откройся!!!

– Здравствуй, дядя Ванечка!

– Авто... Здравствуй, дорогой...

Вечером перед Институтом иностранных языков собирается толпа' молодых парней. В одиннадцать заканчиваются лекции. Парни ждут – кто с машиной, кто без машины. Они стоят порознь. У одних серьезный, озабоченный вид, другие разгуливают, словно им нет дела до института. Подойдет, попросит прикурить, а сам косится на твои часы – своим не доверяет...

Без четверти одиннадцать из дверей института появляется первая девушка. Она бежит, на ходу надевая пальто, оглядываясь по сторонам, не обращая внимания на мчащиеся машины. Перебежав улицу, она останавливается. Вдруг от толпы отделяется парень и медленно, как бы нехотя, будто и ничему не радуясь, направляется к девушке... Потом на улицу выплескивается нескончаемый девичий поток. Красивые, стройные, с волосами черными, светлыми, желтыми, серебристыми, каштановыми, красными и даже синими – они

идут, постукивая каблучками туфель, мокасин, сапожек, в коротких платьях, с сумками через плечо. Пестрый, благоухающий девичий поток сливается с другим потоком. Это ожидавшие их парни – в темных пиджачных парах, белоснежных сорочках. Соединившись, два потока текут по широкой и красивой улице, потом на площади возникает водоворот, который затем растекается небольшими струйками по бесчисленным улочкам, переулкам и тупикам.

– Здравствуй, Дадун!

Она удивленно взглянула на меня и не узнала. Я снял фуражку, неловко улыбнулся.

– Ой, Джако! – вскрикнула она, обняла меня, поцеловала в щеку. – Откуда? Боже мой, какой ты смешной! Ну-ка, надень фуражку!

Я повиновался.

– Генерал!.. Настоящий генерал!.. Хороший наблюдательный пункт! Ха-ха-ха, – звонко расхохоталась она. Вокруг нас, замедляя шаг, улыбались прохожие.

– Дадун, уйдем отсюда, неудобно, – попросил я, взяв ее под руку.

– Пойдем... Скажи, когда ты приехал?

– Утром.

– Надолго?

– На неделю.

Дадун опять окинула меня оценивающим взглядом с ног до головы и прыснула:

– Зеленый генерал!

– Даду, как ты живешь? – спросил я.

– По-старому, – ответила она.

– Как по-старому?

– Так. Занимаюсь, крашу волосы и брови, подвожу глаза,

хожу в кино...

– Еще?

– Еще? Читаю книги... Летом ездила в Польшу, по туристской путевке. Что еще? Танцую, пою, иногда пью – в гостях, конечно...

– Что ты делала эти полтора года?

– Я же рассказала тебе, – удивилась она, – что еще должна была делать?

– Меня не вспоминала? Дадуна задумалась.

– Скажи, не вспоминала меня? – повторил я.

– Тебя?

Дадуна высвободила руку, отошла в сторону и молча уставилась на меня. Сумка на длинном ремешке раскачивалась ритмично, словно маятник часов, и, задевая лакированный сапожок, отсчитывала секунды: раз, два, три... Раз, два, три... Вот черт, опять солдатская привычка – раз, два, три...

– А ты вспоминал меня? – вдруг спросила она, придержав раскачивающуюся сумку и опустив голову.

– Что же я делал? Конечно, вспоминал. – Я покраснел. Слава богу, Дадуна не заметила этого.

– Почему не написал хоть одно письмо? – тихо спросила

она.

– Не люблю писать, Даду, – сказал я искренне. Она улыбнулась.

– Врешь! Девяносто девять процентов всех писем на свете пишут солдаты! Как-то мой портрет напечатали на обложке нашей «Женщины», знаешь, сколько я получила солдатских писем! А ты говоришь...

– Дадуня, клянусь тебе, я даже деду не писал!

– Ладно, ладно, пошли... О чем с тобой говорить, если ты не видишь разницы между дедом и мной! – Она взяла меня за руку и увлекла вперед.

– Даду, мне казалось, что после Джвари...

– Что после Джвари?

– То, что после Джвари письма не имели особого значения...

– Это почему же? Что случилось на Джвари? Мы обвинялись там, что ли?

– Я думал, что...

– А я думаю, что после Джвари крест был поставлен на все!

– Хорошо! – воскликнул я. – Допустим, я виноват, я – осел! Но ты? Почему ты не писала? – Я схватил Дадуню за плечи. От неожиданности она выронила сумку.

– Почему, почему... – Она подняла сумку и медленно пошла вперед. Я последовал за ней.

Часы у университета показывали без десяти Двенадцать.

Дадунa пересекла улицу и пошла вниз по Варазис-Хеви.

– Дадунa!

Она остановилась.

– Дадунa!

Я повернул ее лицом к себе. Красивые ее глаза были полны слез.

– Прости меня, Дадунa, прости, если любишь меня! – взмолился я.

Она отрицательно покачала головой.

– Даду, моя Даду! – Я обнял Дадуну, привлек к себе и стал осыпать поцелуями ее глаза, щеки, губы, шею. Она стояла с опущенными руками, расслабленная, холодная, и молчала.

– Рррразойдись! – услышал вдруг я строгий окрик. Я быстро разжал объятия и огляделся. В университетском саду, у самой лестницы, на скамейке сидели и хохотали четыре парня. Я собрался было отчитать их, но потом вспомнил, что как-никак я человек военный и на мне солдатская форма, поэтому я весело помахал парням рукой и побежал догонять Дадуну. До самой площади Героев никто из нас не проронил ни слова. Первым нарушил молчание я.

– Возьмем такси. – Я положил руку на плечо Дадунy. Она покорно остановилась.

– Даду, скажи мне что-нибудь...

– Что тебе сказать, Джако? – взглянула она на меня. Я уловил в глазах Дадунy грусть, а голос ее прозвучал так странно, отрешенно, что я понял: в эту минуту ей было безразлично

– о чем я спрошу ее или что она ответит мне. Я испугался.

– Даду, – прошептал я, – ты любишь меня?

– Не знаю, Авто, не знаю...

– А все же, любишь или нет?

– Ты как думаешь?

– Я ничего не думаю, ничего не знаю! Скажи, любишь?

– Нет!

– Не верю! – вырвалось у меня, и я сам удивился: почему, собственно, мне ей не верить?

– Ну, тогда люблю! – улыбнулась она.

– Неправда.

Дадуна пожала плечами:

– Ты должен поверить в одно или в другое. Третьего быть не может.

И я понял, что было именно третье – безразличие. Дадуна готова была поддакивать чему угодно, лишь бы покончить с этой затянувшейся глупой беседой.

Я несколько раз пытался остановить машину, но безуспешно.

– Отойди в сторону, военных они избегают, – сказала Дадуна.

Ей не пришлось даже поднимать руку: новенькая черная «Волга» с визгом затормозила перед ней. Выскочив из машины, водитель бросился к Дадуне с раскрытыми объятиями.

– Ва-а, кого вижу! Дадуна! Вот молодец! А я как раз от

тебя! Скорей, садись! – Он схватил девушку и поволок к машине.

– Погоди, Гиви, я не одна! Да постой же сумасшедший!

– Кто с тобой? – удивился он.

– Товарищ... Вот он...

– Этот солдат?!

– Это Джако.

– Какой еще Джако?

– Ну, Автандил!

– Кто такой Автандил?

– О-о, говорю же тебе: товарищ.

– Так забирай и его!

– Знаешь... мы...

– Ничего я не знаю! Приятель, пожалуйста сюда!

Я подошел. Он распахнул заднюю дверцу и почти втолкнул нас в машину. Потом быстро сел за руль, включил мотор и рывком сорвал машину с места.

Тут только я заметил рядом с ним, на переднем сиденье, молодую блондинку.

– Вита, ты?! – обрадовалась Дадуна.

– Я! – Вита и Дадуна поцеловались.

– Куда он нас везет?

– А я знаю? Ворвался ко мне, согнал с постели! Потом заехал к тебе...

– Гиви, ну говори же, куда мы едем? – спросила Дадуна.

– «Мы едем, едем, едем в далекие края-а-а», – пропел он

вместо ответа.

– Вот сумасшедший! Полночь уже! Куда черти тебя несут?
Говори, бичо!

– Сейчас! – Гиви обернулся, и я наконец-то разглядел его красивое лицо, нос с горбинкой, сочные губы, раскрытые в улыбке белоснежные зубы, – Сегодня день рождения Нелли. И она устроила... Ну, не ужин... Как это у вас называется? Чашку кофе! Понятно? Туда мы и едем!

– Поздно, Гиви! Мама с ума сойдет!

– Брось! Во-первых, она знает, во-вторых, с тобой армия!
Чего ты боишься? – Гиви весело подмигнул мне.

– Да, правда, знакомьтесь! – спохватилась Дадуна.

– Гиви! – Он через спину протянул мне руку.

– Автандил! – ответил я, пожимая его руку.

– Вита, знакомься и ты! – сказала Дадуна.

– Мы знакомы, – сказал я.

– Откуда? – удивилась Вита.

– Ну как же? Ведь вы Вита, на щеке, вот здесь, у вас была родинка, – напомнил я.

– Правильно, тогда родинки были в моде. Но где мы встречались?

– Это Джако... Помнишь тогда, у меня... – подсказала Дадуна.

– Ах да, конечно!.. Но что с вами? – обратилась Вита ко мне.

– А что? Что со мной? – встревожился я.

– Что за одежда на вас?

– А-а-а, вот вы о чем! – вздохнул я с облегчением. – Я в армии!

Машина вдруг резко затормозила. Я и Дадуну больно стукнулись о переднее сиденье.

– Ненормальный! – проворчала Дадуну, поправляя прическу.

– Правильно! – воскликнул Гиви. – Я ненормальный! А теперь вытряхивайтесь! Марш!

Мы поднялись на третий этаж. Вечеринка была в разгаре. Гиви ногой толкнул дверь, стал посередине комнаты и, широко раскинув руки, запел:

Не нужны мне деньги, ни богатство, Мне веселье всех богатств дороже...

– Ва-а, Гиви пришел, ребята, ура! – закричал кто-то.

– Заходите, заходите! – позвал Гиви нас. – Смотрите, черти, кого я привез!

Дадуну и Биту встретили с не меньшим восторгом. Лишь на меня поглядывали с недоумением и сдержанной улыбкой.

Я чувствовал себя неловко. Стараясь как-то скрыть смущение, я стал рассматривать собравшееся общество. Все здесь было так же, как тогда, полтора года назад, у Дадуну. Полумрак. Удобные кресла. Стол с фруктами и бутылками коньяка. В углу – рояль, и на нем – выстроившиеся в ряд фарфоровые слоники. Передо мной, как и в тот вечер, сидел Гела, а рядом с ним – тот же верзила Анзор. Сперва они не

узнали меня, потом Анзор вдруг схватил за колено Гелу и что-то шепнул ему на ухо. Гела покраснел. У рояля, как и тогда, опершись локтями на клавиши, сидел Кукури. В другом углу, вытянув ноги и откинувшись на спинку кресла, курила поэтесса Мзия. Рядом с ней, взобравшись на тахту с ногами, тянула кофе Изида. Остальных я не знал. Неприятное, гнетущее чувство овладело мной. Я налил себе коньяку и выпил. Дадуна, не сводившая с меня глаз, быстро встала и подошла ко мне.

– Джако, не пей, не надо! – попросила она.

– Не бойся, Даду, не напьюсь, клянусь тобой! – улыбнулся я. – Не по себе мне как-то... Напрасно я сюда пришел... Видишь, как они на меня смотрят?

– Подумаешь, смотрят! Наплевать! Но и ты, честно говоря, странный человек! Ну что тебе стоило переодеться?

– А чем плоха военная форма? – удивился я.

– Ладно, ладно... Только прошу, сдерживай себя.

– Клянусь тебе, и слова не вымолвлю! Тем более, что однажды мне уже досталось от этого кабана Анзора...

Под мелодию медленного и очень приятного блюза в комнате бесшумно, словно призраки, кружились несколько пар. Под потолком, напоминая рассеянные ветром облака, плыл синеватый туман сигаретного дыма. Временами раздавался громкий или веселый смех Гиви.

– Нелли! – подозвала Дадуна. – Иди к нам!..

Подошла высокая красивая девушка. Я невольно залюбо-

вался ее глазами – огромными и печальными, как на древних грузинских фресках.

– Знакомьтесь, это – Нелли, а это Джако, то есть Автандил Джакели, мой друг, – представила нас друг другу Дадуна.

– Знаю, – улыбнулась Нелли. Дадуна наполнила три рюмки.

– Джако, сегодня день рождения Нелли. Ну-ка, выпьем за ее здоровье!

– Будьте здоровы и счастливы, живите еще сто лет!

– О, это много! – сказала Нелли.

– А сколько вам сейчас?

– Двадцать! – рассмеялась она. Хмыкнула и Дадуна.

– Двадцать один! – поправилась Нелли. Дадуна опять улыбнулась.

– Смейся не смейся, мне двадцать один и ни на день больше! – заявила Нелли.

– Ну, тогда живите еще семьдесят девять лет! – пожелал я и выпил.

– Спасибо! – ответила Нелли и уселась рядом со мной.

– Вы служите в армии? – спросила она.

– Да.

– Хорошо в армии?

– Конечно!

– Чем же там хорошо?

– Как вам сказать... Бесплатная квартира, бесплатное питание, бесплатное обмундирование... Стрижка, бритье, ба-

ня – все бесплатное. Даже мыло!

Нелли расхохоталась.

– Эй, вы, чего там хихикаете? Скажите и нам, посмеемся вместе! – крикнул Гиви и направился к нам.

– Джакко рассказывает про армейское житье-бытье, – ответила Дадуна.

– А! Так что же происходит в армии? – обратился Гиви ко мне.

– Идеино-политический уровень нашей армии высок, дисциплина отличная, вооружение блестящее, мы готовы нанести сокрушительный удар любому агрессору! – отрапортовал я.

– Ну, спасибо, утешил меня, – обрадовался Гиви, – а то, знаешь, с тех пор, как американцы высадились на Луну, я боюсь: еще жажнут, чего доброго, сверху, а? Значит, порядок?

– Порядок! – ответил я.

– А как дела во Вьетнаме, генерал? – спросил меня Гела. Все это время я чувствовал на себе его иронический взгляд, видел, как он шептался с какой-то курносой девчонкой – видно, издевался надо мной, вспоминал, как я был позорно избит его дружком Анзором. Я оставил без ответа его глупый вопрос.

– Так вы не можете рассказать о событиях во Вьетнаме? – повторил Гела.

Кто-то рассмеялся. Перехватив умоляющий взгляд Дадуны, я заставил себя успокоиться.

– Попросим уважаемого Гелу почитать стихи! – обратился я к Нелли.

– Правильно! Гела, давай! – крикнула она.

– Просим, просим! «Сон», Гела!

– «Белую сирень»!

– «Слезы мака»!

Дадунa больно ущипнула меня.

– Опять? Ну что ты за человек!

– Я больше не пишу стихи, – сказал Гела.

– Почему? – спросил я.

– Перешел на прозу.

– Я так и знал.

– Откуда вы знали?

– Чувствовалось по вашим стихам! Гела встал. Поднялся и я.

– Э, Хемингуэй, садись! – прикрикнул на Гелу Гиви. – Садись, Суворов! – он положил руку мне на плечо, и я понял, что самое разумное сейчас – это сесть. Очевидно, то же самое подумал Гела. Мы сели.

– Нелли, дашь ты мне в конце концов нормальный стакан? – обратился Гиви к имениннице. – Убери эти наперстки или я их вышвырну в окно!

– Азиат! Мужлан! – поморщилась Нелли.

– Во! Правильно! А стакан все же давай! Быстро! Нелли принесла граненые стаканы. Гиви тотчас же наполнил их коньяком.

– Да что ты в самом деле! Пусть каждый пьет, как ему нравится! – заговорил Кукури, до сих пор не проронивший ни одного слова.

– А я никого не вынуждаю, мой дорогой! Не хочешь – не пей... Вы пьете? – обратился Гиви ко мне.

– Конечно!

– Хвалю! Ну так выпьем! За ваш приезд, за наше знакомство!

Он одним духом опорожнил свой стакан. Я медленно тянул коньяк.

– ...с его стороны! – донесся до меня обрывок фразы. Я допил коньяк, поставил стакан и прислушался.

– Почему нечестно? – спросила Вита.

– Потому! Да еще в центральной прессе! – ответил Гела.

– О чем они? – спросил я Гиви.

– А, так... Один наш друг, Гурам, опубликовал в центральной газете критическую статью...

– О чем?

– Так. Обо всем.

– Не понимаю.

– Ну, как тебе сказать... Обо всем. О том, что девочки стали пить и курить, о том, что находятся среди нас, грузин, паршивые овцы, спекулирующие в Москве цветами... О взяточничестве... И о том, что человека, который, получая сто рублей оклада, покупает машину и строит дачу, не спрашивают – откуда, мол, у тебя такое добро... В общем, пишет

обо всем этом... Да ну их, давай выпьем! А ты читал?

– Читал!

– Да? И вы читали? – спросила меня Вита.

– Да, читал.

– Понравилась статья?

– Очень!

– Вот видишь! Он того же мнения! – обернулась она к Геле.

– Нашла у кого спрашивать! Авторитет! – проговорил Анзор.

– Выносить сор из избы, позорить собственный дом – это, по-вашему, честно? – спросил меня Гела.

– Конечно! – ответил я.

– И ты так думаешь? – обратился он к Вите.

– А ты хочешь, чтобы все думали по-твоему? – отпарировала она.

– Недостатки есть и у других, однако об этом никто не кричит! – глубокомысленно заявил Анзор.

– Тем хуже для них! – вмешалась Мзия.

– Не обязательно сообщать всему миру, что у меня в доме есть урод, – сказал Гиви. – Вот я, например, имею машину, дачу, деньги. Кому это мешает? Я еще и другим помогаю. Что, плохо?

– А откуда у тебя все это? – спросила Мзия.

– От родного отца!

– А у него откуда? Ты не интересовался?

– Поди поинтересуйся! А мне – наплевать!

– Не об этом речь... Что да откуда – об этом все сами расскажут в свое время. На допросе... Тут дело в другом: в любви к родине! – сказал Кукури.

– По-твоему, Гурам не любит родину? – спросила Вита.

– Ничего себе любовь – позорить родину на весь свет! Ведь хорошего у нас больше, чем плохого. Так зачем писать именно о плохом?!

– Будет вам, привязались к одной статье! – вмешалась Дадун. – Вот наш Джако любит родину, потому и пошел защищать ее! Ясно и просто!

– Значит, он любит родину сильнее, чем я? – спросил Гела, горделиво озираясь. Все заулыбались.

– Выходит, так! – изрек Анзор.

– Вот что я вам скажу, – начал я, стараясь не смотреть в сторону Анзора: один вид этого откормленного бугая вызывал во мне отвращение. – Болтать о родине и любви к ней может каждый... Родину нужно любить на деле... И то, что я раньше называл любовью к родине, это вовсе не любовь... Любовь к родине – это, оказывается, нечто другое.

– А что же, по-вашему? – поинтересовался Гела. Я вместо ответа спросил:

– Вы какую родину любите?

Гела смешался, заерзал в кресле, потом задумался и спокойно сказал:

– Я люблю родину красивую, чистую, по крайней мере,

хочу, чтобы она была такой... Я приветствую все прекрасное и ненавижу все плохое!

– Ненавидите?

– От всей души!

– А что вы собираетесь делать с этим плохим?

– По крайней мере, я не выставляю его напоказ всему миру, как сделал это Гурам. И не бью себя в грудь – дескать, мы во всем виноваты. Вот еще! Кто-то кого-то убил, кто-то кого-то ограбил, – я-то тут при чем? Пусть каждый заботится о себе!

– Конечно, вывешивать грязное белье – некрасиво. Но если сперва выстирать его, а потом уже вывесить – что тут плохого?

– Я не прачка! Я поэт!

– Я бы предпочел, чтобы вы были прачкой! Анзор привстал.

– Сиди! – сказал ему Гиви. – Если спорить, так спорить.

– Да ты не знаешь... Осточертели нравоучения этого идиота... Тогда он отравил нам прекрасный вечер и вот теперь...

– Вас в армии научили такой любви к родине, генерал? – съязвил Гела. О, с каким удовольствием я запустил бы в него вот этой хрустальной вазой!

– Да, в армии! – ответил я спокойно.

– Так объясните, какую же родину любите вы?

– Таковую, какая она есть!

– Точнее?

– Всякую: хорошую и плохую. Такую, какая она есть. Понятно?

– Джако, как же так? – удивленно спросила Дадунa.

– А вот так! Родина, как сказал один писатель, это не кекс с изюмом – изюм мне, а остальное кому-то другому! Нет, любишь родину – люби ее всю, целиком: с коркой, с начинкой, с изюмом, со всеми потрохами, понимаете? Родина одна, и любить ее надо такую, какая она есть! И еще: больной, скрывающий от врача свой недуг, умирает!

От волнения у меня пересохло во рту. Я быстро налил себе коньяк.

– Не надо, не пей! – Дадунa рукой прикрыла стакан. Я встал.

– Тост за родину? – спросил Анзор.

Я молча достал из кармана сложенный вдвое листок бумаги.

– Стихи? – ужаснулась Дадунa.

Все, кто помнил мои первые стихи, дико заржали. Я выждал минуту и, когда в комнате наступила тишина, начал:

– «Дорогая мама!

Получил посылку и письмо. На письме пятна. Ты плакала, да? Зачем, мамочка? Чего ты беспокоишься? Ведь не на войне же я! Вот пройдет этот год, и я вернусь. А живу я очень даже хорошо. Сыт, одет, обут. Кино, танцы. Каждое воскресенье хожу в город. Под боком и море, и горы. Да, тут все вместе – горы, долины, море, зима, весна, лето, осень. Дру-

зья и командиры у меня замечательные. И все меня любят и уважают. Я – отличник боевой и политической подготовки. Правда, шпиона еще не поймал. Майор Чхартишвили обещал: если, мол, поймаешь двух нарушителей, одного отдам тебе. Отвези, говорит, матери своей Марии Павловне. Привезти? Барбос наш одряхлел совсем, вот привяжем нарушителя вместо Барбоса, пусть себе лает на здоровье!

Друзья мои крепко меня хвалят, счастливые, говорят, у тебя родители, такого сына воспитали. Я уже писал тебе, один из них – грузин, Джакели, другой – наш земляк, Пархоменко, здоров, как тот бугай, что из Чернигова наш председатель привез. Посылаю тебе фотокарточку. Это мы втроем. Который смуглый, с усами, это Джакели. А Грузия, мама, это вовсе не то, что Федорина Ксения брехала. Ты ей не верь, мама, врет она все. Вспоминать даже стыдно. Чай да мандарины, если хочешь знать, трудов требуют больше, чем пшеница. А виноград – уж не говори! А грузины, мама, народ мягкий, ласковый, умный. Песни здорово любят. А за матерщину очень даже обижаются и никому ее не прощают. Для друга не жалеют ничего, хоть дом собственный продадут, но и любви взаимной требуют. И этот Джакели парень что надо. Чудной какой: каждый день восходом солнца любуется и меня заставляет. А Ксеню и вовсе гони из дому, врала она все, подлюга. У Джакели матери нет, я ему твою фотографию показывал; говорит, на маму похожа. Как же, говорю, моя мать может походить на твою, она же русская. А он говорит – гла-

зами похожа. Стало быть, правда это, не станет же он врать, да и польза-то какая? Джакели, когда нужно, клянется матерью. «Клянусь мамой!» – значит, все, что он сказал, святая правда. Это у грузин всегда так. И еще любят они свою страну, ох как любят! За Грузию они пьют, как за родную мать, и даже иногда плачут при этом. А страна и вправду хороша. Но я не дождусь, когда вернусь домой! Соскучился я, мама, по нашим степям, по нашим нивам! Вот лежит передо мной твоя посылочка. Хлеб пахнет нашим амбаром, варенье – нашим садом, и вообще кажется, что вот стоит мне зажмуриться, сосчитать до трех, потом открыть глаза – и я уже дома, с вами, мои дорогие.

Так-то, милая моя мамочка. Потерпи немного, и я вернусь. Сдам в институт, заживем вволю.

До свидания, родная. Привет всем нашим соседям.

Целую тебя, твой сын Петро Щербина».

Я осторожно сложил письмо, спрятал его в карман, сел и выпил до дна свой коньяк.

В комнате наступила мертвая тишина. Ее первым нарушил Гела:

– Глупое письмо. Бездарная писанина!

– Щербина приехал с Украины, – тихо сказал я и сам удивился своему терпению, – в дождь и в жару, в грязь и в слякоть он не смыкал глаз, ползал по земле, сторожил ее, нашу землю, границу сторожил...

– Ну и что? – пробубнил Анзор. – На границе так посту-

пает каждый. И вовсе не обязательно ползать в грязи, родине можно служить и другим путем.

– Вы лично, например, – спросил я, – чем вы служите родине?

– А я не был кретином, как некоторые. Я сдал экзамены и теперь учусь.

«Кретин» – это было сказано в мой адрес. Я проглотил и эту пилюлю.

– Это письмо Щербина написал 28 сентября. 29-го ночью он погиб. Щербина любил мать, любил друзей, родину, солнце. Он плакал над убитым медвежонком!.. Он любил жизнь! Я хочу выпить за Щербину!

Я встал. К моему удивлению, поднялись и другие.

– Что с ним случилось? – тихо спросил Гиви.

– Двадцать девятого ночью некий подонок, один из тех, кого здесь называли грязным бельем, собирался перейти границу, бежать туда... Щербина погиб, преследуя нарушителя.

– Ну и пусть бежал бы, раз ему не хотелось здесь жить, чего вы старались? – крикнул кто-то.

– Бежал бы, да? Вы считаете, что одним мерзавцем стало бы меньше, да? Вы стали бы чище, да? Так вы рассуждаете, да? – Меня понесло, и не было силы, способной сдержать переполнившую меня злобу. – Конечно, вам все равно! Вам ни до чего нет дела! Вас не интересует, кто чем занимается, кто чем дышит, кто о чем думает! Вам наплевать на то, что погиб Щербина! А вы сами ради чего живете? Вот ты, что

развалился в кресле! Ты, что сидишь у рояля! Ты, Байрон, гений поэзии! Или ты, верзила, что ты сделал полезного за эти два года? Бездельники! Какая от вас польза! И вы еще осмеливаетесь болтать о любви к родине? Плевал я на вас и на вашу любовь!

Я швырнул в кого-то стакан с коньяком и успел увидеть, как встал с места Анзор. Потом вдруг зазвонил огромный колокол, качнулась люстра, и на потолке, точно так, как тогда, полтора года тому назад у Дадуны, закружились, запрыгали белые, желтые, красные, зеленые звезды... Медленно, потом все быстрее завертелась комната, и опять, как тогда, закружились фарфоровые слоники в карусели, и опять передо мной мелькали восседавшие на слонах девушки и парни. Лишь один, самый маленький слон был без седока. «Это – мой слон! – подумал я. – Вот сейчас он поравняется со мной, и я вскочу на него!.. Вот сейчас... Сейчас...» Слон промчался мимо меня. Я погнался за ним... Настиг... Ухватился за спину, подпрыгнул и... опрокинулся на покрытый ковром пол...

– Так ему и надо! – услышал я чей-то голос, и вдруг тьма поглотила меня.

...Когда я пришел в себя, в комнате было тихо. Я лежал на полу, и Дадуна платком вытирала кровь с моего разбитого лица. Рядом стоял Гиви, потирая левой ладонью правый кулак. В углу в кресле лежал весь окровавленный Анзор – над ним хлопотали девушки. «Работа Гиви!» – догадался я и

постарался встать. Гиви поддержал меня. Я огляделся. Удивленные, испуганные глаза смотрели на меня, и мне вдруг захотелось плакать.

– Ты что же это... Зачем ты так... Оплевал всех нас... – сказал Гиви.

– Извини... – проговорил я. – Я пойду...

Никто мне не ответил. А мне очень, очень хотелось услышать от них хоть одно слово, все равно, какое. Но они молчали. Я прикрыл за собой дверь и спустился по лестнице. Ночной воздух приятно освежил меня. Я почувствовал головокружение и присел на тротуар под деревом.

Долго сидел я, не думая ни о чем и не зная, как поступить дальше. В голове шумело.

Вдруг я почувствовал прикосновение чьей-то руки. «Дадуна», – мелькнуло в голове, и мне почему-то стало не по себе.

– Нельзя так! Уж очень ты того... резок, что ли! – Я поднял голову: надо мной стоял улыбающийся Гиви. – Ну, ладно, вставай! Ждем тебя.

– Нет, я пойду.

– Пошли, пошли! Не такие уж мы все уроды.

– Нет, я должен идти!

– Я провожу тебя.

– Не нужно.

– Чудак, отвезу на машине! А хочешь, махнем во Мцхета? Музыка, шампанское и все такое, а? Посидим до утра!

Пойдем, прошу тебя!

– Спасибо, не могу. До свидания.

– До свидания! – Гиви протянул руку. Рука была горячая, и он долго не выпускал моей ладони.

– Знаешь... Просьба у меня к тебе... Отдай мне то письмо... Я взглянул на него. Глаза Гиви смотрели на меня умоляюще.

– Как брата прошу... Не откажи...

Я достал и молча протянул ему письмо Щербины.

– Спасибо! Большое тебе спасибо!

Я шел, не оглядываясь, и чувствовал на себе пристальный взгляд Гиви...

Дядя Ванечка не спал. Он сидел за столом и играл сам с собой в шахматы.

Что с тобой, парень? – спросил он удивленно. Я прикрыл лицо рукой.

Кто тебя так разукрасил?

– Побили, дядя Ванечка, – вздохнул я.

– Побили? – переспросил он.

– Да.

– Покажи хоть одного человека, побитого тобой! Почему всегда бьют тебя? – обиделся дядя Ванечка.

– Что поделаешь!

– Кто же тебя побил?

– Тот же.

– Кто?

– Ну, он... который в позапрошлом году, у Дадуны...

– Вот это да!.. Что же, опять плеснул в него коньяком?

– Нет Просто выругал всех – и гостей, и хозяев... Сказал, что мне плевать хочется на них... И швырнул им в лицо стакан...

– Почему так?

– Не знаю...

– Ты был прав?

– По-моему, да!

– А потом?

– Потом я извинился и ушел...

– Зачем же ты извинялся?

– Потому что я был не совсем прав...

Дядя Ванечка умолк и вернулся к своим шахматам.

Я взглянул на доску: дядя Ванечка выигрывал. Несколько минут длилось молчание.

– Этот Гела и его приятель верзила, по-моему, нехорошие люди, – сказал наконец я.

– Ты почему знаешь, кто хороший, а кто плохой? – спросил дядя Ванечка.

– Гела пишет глупые стихи.

– Ну, это еще не грех.

– И корчит из себя гения!

– И это не преступление...

– А тот, второй, тот вообще кретин!

– Быть кретином тем более не грешно.

– Они издевались надо мной!

Дядя Ванечка окинул меня взглядом и улыбнулся.

– Сыграй со мной.

– Что тут играть, проиграю.

– Играй конем. Я сыграл конем.

– А ты не думал о том, что иногда сам можешь выглядеть смешным? – спросил он и пошел пешкой.

– Думал...

– Так почему ты считаешь, что они – плохие, а ты – хороший? Знаешь ли ты, что такое хороший человек?.. Играй!

Я, не думая, продвинул пешку.

– Это плохой ход! – предупредил он. – Лучшего не вижу, – ответил я.

Дядя Ванечка смешал фигуры и вздохнул:

– В том-то и несчастье, что не видишь... Ответ: ты знаешь, что такое хороший человек?

– Вы, например! – сказал я искренне. Он задумался.

– Да, знаю, я нравлюсь тебе... Но это ничего еще не значит.

– Почему?

Дядя Ванечка улыбнулся:

– Хотя бы потому, что у тебя еще сомнительный вкус... Хорошее и дурное каждый понимает по-своему... Вот слушай: недавно я нашел на улице сто пятьдесят рублей. Сдал, конечно, в милицию... На другой день, вижу, в газете заметка под рубрикой «Достоинно подражания». Дескать, гражда-

нин И. С. Котиков нашел деньги и тотчас же сдал органам милиции. Так поступают... и так далее. Понимаешь? Меня похвалили за то, что я не вор, что я не присвоил чужие деньги... А вот другой случай: месяц тому назад один мой знакомый, копая землю в собственном саду, нашел горшок с николаевскими золотыми червонцами. Отнес в милицию. Там золото взвесили – оказалось девятьсот граммов. Ни тебе заметки в газету, ни благодарности. Пристали к моему знакомому, неси, мол, недостающие сто граммов! А? Пойми после этого, кто хороший человек и кто плохой!..

Дядя Ванечка встал, прошелся по комнате. Встал и я, принялся укладывать свой чемоданчик.

– Успеешь собраться. Приложи-ка лучше примочку к губе и ложись! – посоветовал дядя Ванечка.

– Я должен ехать, дядя Ванечка.

– Куда, бичо?

– К себе, на границу.

– Как – на границу? Ведь ты приехал на неделю?

– Да, но сейчас потянуло обратно... Здесь мне нечего делать...

– С ума сошел! Что я скажу Шуре, твоему деду?! Приехал, подрался, набили ему морду, и уехал обратно? Так, что ли?

– А вы деду вообще ничего про мой приезд не говорите. Какой смысл? Через полгода вернусь насовсем...

– Может, передумаешь, а?

– Нет, дядя Ванечка, не просите, пожалуйста. Я должен

ехать!

– Слушай, мальчик, может, я тебя чем-то обидел?

– Что вы, дядя Ванечка, дорогой! Наоборот, я очень вам благодарен! За все! – Я подошел к нему и поцеловал его в щеку.

– На чем же ты сейчас поедешь? – спросил дядя Ванечка, протирая глаза...

– Доберусь как-нибудь...

– Ну, ладно, езжай, сынок! – сказал он после недолгого молчания.

Я взял свой чемодан и направился к двери. Прежде чем выйти, я обернулся и спросил:

– Дядя Ванечка, как вы думаете, какой я человек?

Я ждал ответа с волнением. Дядя Ванечка задумался, потом на его лице мелькнула добрая улыбка и голубые глаза весело замигали.

– Ты еще не человек, мой дорогой, а всего-навсего мальчик. Хороший мальчик. Вернее – ты хорошее тесто, которое еще нужно как следует перемесить. Понял?

– Ну, что вы, дядя Ванечка, – усмехнулся я. – По-моему, меня достаточно уже месили!

– погоди, не то еще будет! – громко рассмеялся он.

– Ладно. До свидания, дядя Ванечка!

– Будь здоров, сынок!

В предрассветном сумраке тихо шелестели листьями акации и чинары. Приятно ласкал лицо мягкий ветерок. То

здесь, то там в окнах зажигались огни. Тбилиси пробуждался.

Было уже темно, когда я добрался до села. На селе, как правило, засыпают рано, поэтому все вокруг было объято тишиной. Кое-где в окнах мерцал свет. В части меня не ждали, да и я не особенно спешил. Медленно шел я по шоссе, с наслаждением вдыхая влажный ночной воздух, напоенный ароматом моря и созревших цитрусов. По обеим сторонам шоссе тянулись мандариновые деревья, усыпанные золотистыми плодами. Забравшись в сад, я наполнил карманы мандаринами и продолжал путь. Вот и сельсовет. Здесь поворот направо, шагов через сто покажется наша застава. Но я почему-то свернул с шоссе и пошел по тропинке, круто взбирающейся по холму. Плохо соображая, куда и зачем иду, я вскоре очутился у ворот дома Феридэ. С бешено бьющимся сердцем, словно вор, я огляделся кругом и, убедившись, что никто меня не видит, тихо приоткрыл калитку. На цыпочках подошел к дому. В одной из комнат на верхнем этаже горел свет. Я поставил чемодан под лестницей и стал подниматься по ступенькам. У дверей я остановился, перевел дыхание. Колени дрожали, и сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди.

– Феридэ! – позвал я, берясь за дверную ручку. Прикосновение холодного металла отрезвило меня.

– Феридэ! – повторил я. Комната безмолствовала.

– Феридэ! – повысил я голос и чуть нажал на ручку. Дверь

со скрипом отворилась. Я вошел в комнату, закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. В комнате не было никого. На низкой тахте белела женская шаль, лежала раскрытая книга. В комнате потрескивали дрова.

– Феридэ, где ты, выходи! – произнес я с мольбой. – Это я, Автандил Джакели... Выйди, я лишь взгляну на тебя и уйду. Клянусь матерью!

– Что тебе нужно, парень? Зачем ты пришел? – донесся из другой комнаты глухой голос Феридэ. Я почувствовал, как радостно затрепыхалось сердце в моей груди, как свободно вдохнули легкие и как потеплели ладони.

– Ничего мне не нужно, Феридэ, хочу только взглянуть на тебя. Покажись, прошу тебя!

И словно сказочная русалка, словно ангел, спустившийся с небес, в комнату вошла Феридэ. Не сводя с меня настороженного взгляда, она подошла к камину, уселась на стул и сложила на коленях свои длинные красивые руки.

– Ну, что тебе нужно? – спросила она.

Я хотел подойти к ней, но не смог сдвинуться с места.

– Я же просила тебя не ходить ко мне! – сказала она с упрёком.

– Просила. Но я не мог пересилить себя... Вот пришел, увидел тебя, теперь уйду...

– Увидел? Теперь уходи.

– Не гони меня, Феридэ! Побуду еще минуту...

– Ты ведь уехал в Тбилиси?

– Не вытерпел там. Без тебя не вытерпел!

– Врешь!

– Зачем же тогда я вернулся?

– Этого я не знаю...

– Так знай: из-за тебя, Феридэ! Она улыбнулась.

– Чему ты улыбаешься?

– Врешь ты все...

– Не вру! Раньше я думал, что ты нравишься мне. Теперь понял: я люблю тебя!

– Когда же ты успел влюбиться в меня?

– Два года... Два года я, оказывается, люблю тебя.

– Не говори так, парень... А вдруг я поверю тебе, что тогда? Нельзя так шутить с женщиной! – сказала она серьезно.

– Феридэ, клянусь матерью, я не шучу! Я очень тебя люблю, очень!

– А меня ты не спрашиваешь?

– Потому я и пришел к тебе!

– Так знай, парень: я еще от той любви не пришла в себя...

Не губи и не срами меня... Не ходи ко мне... Зачем людям давать повод для разговоров о том, чего нет и быть не может?

– Никто меня не видел, Феридэ! И потом, что в том дурного и зазорного, если я люблю тебя? Хочешь, я сейчас закричу об этом на все село?

– Авто, ты думаешь, о чем говоришь?.. Ты еще молод, не осилить тебе мою любовь!.. Не губи меня, не своди с ума!.. Хватит мне своего горя!.. – Голос Феридэ задрожал, глаза ее

наполнились слезами. Я подошел и опустил перед ней, как перед иконой, на колени.

– Феридэ, дорогая моя, я люблю тебя больше всего на свете, сильнее самого себя! Я не вру, Феридэ, я не так уж молод, чтобы не понимать... Поверь мне, Феридэ, поверь и полюби меня, полюби!.. – Я обнял и осыпал поцелуями ее колени.

– Успокойся, Авто, успокойся... Верю я, верю тебе... Но не надо этого, поверь и ты мне, не надо!.. Подумай обо Мне, Авто, пожалей меня, пожалей!.. – Она высвободила руку и стала нежно гладить меня по голове. Я плакал от счастья, от переполнявшего меня неизмеримого счастья.

Успокоившись, я взглянул на Феридэ. Она улыбалась, и по бледному ее лицу текли слезы.

– Встань, Авто, отойди!

Я встал, поплелся к столу, сел. Мы долго смотрели друг на друга. Феридэ заговорила первая.

– Не смотри на меня так, не смотри! Сколько раз просить тебя! – Она закрыла лицо руками. – Я все знаю! И почему тебя отпустили в Тбилиси, и как погиб Щербина, и как вы ловили нарушителя... Все знаю... Знаю и то, что ты – хороший парень, что тебе сейчас очень, очень не хватает чего-то, может, любви... Ты ищешь ее и думаешь, что нашел мою любовь... Но вот этого я не знаю... Не знаю, ради меня ли ты вернулся из города? И потому я боюсь... Боюсь... Ты и сам-то не уверен, что это так... – У нее сорвался голос.

Я встал.

– Не подходи! – крикнула Феридэ.

– Феридэ...

– Уходи, Авто, оставь меня!.. Уходи...

– Хорошо, я уйду, Феридэ... Позволь мне прийти к тебе еще раз... Вот так, просто – прийти и посмотреть на тебя...

– Уходи. И не спрашивай сейчас ни о чем... Потом...

– До свидания, Феридэ...

– Уходи, ради бога, уходи, Авто...

После гибели Щербины к нам из комендатуры прислали солдата – невысокого плотного крепыша. Он тихо вошел в комнату и нерешительно остановился у койки Щербины. Мы с Пархоменко играли в шахматы.

– Здравствуйте! – сказал он и поставил на пол чемодан.

Мы кивнули ему головой и продолжали играть.

– Меня направили к вам... Старшина Зудов направил, по приказу майора Чхартишвили... – сказал он тихо.

Пархоменко встал.

– Как фамилия? – спросил он, окинув новичка критическим взглядом.

– Луговой, Владимир Петрович!

– Откуда сам?

– Из Серпухова.

– Подготовку прошел?

– Конечно!

– Ну-ка, поди сюда! Луговой подошел.

– Присаживайся! – Пархоменко уселся за стол.

– Садись, садись!

Луговой сел. Пархоменко расстегнул правый рукав и уперся локтем в стол.

– Дай руку!

Луговой помялся, потом тоже расстегнул рукав и протянул руку.

– Держись, парень! Посмотрим, каковы орлы на Серпуховщине!

Рука Лугового утонула в огромной ладони Пархоменко.

– Джакели, считай! – бросил он мне.

– Раз, два, три!

И в тот же миг две руки, сцепившись в мертвой хватке, задрожали на столе. Прошла минута, другая, третья... Лицо Пархоменко покраснело, на его широком лбу вздулись жилы... Он с шумом выдохнул и жадно, словно выброшенная из воды рыба, открыв рот, набрал в легкие свежий воздух. Это движение оказалось для него роковым. Кулак Лугового чуть заметно качнулся влево, потом медленно, медленно стал приближаться к столу, увлекая руку Пархоменко. Луговой побледнел, голубые его глаза налились кровью. Еще мгновение – и рука Пархоменко с глухим стуком упала на стол.

Луговой вытер пот с лица. Пархоменко сидел не двигаясь и, тяжело дыша, изумленно смотрел на свою ладонь.

– Ты кто? – спросил наконец он упавшим голосом.

– Чемпион Серпухова по поднятию тяжестей, – ответил

Луговой, виновато улыбаясь.

– Чего же ты сразу не сказал?! Чуть все кишки у меня не оборвались! – Пархоменко встал и пересел на койку.

– А это так... Ты сильнее меня, только у меня рука лучше натренирована, – успокоил его Луговой.

– Натренирована... Ничего себе тренировка... – пробормотал Пархоменко. – А ты собак не боишься?

– Чего их бояться-то...

– Ну, коли так, быть тебе отныне хозяином Акбара!

– Воля ваша... – согласился Луговой.

– А теперь давай знакомиться... Я – Пархоменко, это – Джакели, наш старшой!.. Ну, мы с тобой уже пожали друг другу руки, поздоровайся теперь с ним!

Луговой вытянулся, откозырял мне и протянул руку. Я крепко пожал его сильную и вместе с тем удивительно мягкую ладонь.

– Теперь отдохни, ночью нам в наряд, – сказал я ему и вернулся к шахматам.

Луговой сел на койку Щербины и стал скидывать сапоги. Услышав скрип койки, Пархоменко взглянул на меня. Я отвел глаза. Он встал, прошелся по комнате, выпил воду и вдруг обернулся к Луговому.

– Володя!

– Слушаю! – поднял тот голову.

– Володя, пожалуйста, не ложись на эту койку... – Луговой непонимающе взглянул на Пархоменко, потом на меня.

– Прошу тебя... На ней никто не спит и не садится... Это... понимаешь... это койка Щербины...

Луговой быстро вскочил с койки и стал поправлять смятое одеяло.

– Ты не обижайся, Володя, – продолжал Пархоменко, – Щербина... Ты слышал про него? Ложись вот на мою койку, отдохни... Я сейчас же принесу новую... Только не обижайся, прошу тебя, ладно?

– Ребята... Да что вы... Извините меня... Но я ведь не знал... Извините... – Луговой покраснел от волнения. Я почувствовал, как к моему горлу подступает горький комок, и отвернулся. Пархоменко выпил стакан воды и вышел из комнаты. А Володя стоял с одним сапогом в руке, побледневший и растерянный.

Знойная лунная июльская ночь... Я, Пархоменко и Луговой сидим, расстегнув гимнастерки, в секрете и всматриваемся вдаль. В ночном бинокле нет нужды, освещенное серебристым светом луны село – как на ладони... Ничто не нарушает тишины, – лишь изнемогающий от жары Акбар, высунув язык, громко дышит.

...Жизнь на границе улеглась в обычное свое русло. Опять потянулись спокойные, мирные, похожие друг на друга дни. Неделю тому назад прошел сильный ливень. Пришлось перепихивать контрольную полосу, восстанавливать поврежденную связь... И снова жара – не знаешь, куда от нее укрыться...

Наш писатель, отслужив свое, возвратился в Тбилиси. Как-никак, мы привыкли к нему. Не знаю, сочинял он или говорил правду, но рассказывал интересные вещи. Провожали его всей заставой, торжественно – с оркестром, танцами, песнями. В тот вечер произошло странное событие: на наш концерт пришла Феридэ. Она не пела, не танцевала – сидела молча и смотрела. Я хотел было подойти к ней, но она глазами приказала: «Не смей!» И я повиновался. Потом она ушла. Концерт длился до полуночи. В заключение Мдинарадзе поднялся на сцену и произнес прощальную речь. Поблагодарил всех нас, наговорил с три короба: дескать, так и так, напишу, говорит, про вас, про границу. А что он напишет, когда писать-то не о чем? Да и кто его проверит? А, бог с ним, пусть пишет, что хочет, лишь бы получилось складно, пусть присочинит малость. Про Щербину, говорит, напишу. Посмотрим...

...На той стороне запустили белую ракету. Она взвилась высоко в небо, на минуту повисла над селом, потом зигзагами пошла вниз, на полпути погасла и упала где-то в кустарнике Акбар вскочил.

– Лежать! – приказал Луговой. Собака покорно легла ... Да, о писателе... Проводили мы его, и опять стало по-прежнему скучно и однообразно. Правда, за последнее время участились экскурсии туристов. Бывают дни, приходится по три, по четыре раза встречать их, отвечать на одни и те же вопросы... Щербина умел с ними ладить. У нас с Пархоменко

не получается. А Лугового вконец измотал этот страшилище Акбар...

...Взвилась еще ракета.

– Что они взбесились там, что ли? – проворчал Пархоменко.

– Ищут, наверно, чего-то, – сказал я.

– По-моему, от скуки, – добавил Луговой.

– Вставайте, пройдемся по участку! – предложил я. Луговой с собакой пошел вперед, мы – за ним. Только мы подошли к мостику, турки запустили третью ракету.

– Тут что-то не так! Может, позвоним на заставу? – спросил я.

– Чего звонить, не видят сами, что ли! – ответил Пархоменко. Он снял с плеча автомат и ускорил шаг. Я подошел к столбу и включил телефон.

– Дежурный слушает!

– Говорит Джакели. Турки запускают ракеты!

– Знаю.

– Что нам делать?

– Вести наблюдение. – Я выключил телефон.

Мы дошли до границы нашего участка и повернули обратно. Только засели в секрете, как с той стороны вновь взвилась ракета. На сей раз она вспыхнула довольно низко и, шипя, опустилась почти у самой нашей вышки.

– Вот сволочи! – выругался Пархоменко. – Затеяли тоже игру!.. – Мы поудобнее расположились на своих местах.

– Закурим, что ли? – предложил Пархоменко.

Я достал измятую пачку «Примы» и извлек из нее последнюю сигарету. Эх, к нам бы сейчас писателя Мдинарадзе! Целых два месяца мы добросовестно уничтожали его неиссякаемые запасы «Кента»! Вот было здорово!.. Что ж, придется удовлетвориться матушкой «Примой»!

Я чиркнул спичкой, и тотчас же резкий порыв ветра погасил пламя. Я взглянул на небо: белые рассеянные облака плыли в сторону моря. Неужели опять к дождю? Опять перепахивать контрольную полосу, восстанавливать связь, поправлять ступени... Невеселая перспектива!.. Кое-как я раскурил сигарету. Ветер усилился.

– Хорошо-о-о!.. Наконец-то вздохнул свободно! – произнес удовлетворенно Пархоменко, подставляя ветру распахнутую грудь. Потом вдруг обернулся ко мне:

– Э-э, довольно тебе!

Я протянул ему недокуренную сигарету. Он сильно затянулся и поперхнулся.

– Черт! Не табак, а каверна!.. На! – Он передал остаток сигареты Луговому.

– Что я, пепельница? Курить-то здесь нечего! – заворчал Луговой, но окурочек тем не менее взял.

– Сигарета – не собака, сама за тобой не погонится! Ее нужно купить! – произнес назидательно Пархоменко.

Порывы ветра становились все сильнее.

– Не нравится, братцы, мне эта музыка! Пахнет дождем! –

поморщился Луговой.

– Этого еще не хватало! – откликнулся Пархоменко. Новый порыв ветра швырнул нам в лицо свежевспаханную землю с контрольной полосы.

– Пропади ты пропадом! – воскликнул я, протирая глаза. И в тот же миг раздался тревожный крик Лугового:

– Ребята, огонь!

Мы вскочили. Напротив нашей вышки, там, где недавно упала турецкая ракета, колыхалось пламя.

– Пархоменко, ракету! – крикнул я.

– Какую? – спросил он, выхватывая ракетницу.

– Красную!

Ракета взвилась в небо, озарив границу багряным светом. Я подбежал к телефону.

– Дежурный слушает!

– Я Джакели!

– Что там у вас происходит? Чья ракета?

– Наша! Пожар здесь! Дай майора! Товарищ майор! Докладывает рядовой Джакели! Вспыхнул пожар!

– Где?

– Под самой вышкой!

– Территория?!

– По-моему, не наша!

– Сообщите всем участкам! Иду к вам!

Спустя пять минут он был у вышки. Я смотрю на него и спрашиваю:

– Стой, кто идет?!

– Чхартишвили!

– Пароль!

Он плюнул в сердцах, но ответил:

– Чайка! Отзывает?

– Мак!

– Где горит? – подбежал Чхартишвили ко мне. Показывать не пришлось. Языки пламени, с невероятной быстротой перекидываясь с кустов на кусты и с треском пожирая все на своем пути, уже подбирались к столбам, выстроившимся вдоль самой границы.

– Если огонь охватит столбы, мы пропали! Доберется и до построек! Дай трубку! – Он мигом подключился к линии.

– Дежурный! Объявить тревогу! Передайте Зудову – пусть бегом доставит сюда динамит и ручные гранаты! Где офицеры? Всех сюда! Ведра, ведра скорее!

Через несколько минут вся застава была на ногах. А огонь усиливался. Он стремительно шел по кустам, облизывал землю, проволочное ограждение. Вспыхнул, словно свеча, первый столб. На той стороне вдруг запылал крытый дранкой дом. Завыли собаки. Раздались душераздирающие вопли женщин. Замелькали тени аскеров.

– Всем – к реке! – приказал Чхартишвили.

Мы бросились к воде. Построились в цепочки и стали быстро передавать друг другу ведра с водой. А огонь гудел, бушевал, охваченные пламенем деревья стонали, словно

живые, с треском валились на землю, вздымая снопы искр. Едкий, густой дым застилал глаза. Дышать становилось все труднее. Забыв об опасности, мы – кто с ведром, кто с лопатой, а кто и вовсе голыми руками – боролись с озверевшей стихией, стараясь сбить коварные языки пламени, которые, скрывшись в одном месте, вдруг с новой силой вспыхивали в другом. Теперь уже огнем были охвачены несколько домов на той стороне.

Все смешалось.

– Спасайте дома!

– Стены, стены обливайте водой!

– Берегись!

– Ко мне, ребята!

Я носился, словно очумелый. Хватал ведра, копал землю, что-то кричал, на кого-то натыкался. Дождя, дождя бы теперь! Но дождя не было. Кругом бушевал огонь... Мычали коровы, выли собаки... Отовсюду неслись обрывки русской, турецкой, грузинской, лазской речи... Вдруг я почувствовал, что мои плечи освободились от какого-то привычного груза... «Автомат!» – промелькнуло в голове, и я бросился в пылающий куст, закрыв автомат собственным телом. Запахло паленым, нестерпимая боль пронизала меня с ног до головы. Я вдохнул воздух, захлебнулся и, уже теряя сознание, почувствовал, как чья-то сильная рука схватила меня за пояс, вытащила из огня и бросила на землю.

– Накройте его чем-нибудь! Быстро! Сбейте огонь! – до-

несся до меня чей-то знакомый голос. «Дождя, дождя, дождя...»— билась в сознании назойливая мысль. Потом она заколыхалась огромным кровавым заревом, потом стала куда-то уплывать, уменьшаться, превратилась в чуть мигающую точку и наконец погасла...

Первое, что я увидел, открыв глаза, было заплаканное лицо Пархоменко. Он неуклюже водил по моим щекам своей огромной лапой и бормотал:

– Слышь, Джакели, как дела?.. Что с тобой, бичо?.. Людей бы постыдился!.. Ну-ка, глянь сюда! Смотри, кто тут!

Я скосил глаза и увидел... улыбающуюся Феридэ. Рядом с ней стоял Луговой.

– Ребята... Где я?.. Что со мной? – Я приподнялся, огляделся и тут только почувствовал, что шел проливной дождь.

– Очнулся? Ну, слава богу! – обрадовался Пархоменко. – Ты на турецком дворе, вот ты где! Здесь же ты и того... пострадал малость... А дом все равно сгорел, брат... Дотла!.. Жаль!.. Мужуку-то какво без дома, а?..

Я окончательно пришел в себя. И понял все... Мы – Пархоменко, Луговой, Феридэ, я, другие наши ребята – стояли на чужой земле, перед обуглившимся скелетом дома. Тут же на земле лежала и тихо плакала убитая горем женщина в черном – хозяйка сгоревшего дома...

Сотни глаз с благодарностью взирали на нас. В этот тяжелый час словно исчезло расстояние, отделявшее друг от друга людей с той и с этой стороны... Большое человеческое го-

ре сблизило нас.

В толпе я разглядел красивую молодую женщину с родинкой – жену учителя.

– Здравствуй, девушка!

– Здравствуй, брат!

– Ты узнала меня?

– Конечно.

– А как звать тебя?

– Мевнунэ.

– Ты не обижаешься на нас?

– Что ты, брат! Если бы не вы, выгорело бы все село!

– Испугались, Мевнунэ?

– Конечно. Но теперь ничего... Обошлось... А ты как, брат? Очень больно?

– Нет, Мевнунэ, уже не больно...

– Что ж это получается, брат... Нужно было случиться пожару, чтобы встретились мы?

– Пойдем, Авто! – шепнул мне Пархоменко.

Я повернулся лицом к нашему селу. Оно было тут же, рядом, такое близкое и родное. У ручья стоял Чхартишвили – уставший, грязный, в истрепанной одежде. Мы медленно двинулись. Меня поддерживали Пархоменко и Луговой. Переправившись через ручей, мы подошли к майору. Он не сказал ничего, лишь одобрительно похлопал нас по плечам и внимательно взглянул на мои обгоревшие руки. Пройдя еще несколько метров, я обернулся. Наши солдаты спокойным,

деловым шагом возвращались домой – уставшие, обтрепанные и все же довольные и веселые. Вооруженные ведрами, лопатками, топорами, они перебирались через ручей, поднимались по холмику и молча выстраивались за своим командиром. Это была удивительная картина!..

В конце сентября и начале октября побережье – по эту и ту сторону – полно рыбаков. С утра до вечера стоят они, словно изваяния, в двух-трех шагах друг от друга. Время от времени они крутят над головой длинную шелковую леску с грузиком и ловким движением забрасывают ее в море. На самом конце лески – блестящая металлическая приманка в виде рыбешки и тройной крючок. Как только крючок опустится в воду, рыбаки начинают быстро и плавно выбирать леску.

Осенью к побережью идет саргана. Она преследует ставриду и хамсу, гонит к берегу. Окружив скопище рыбы с трёх сторон, косяк сарганы врывается в него, словно голодный волк в овечьё стадо. Что тогда творится! Море бурлит и кипит, как вода в котле. Тогда и выходят рыбаки на промысел. С веселыми громкими возгласами тащат они на берег жирную, сверкающую под солнцем саргану.

С нашей вышки все побережье видно как на ладони. На пляже заставы, у небольшого пирса стоят две лодки: одна большая, рыбацкая, другая – поменьше, сторожевая. Лодка поменьше принадлежит нам, на ней по утрам и вечерам старшина Зудов и лейтенант Королев инспектируют побережье.

Большая лодка – колхозная. В колхозе есть рыболовецкая бригада, которой руководит Али Хорава. Все лето лодка бригады празднично простояла у пирса. Краска на ней осыпалась, несколько досок сгнило.

Сегодня с утра к берегу привалил целый караван ставриды и хамсы. Перепуганная рыба прямо-таки лезла на пляж. Ватага ребятишек с визгом носилась по воде, пригоршнями выбрасывая на берег рыбу. Потом появился первый – небольшой – косяк сарганы. Словно опытный разведчик, присмотрелся этот «передовой отряд» к скопищу мелкой рыбы и повернул обратно. Теперь начинается! Теперь жди полчищ сарганы!

Я вижу, как бригада Али Хорава хлопочет вокруг своей лодки. Двое заменяют прогнившие доски, другие красят лодку в белый цвет. Сам Али и еще один рыбак возятся с разостланными на песке огромными сетями. Похоже, на днях бригада соберется в море, на ночной промысел. Али придет к майору, попросит разрешения – с наступлением темноты без разрешения Чхартишвили никто не смеет выйти в море. Но Али... Разве может майор отказать в просьбе Али Хорава? Али пробудет в море до утра, а утром он принесет нашему повару лучшую часть улова. Это уж как пить дать! На заставе знают: если уж Али Хорава вышел в море – жди наутро уху и жареную рыбу! И потому сейчас Пархоменко и Луговой, наблюдая за приготовлениями бригады Хорава, молят бога о том, чтобы скорее собрался в поход старый рыбак Али

Хорава...

- Добрый вечер, Автандил Джакели!
- Вечер добрый, уважаемый Али!
- Узнал я, ты свободен сегодня.
- Свободен, уважаемый Али.
- А послезавтра кончаешь срок службы, едешь домой.
- Еду, уважаемый Али.
- Рад?
- Еще бы.

Али уселся на край пирса, свесил вниз ноги, не спеша достал кيسет, набил трубку, закурил.

- Пошла саргана.
- Видел, уважаемый Али. Утром видел, играла рыба.
- Сегодня ночью выхожу в море.
- С бригадой?
- Нет, с бригадой пока рано, рыба еще далеко.
- Один?
- Почему один? Ты пойдешь со мной.
- Я? Как я?
- Так сказал Чхартишвили.
- Он сам назвал меня?
- Нет, тебя назвал я, он разрешил.
- А... Почему именно я, уважаемый Али?
- Ты нравишься мне... Хочу поучить тебя своему ремеслу... К двенадцати часам будь готов... До свидания!
- Спасибо, уважаемый Али!

Али Хорава выбил трубку, медленно спустился по бетонным ступенькам и зашагал вдоль берега.

Мы плывем по светлой полосе, проложенной лучом прожектора на море. Я сижу на корме, у мотора, Али Хорава – на носу, спиной ко мне. Море чуть колыхнется, и брызги воды приятно освежают мне лицо. Рыба играет в свете прожектора. Иногда подпрыгивает высоко, серебром мелькает в воздухе и тотчас же со шлепком падает в воду.

По знаку Али Хорава я выключил мотор. Лодка по инерции проплыла несколько метров, потом остановилась и мерно заколыхалась. Луч прожектора переместился куда-то вглубь. Али Хорава развернул сверток, разложил на дне лодки жареную ставриду, мчади, бутылку водки.

– Подкрепимся, – предложил он.

– Может, после, уважаемый Али? Половим пока... – сказал я.

– Ловить еще рано, – ответил он, – рыба пойдет к рассвету...

Он наполнил водкой крохотный рог, молча выпил и налил мне, потом закусил хвостом ставриды.

Я выпил так же молча и тоже закусил ставридой.

– Значит, уходишь из армии? – спросил он.

– Ухожу, уважаемый Али!

– Рад, говоришь?

– Рад, конечно... Но, с другой стороны, жаль расставаться...

– С кем это тебе расставаться жаль?

– Да так... Вообще... Привык я здесь ко всему. Трудно будет забыть...

– Что забыть?

Как вам ответить, Али Хорава?.. Разве сможет Автандил Джакели забыть бессонные ночи и веселые дни, проведенные здесь за эти два года? Сможет ли забыть Щербину, Пархоменко, Чхартишвили? Или ту красивую девушку – учительскую жену Мевнунэ? Или дом на чужой стороне, сгоревший в ту страшную ночь? Или его самого – доброго, мудрого старика Али Хорава? Или... Феридэ?.. Как вам объяснить все это, уважаемый Али? Да и зачем вам знать об этом?..

– Вообще – все... Два года не так просто забыть, – повторил я.

– А сколько тебе лет, сынок? – спросил он.

– Скоро двадцать.

– Двадцать лет – это немало! – сказал он и стал набивать трубку. – Но ты мне не ответил: с чем тебе жаль расстаться?

Али Хорава поднял голову и пристально взглянул на меня. Освещенное луной его худое, изрезанное глубокими бороздами лицо напоминало каменное изваяние. В глазах старика угадывалась какая-то невысказанная мысль. Меня пронзило подозрение.

– Уважаемый Али, – начал я осторожно, – вы что-то не договариваете... Скажите мне прямо...

Он, видно, не ожидал такого вопроса и поэтому смутился

Чтобы скрыть смущение, он начал раскуривать трубку. Потом тихо произнес:

– Я жду, что ты сам мне скажешь все... Давно жду!

– Чего вы ждете, уважаемый Али? – вырвалось у меня.

– Эта девушка – несчастная девушка... – сказал Али, и голос его задрожал. Я похолодел.

– Уважаемый Али, вы могли сказать мне об этом дома...

Зачем вы взяли меня в море?

– Море – мой дом, Автандил Джакели... Море чисто, как ничто другое на свете. Море не терпит пыли, грязи, мусора... Оно очищает душу и тело людей и выбрасывает грязь на берег. Гляди! – Али Хорава зачерпнул рукой воду и рассеял ее в воздухе. Фосфоресцирующие брызги светлячками засияли в темноте. – То, что я тебе скажу, – это правда, как само море. И от тебя я должен услышать только правду!

– Хорошо, уважаемый Али, я скажу вам все... Я пришел в дом Феридэ и ушел оттуда чистым, как море!

– Селу об этом неизвестно. Село не видело, что ты делал в том доме...

– Клянусь вам, уважаемый Али! Матерью клянусь!

– Феридэ – честь нашего села, дочь нашего села. Тот, кто снимет с нее траурное платье, должен стать совестью и сыном нашего села.

– Я люблю Феридэ больше жизни!

– Когда ты успел, сынок, столько прожить и так полюбить? – Дядя Али... Уважаемый Али... – У меня пропал го-

лос, одеревенел язык. Я зачерпнул горсть воды и выпил. Соленая вода обожгла горло.

– У тебя, сынок, вся жизнь впереди, а Феридэ уже прожила полжизни... Ты еще ребенок, а Феридэ уже вдова... Феридэ нужен сильный и верный покровитель, ты же сам пока нужда ешься в покровительстве... Феридэ может спасти настоящая любовь, тебе же любовь представляется в виде красивой женщины... Феридэ – женщина простая, деревенская, и с тобой в городе она никогда не будет счастливой... Я знаю, ты – чистый, честный парень, но ты слишком молод. Ты еще не испытал бури в море, и море еще не просило у тебя души. Ты еще не попадал в пасть к киту и не возвращался невредимым из его чрева... Я прошу тебя, перебори свой двадцать лет, одолей свою страсть и возвращайся домой с миром! Так будет лучше, сынок, поверь мне! Все на свете имеет пару, и человек должен искать себе пару!.. Посмотри на небо: день и ночь Яуна гоняется за Землей, а она, матушка наша Земля, каждое утро ждет не дождется восхода Солнца... Так-то, сынок! Али Хорава умолк.

– Дядя Али, дорогой, уважаемый Али, – начал я, стараюсь не расплакаться, – Феридэ для меня все! Я люблю ее так сильно, как только можно любить человека! Больше и лучшей любви я не представляю... Если я потеряю Феридэ... Не делайте этого, уважаемый Али, не губите меня, не мешайте моему счастью!..

Я зарылся головой в колени и разрыдался. Долго плакал я.

Потом почувствовал прикосновение сильной руки Али Хорава. Старик ласкал меня, как ласкают потерявшегося на улице, плачущего ребенка.

– Нет, сынок, нет. Ни в чем я твоему счастью не мешаю и губить тебя, видит бог, не собираюсь... Просто опытный я человек и погоду угадываю неплохо, и я хочу предостеречь тебя, Автандил Джакели: быть завтра на море буре, выйдет вода из берегов, и как бы не утонул ты, сынок!.. Вот и все. А теперь вытри слезы, солдат!.. Ну-ка, заводи свой мотор! Впервые в жизни возвращаюсь с моря без рыбы!.. Давай, сынок, не мешкай, через час начнется шторм!..

Али Хорава, ты мудрый и опытный человек! Ты угадал: завтра на море поднимется буря, закипит море, вырвется вода из берегов. Но Автандил Джакели не утонет! Пусть море просит душу у Автандила Джакели – он не отдаст ее! И в пасть к киту не попадет Автандил Джакели! Лодка Автандила Джакели плывет к берегу.

Автандил Джакели благодарен тебе, Али Хорава!

Пархоменко и Луговой спали мертвецким сном. Я прилег, не раздеваясь, на койку. В висках стучала кровь, в ушах звенело. Я закрыл глаза, и тотчас же передо мной возникла вереница знакомых образов. Они приближались, удалялись, смешивались. Потом на миг видение исчезло, и вдруг завертелась, закружилась знакомая карусель, только вместо фарфоровых слонов сейчас все, и я в том числе, сидели в лодках. Бушующее море подбрасывало нас на страшную высо-

ту, лодки исчезали в пенящихся волнах, вновь появлялись, вновь взлетали на гребне огромных волн и так без конца...

Мать... Отец... Або... Дед... Дядя Ванечка... Дадунэ... Феридэ... Щербина... Мевнунэ... Они поднимались высоко, до звезд, потом, сорвавшись, метеоритами падали вниз и исчезали в морской пучине. И вот на огромной волне осталась лишь моя лодка... Волна подбросила ее высоко, так высоко, что меня обдало теплом мерцающих звезд. Я протянул руки, желая схватить хоть одну из них, и тут лодка провалилась подо мной, и я остался один в небе с протянутыми к звездам руками... Объятый ужасом, я зажмурился, и долго потом ветер носил меня на своих крыльях в одной бездонной пустоте от одной звезды к другой, и везде нас встречали безмолвие и холод погасших жизней, а ветер все носился в поисках звезды, которой он мог бы доверить мою жизнь и мою судьбу...

Феридэ стояла в саду и осторожно перекладывала мандарины из подола в большую плетеную корзину. Я подошел к ней и, не здороваясь, присел рядом с корзиной на землю. Покончив с делом, она отряхнула платье и села. Теперь между нами была полная мандаринов корзина. Феридэ начала очищать мандарины.

– Я ухожу сегодня в полдень, – сказал я. Она не ответила.

– Вчера ночью Али Хорава взял меня в море.

– Пошла саргана, – проговорила она.

– Да, пошла саргана, только он вышел в море не за рыбой.

Феридэ насторожилась. Я молчал.

– Что же ему понадобилось? – не выдержала она.

– Али Хорава – умный человек. Он знает все. – Я умолк.

Пальцы Феридэ нервно мяли и разрывали мандариновую кожуру.

– Али Хорава сказал, – продолжал я, – что Феридэ – совесть села и дочь села, что я еще слишком молод для того, чтобы любить Феридэ, что я должен перебороть себя и уехать отсюда без Феридэ...

Покончив с мандарином, Феридэ подняла с земли и начала ошипывать обломок ветки. Молчание длилось несколько минут.

– Али Хорава был и у меня, – заговорила наконец Феридэ.

– Чего он хотел? – спросил я, чувствуя, как сердце подступает к горлу и начинает шуметь в висках.

– Али Хорава хочет, чтобы Феридэ была счастлива. Он знает, что ты хороший парень, что ты сирота, что ты очень еще молод, и он боится, что тебе не осилить мою любовь...

– А ты? Ты тоже боишься? – спросил я, замерев в ожидании ответа.

– Да. Боюсь. – произнесла Феридэ после долгого молчания. Я облизнул пересохшие губы, машинально потянулся к неочищенному мандарину. Кисловатый сок возвратил мне дар речи.

– Почему, Феридэ?

– Не знаю, Авто...

– Что еще сказал Али Хорава?

– «Если ты любишь этого парня, если ты уверена, что он не может жить без тебя, – заклинаю тебя богом, иди с ним, будь ему добрым другом и хранителем». Вот что сказал Али Хорава...

– Что же ты? Что ты ответила? – Голос мой задрожал.

– Я? Я ответила... – Феридэ заломила руки, взглянула на меня полными слез глазами. – Уходи, Автандил Джакели, иди своей дорогой. Не мучай меня...

– Феридэ! Я не знаю, что ты и Али Хорава называете настоящей любовью... Я знаю одно: никого, никогда я не любил и не полюблю сильнее тебя... И жить без тебя я не могу!

– Слушай, парень, что тебе от меня нужно? Пожалей меня! Вот уже год нет мне покоя и сна!.. Или ты хочешь, чтоб я спалила все и бросилась в море? Сжался надо мной!.. Уходи!..

– Если ты меня не любишь – скажи об этом сама! Другим я не поверю! Скажи мне сама – «Авто, я не люблю тебя!» – и я уйду... Сейчас же уйду!..

– Уходи, Авто... Если ты любишь меня – уходи...

Я встал и без слов направился к воротам. Выйдя на дорогу, я оглянулся в последний раз: Феридэ сидела на том же месте, зарывшись головой в колени. Плечи ее вздрагивали...

У нас на заставе – неписанный закон: в честь каждого увольняющегося устраивать торжественный обед. Разумеется, так было и в день моего ухода. На кухне приготовили отменный обед, сварили винный кисель. Меня, наряженного в

парадную форму, усадили за офицерский стол. Было произнесено три тоста: за наши Вооруженные Силы, за нашу заставу и за меня. В ответном слове я торжественно поклялся быть до конца верным присяге и по первому же зову Родины стать бок о бок со своими боевыми друзьями на защиту границы. Потом я попрощался с ребятами и получил по пинку от каждого.

Настал черед офицеров. Королев и Павлов, улыбаясь, крепко пожали мне руку. Наконец я подошел к Чхартишвили.

– Уходишь, бичо? – спросил он и потрепал меня по щеке.

– Ухожу, товарищ майор!

– Что ж, иди. Удерживать не стану, да и не удержишь тебя... Ну, давай прощаемся! – Он обнял меня за плечи, расцеловал. – Будь счастлив, мой мальчик!

– Спасибо, товарищ майор!

– Зубов! – крикнул Чхартишвили, направляясь к канцелярии. – Выводите «виллис»!

– Товарищ майор! – догнал я Чхартишвили.

– Что тебе, Джакели?

– Разрешите обратиться!

– Ну, ну, в чем дело?

– Просьба у меня к вам...

– Выкладывай!

– Отдайте мне Мерабчика!

– Кого?

– Мерабчика, медвежонка нашего!

– Как это – отдать?

– Разрешите взять его с собой!

– Куда, Джакели, домой?

– Товарищ майор, скоро зима, я знаю, Зудов велит зарезать его к Новому году... А я возьму медвежонка, сдам в Батумский зоопарк... Прошу вас, товарищ майор!..

Чхартишвили задумался.

– В зоопарк, говоришь?

– Так точно!

Майор помолчал. Потом крикнул:

– Горохов! Позовите сюда Горохова!.. Через минуту прибежал наш повар.

– Горохов, сдайте медведя Джакели! Он отвезет его в зоопарк.

– Товарищ майор! – взмолился Горохов. – Да я же его... специально откармливал... Как же так?

– Выполняйте приказ! Горохов поплелся к кухне.

Мерабчика с трудом впили в машину. По обеим сторонам, на заднем сиденье, заняли места Пархоменко и Луговой. Я, как герой дня, важно уселся рядом с водителем.

«Виллис» медленно тронулся, миновал ворота и, выйдя на шоссе, ускорил ход. Мерабчик тихо урчал и иногда лизал мне голову.

– Слышь, Джакели, ты перемени-ка фамилию! Назовись Запашным, или Дуровым, или еще – ну как его, который с

медведями?..– ухмылялся Луговой.

– Авто, не будь дураком, не вздумай сдавать его в зоопарк! – предупредил Пархоменко.

– Куда же я его дену?

– Как куда? Ведь я знаю: не видать тебе института, как собственных ушей! Купи красивый бубен и води медведя по тбилиским улицам! Разбогатеешь!

Подъехали к шлагбауму.

– Стоп, хлопцы! Теперь поворачивайте кругом!

Ребята сошли с машины. Еле-еле стащили заупрямившегося Мерабчика.

– Ну, прощай, Джако!

– Прощайте, ребята!

– Не забывай нас!

– Чего вы ревете, я же еще не умер?

– Пиши письма!

– Напишу!

– А ну, поворачивайся теперь!

– Только ты не бей, Пархоменко! Убьешь!

– Убить тебя мало!.. Уходишь, негодяй, от нас!

– Ладно, ребята... Прощайте!

– Будь здоров, Джако!

– Э, да хватит тебе! На, возьми платок!.. Да уходите же, черти!

– Прощай!

– Прощайте!

Пархоменко и Луговой сели в машину. «Виллис» заурчал, зафыркал, окутал меня дымом, вдруг рванулся с места.

Мерабчик отряхнулся, облизнулся, потянул носом воздух и, повернувшись лицом к селу, не спеша побрел по дороге, волоча за собой цепь.

– Куда, дурачок? – Я догнал медвежонок и схватил цепь. Мерабчик недовольно заворчал, уселся на задние лапы и стал грызть цепь.

– Вставай, вставай, глупыш! Медвежонок и ухом не повел.

Тогда я достал из кармана кусок сахара и показал медвежонок. Мерабчик покрутил мордой, вытянул шею и требовательно забил лапами. Я стал медленно пятиться назад. Мерабчик встал и пошел за мной.

– Что, жулик, без взятки не желаешь идти? На, жри! Медвежонок поймал на лету кусок сахара и с наслаждением проглотил его.

– Теперь пошли!

Мерабчик послушно зашагал рядом со мной.

Долго шли мы по шоссе. Мерабчик время от времени искательно поглядывал на меня, выпрашивая сахар. Подошли к роднику. Я с удовольствием освежился холодной водой, медвежонок жадно припал к роднику. Потом он улегся рядом со мной и стал тыкаться в руки своей мокрой мордой, требуя угощения. Я положил ему в рот кусок сахара. Мерабчик схватил руку и осторожно сжал ее зубами – по-своему поблагодарил меня. Немного погодя он опять взглянул на

меня:

– Есть еще сахар?

– Есть, дурачок, есть, смотри, вот полный карман! Все для тебя, успокойся!.. А ты знаешь, куда я тебя веду?

Мерабчика это не интересовало.

– В зоопарк, вот куда! Знаешь, что такое зоопарк? Мерабчик не знал.

– Не знаешь – скоро узнаешь... Посадят тебя в клетку, будут кормить, поить, ухаживать... По воскресеньям придут к тебе гости – дети с родителями... Будут прыгать, веселиться вокруг твоей клетки, конфетами угощать. Смотри, не ошибись – иногда они вместо конфет подсовывают камень в красивой обертке! Не обижайся. В детстве я тоже обманывал зверей... Соскучишься, конечно, да ничего не поделаешь, брат... Может, приведут к тебе второго Мерабчика – тогда будет веселее... Хочешь в зоопарк?

– Сахару хочу!

Я угостил его сахаром. Мерабчик кивком головы поблагодарил меня.

– А от зоопарка ты напрасно отказываешься... Заживешь, брат, как министр! Никого к тебе не будут пропускать без пропуска – без билета, то есть... А на клетке повесят твой портрет и надпись:

«Кавказский бурый медведь Мерабчик. Возраст 1 год. Живет в горах Аджарии. На воле достигает возраста 15–16 лет, в неволе – 10–12 лет. Кормится травой,

овоцами, медом, дикими ягодами. Часы посещения – с 1 до 5. Ближе не подходить, в клетку руки не просовывать, не дразнить!

Администрация зоопарка».

Чем плохая жизнь, а? Подумай! Шататься в лесу, искать пищу, связываться черт знает с кем... А тут – на всем готовом! Стоит ли из-за лишних двух-трех лет жизни портить себе кровь? И потом в лесу все равно ты не проживешь – отвык, брат, не то воспитание... А тут никто тебя не побеспокоит – ни одна собака, ни один сукин сын... Ты слушаешь меня?

Мерабчик слушал. Я угостил его сахаром. Медвежонок завалился на спину, подставил пузо.

– Что, почесать? Эх ты, бездельник! Обжора ты и лентяй, дорогой мой!

Я поскреб грудь Мерабчику. Он зажмурился и застонал от удовольствия.

– Теперь мы пойдем. Сдам тебя в зоопарк, попрощаюсь с тобой... Через год, может, вернусь сюда. Узнаешь меня?

– Узнаю, узнаю, только почеси как следует!

– Представляешь, что будет?! Человек в клетке медведя! Медведь ласкает человека! А? С ума сойдут люди!

– Сойдут, сойдут! Я взглянул на часы.

– Э, брат, мы тут бездельничаем уже битый час! Вставай, пошли!

Мерабчик встал, приник к ручейку. Потом медленно по-

шел вверх по воде. Я последовал за ним.

Медвежонок вышел на другой берег, отряхнулся, принялся к каштановым листьям, мягким ковром устилавшим землю, и вдруг с громким рычанием стал кататься по земле, копал ее лапами и мордой. Долго метался и бесновался он, затем устало прилег, положил голову на передние лапы и взглянул на меня такими глазами, что я невольно вздрогнул.

– Что с тобой, Мерабчик? Что случилось?

Медвежонок тяжело дышал, беспокойно ерзал и жалобно скулил. Что произошло с ним? Какое незнакомое доселе чувство ворвалось в его медвежью душу? Я осторожно приблизился к нему, снял ошейник и отбросил в сторону цепь.

– Иди, Мерабчик, в лес!

Медвежонок не сдвинулся с места. Я достал из кармана оставшийся сахар и насыпал на землю перед ним. Мерабчик даже не взглянул на сахар. Тогда я взял чемодан и направился к шоссе. Медвежонок последовал за мной. Весь вид его выражал смущение.

– Иди, иди, Мерабчик, в лес! Ты свободен! Иди, мой хороший!

Пройдя десяток шагов, я оглянулся. Мерабчик покорно шел за мной. Я присел перед ним на корточки, схватил его за голову и потерся носом о его холодный нос.

– Ну вот мы и попрощались. А теперь иди! Иди в лес! – Я легонько подтолкнул его и встал. Медвежонок тотчас же стал на задние лапы и пошел ко мне.

– Мерабчик, с ума ты сведешь меня!.. Ну, ладно, давай обнимемся, только смотри, осторожно!

Медвежонок раскрыл лапы, и мы обнялись... Я гладил его по спине, он тыкался мордой в мое лицо, облизывал щеки, рот и что-то жалобно бормотал.

– Хватит, Мерабчик, не заставляй меня плакать... Иди, иди своей дорогой!.. Медвежонок опустил на четыре лапы, повернулся, медленно двинулся к лесу, потом ускорил шаг и, наконец, помчался, не оглядываясь. Вскоре он скрылся в лесной чаще, лишь треск сухих веток доносился оттуда. Наконец все стихло... Не успел я пройти метров триста, как до меня донеслась длинная автоматная очередь. Я замер.

– Тра-та-та... – повторилась очередь.

Я бросил чемодан и сломя голову помчался на звук автомата. Задыхаясь, преодолел покрытый каштановым лесом склон горы и выбежал на небольшую поляну. У края поляны по траве на четвереньках ползал человек. Я подбежал к нему.

– Яшин?! Ты что тут делаешь?!

– Ищу стреляные гильзы.

– Зачем ты стрелял?!

– Понимаешь, иду себе, проверяю систему... Вижу, вышел из леса и прямо на меня!.. На двух ногах, словно человек! Огромный какой, гляди! Хорошо еще, вовремя заметил...

Недалеко от нас навзничь лежал Мерабчик... Из его рас-

крытой пасти еще сочилась кровь.

– Почему ты его убил? – спросил я Яшина и сам не узнал своего голоса.

– Вот еще!.. Вижу, идет прямо на меня медведь...

– Да какой же это медведь, идиот! Ведь это Мерабчик!

У Яшина от удивления отвисла нижняя челюсть. Он опустился на землю. Сверху донесся шум – к нам спешили пограничники.

– Джакели... Я не знал... ей-богу... Ты уж извини... – пробормотал побледневший Яшин.

– Ладно... Что было – было... Прощай!..

За полчаса автобус довез меня до Батуми. Поезд отходил в двенадцать ночи... Оставшиеся пять часов я бесцельно бродил по городу, наконец, не выдержав, пошел на вокзал, упротил проводницу впустить меня в вагон за час до отправления поезда, вошел в купе и, не раздеваясь, бросился на койку.

Поезд тронулся неожиданно. Сперва громыхнуло, по вагонам пробежала судорога, потом состав сильно дернуло, и, наконец, колеса завертели плавно, ускоряя бег и постукивая на стыках.

В купе, кроме меня, не было никого.

– Молодой человек, постель не желаете? – заглянула проводница.

– Нет.

– Извините.

– Очень вас прошу, если можно, не впускайте сюда пас-

сажиров!

– Пожалуйста! Состав почти пустой... Вы закройте дверь.

– Спасибо!

– Где вас разбудить?

– Нигде.

– Спокойной ночи!

– Спасибо.

Ритмичный, монотонный перестук колес притуплял мысль, убаюкивал. Усталость, напряжение, переживания дня опутывали тело, словно паутина... Охваченному сладостной дремотой, мне казалось, будто я лечу куда-то ввысь. Синяя лампочка на потолке купе испускала нежное, ласковое сияние. Оно постепенно расширилось, раздалось, охватило все вокруг, залило лазурным светом небо и землю...

Потом меня подхватили легкие волны синего моря. Я зажмурился, с наслаждением окунулся в теплую воду, и безбрежная синева поглотила меня...

...Она вошла, как десять лет назад, – стройная, красивая, синеглазая, с ниспадающими на плечи локонами иссиня-черных волос, легкая, воздушная, в длинном светлом платье. Вошла и погладила меня по лбу своей теплой белой рукой.

– Здравствуй, сын!

– Здравствуй, мама!

– Как ты живешь, сын мой?

– Не знаю, мама...

– Хорошо?

– То хорошо, то плохо...

– Так оно и должно быть. На свете не бывает только хорошо и только плохо.

– Наверно, так, мама...

– Есть у тебя трудности? Сомнения?

– Есть, мама! Но какие именно – не разберусь... Многого я не понимаю... Думаю – вот наконец-то я понял это... И вдруг догадываюсь, что ни черта я, оказывается, не понял... Думаю – вот это и есть настоящая любовь... И вдруг вижу, что никакая это не любовь... И наоборот: казалось, и не думал об этой любви, а потом чувствую, что не могу жить без нее... Или еще: боюсь, страшусь чего-то, и вдруг выясняется, что бояться-то, оказывается, нечего... Еще хуже, когда уверен в себе, в своих силах, а на деле получается – боюсь я их, еще как боюсь... Трудно мне, мама, понять все это...

– Ты еще молод, сынок...

– Какая уж молодость, мама, скоро мне двадцать!

– Двадцать – это не много, сынок. – Но и не мало, мама!

– В твоём возрасте и мне бывало трудно...

– Не знаю... Я не знаю, мама... Ты нужна мне, мама!

– Потому я и пришла, сынок!

– Ты не уйдешь?

– Не уйду, пока не узнаю – о чем думает плоть и кровь моя, куда она идет, ради чего живет.

– Не понял, мама...

– Ты должен знать – для чего ты существуешь, кем ты ста-

нешь.

– Я не знаю, кем я стану. Я только хочу стать...

– Кем? Каким?

– Я хочу, мама... Хочу быть сильным, как дед мой Исидор...

– Мало, сынок!

– Чистым и прямым, как мой отец...

– Мало, сынок!

– Честным, как дядя Ванечка... Благодарным и любящим, как Мерабчик... Умным, как Али Хорава... Преданным долгу, самоотверженным, как Щербина... Смелым и благородным, как Чхартишвили... Добрым и милосердным, как ты, мама... Это много?

– Это хорошо, сынок! Осилишь ли ты все это?

– Хочу осилить!

– Хорошо. Но все это в будущем. А теперь? Чем ты живешь теперь? Что ты любишь? К чему стремишься?

– Я люблю жизнь, мама. Я хочу жить, долго жить для того, чтобы достичь цели... И еще я люблю мечтать, мама... Но что это? Поезд проваливается в темноту... Это тоннель, мама... Я уже не вижу тебя! погоди, выйдем из тоннеля, выйдем на свет... И тогда я скажу тебе, мама, что еще я люблю...

– Успокойся, сынок, я уже поняла тебя... Теперь я уйду.

– Не уходи, не покидай меня, мама!

– Мне нельзя оставаться, я должна идти!

– Ты придешь ко мне, мама?

– Обязательно, сынок! Ты позови меня, когда тебе станет трудно, и я приду к тебе, сынок!

– До свидания, мама!

– Береги себя, сынок... Не погуби меня, родной мой!

– Не бойся, мама!

Она опять прикоснулась к моему лбу белой теплой рукой и... исчезла, оставив мне тепло своей огромной любви, тепло, которое она подарила десять лет тому назад засыпавшему маленькому мальчику, тепло, которое согревало меня все эти годы...

Я проснулся. Вокруг все еще колыхалась бездонная, всеобъемлющая синева. Потом она постепенно поблекла, сузилась, сконцентрировалась в одной точке. И я увидел на потолке лампочку, мерцавшую нежным синим светом.

На противоположной койке сидела незнакомая женщина. Опершись локтями на столик, она глядела в окно.

– Простите, где мы? – спросил я.

– Вышли из тоннеля, – ответила она.

...Вышли из тоннеля... Вышли из тоннеля... Зазвенели сотни колоколов... Загудели сотни поездов... Вышли из тоннеля... Вышли из тоннеля... Звон, шум, гудение слились в один общий протяжный гул...

Бом... Бом... Бом... Вышли из тоннеля... Господи, неужели все это сон? Почему сон?!

Я вскочил с койки. В купе никого не было... Синий свет вокруг меня бледнел, бледнела и ночь в окне. Поезд мчался

на восток. Наступало утро...

Бом... Бом... Бом... Вышли из тоннеля... Автандил Джакели, вышли из тоннеля!..

Сердце мое громко стучало и гудело, словно исполинский колокол на высокой колокольне...

1969